

[Polaris]

А. ЛЬВОВ

**КИТАЙСКИЕ
МИЛЛИОНЫ**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

III

Salamandra P.V.V.

А. Львов

КИТАЙСКИЕ МИЛЛИОНЫ

Подготовка текста и
комментарии
А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Львов А.

Китайские миллионы. Подг. текста и комм. А. Шермана.
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 192 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. III).

Роковая страсть соединяет авантюриста и убийцу Будимирского и экзотическую красавицу, ученицу тибетских махатм Изу ди-Торро.

Гонконг и Париж, Макао и Ницца, таинственные восточные секты и роскошные отели, подозрительные притоны и чинные банковские конторы, паранормальные явления и смелые эротические сцены – в фантастическо-приключенческом романе А. Львова «Китайские миллионы», который вышел в свет еще до революции и с тех пор не переиздавался.

© А. Sherman, комментарии, 2013

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2013

КИТАЙСКИЕ МИЛЛИОНЫ

НА ПУТИ. — КРАСАВИЦА В МАНТИЛЬЕ.

«Tagasago Maru», большой пассажирский стимер японской компании «Мицу-Биши», со скоростью 11 узлов в час рассекал своей мощной грудью мутные желтые волны Печилийского залива, удаляясь от обгащенной кровью зелени в открытое море, «Желтое море».

«Все здесь желто, — национальный, подлый цвет» с горечью думал Будимирский, мистер Найт тож, вторые сутки уже не выходявший из своей кабины, разглядывая свое пожелтевшее лицо в зеркало каюты.

Tour de force свой, как он назвал ряд совершенных им в Тянь-Тзине преступлений, он выполнил с таким расчетом и хладнокровием, что ему позавидовали бы и блаженной памяти Рокамболь и сих дел мастера Лондона и Парижа, но не успел он в Таку взойти на борт «Тагасаго Мару», как напряженные нервы его сразу опустились, энергия иссякла, и тело ослабело; сегодня же он увидел в зеркало, какая желчь разлилась по его красивому лицу... Он вытянул правую руку и посмотрел на пальцы, — они дрожали...

«Точно с перепою» подумал Будимирский, «теперь меня подросток одолеет, а до Гон-Конга каких-нибудь четыре-пять дней только. Там мне нужны все мои силы... Упадок духа — это пустяки, все устроилось прекрасно, шито-крыто, я в полной безопасности, ибо Будимирский убит сестрою, и она скоро получит возмездие за это, конечно, не выдав истины, но я физически ослабел от этой перетряски и, потом, эта желтуха... Не спросить ли пароходного доктора! Да он японец, а вряд ли желтая раса считает желтуху болезнью...» улыбнулся авантюрист.

И ужин вчера и брекфэст сегодня утром, неизбежный в Тихом океане на всех стимерах бифштекс, ветчина с яйца-

ми и крепкий чай ему подавали в каюту. Он не выходил на палубу еще и, кроме маленького юркого японца-лакея, никого еще не видел на пароходе.

Вчера и сегодня утром, проходя в уборную и назад по узенькому коридору, ему оба раза показалось, что из полутьмы какой-то кабины, из-за занавески, на него устремлена была пара черных, горящих, как уголья, глаз... Но Будимирский приписывал это своим расстроенным нервам. Он и сейчас вспомнил этот пытливый горящий взгляд, но только брезгливо передернул плечами.

«Довольно нервничать! Лучшее средство лечения, это — взять в руки себя, а на желтуху наплевать, мне не свататься» решил Будимирский и позвонил.

Появившемуся лакею он приказал принести каталог кают-компанийской библиотеки, а затем выбрал из каталога томик рассказов Киплинга, какой-то бульварный французский роман и оба тома Гессе Вартега «China und Japan».

«Мне в Гон-Конге придется, может быть неделю- другую прожить в ожидании французского парохода, — не на английском же мне ехать, — нужно познакомиться с этой восточной столицей Англии, которую мне пока избегать надо...»

Документ миссионера Найта был в полной исправности, Будимирский, как в детстве «Отче наш», знал всю жизнь Найта, все даты, имена всех родных и даже всех знакомых, но... мало ли что может случиться, всего не предвидишь, и Будимирский решил при первой же возможности сбросить с себя шкуру миссионера и пользоваться ею только при крайней необходимости. В подкладке его старого теплого жилета из замши — единственной вещи Будимирского, которого мистер Найт оставил себе, — зашиты были документы четырех никогда небывалых, но чрезвычайно *удобных* ему личностей, — документы, артистически сфабрикованные...

Как пользоваться ими — в голове его составлена была уже целая система, сложная, но безукоризненная.

Когда лакей принес ему книги, Будимирский, жалуясь ему на нездоровье, ловко расспросил его о составе общества пассажиров «Тагасаго Мару».

— О! Прекрасное, большое общество, и сэр очень теряет от несвоевременной болезни, лишаящей его общения с избранными представителями всех стран и народов, перевозить которых имеет честь лучший стимер первого в Японии пароходного общества. Сэр не знает ничего о «Тагасаго Мару»? Но ведь это «Дельта», «Дельта» знаменитого американского общества «Nord Staag», которое мы разорили, купив у него затем все стимеры. О, сэр! «Мицу-Биши» теперь первое общество на Тихом океане, и мы колоссально теперь заработаем, у нас здесь нет соперников! — как горохом сыпал на довольно сносном английском языке маленький японец в куцей ливрее, белом переднике и перчатках.

— Вы интересуетесь обществом? — продолжал он, перебитый повторенными вопросами Будимирского. — Прекрасное общество. Человек двадцать из высшего общества Нагасаки, Токио и Иеддо, один даже граф, секретарь посольства, едущий в Гон-Конг, откуда он на английском стимере едет в Англию. Вы ведь, сэр, тоже на родину? Компаньоном вашим будет вместе с двумя английскими офицерами, — один из них ранен, другой болен, лихорадка мучит, и он лежит на вате, закутанный одеялами, несмотря на прекрасную погоду, Ах, сэр, полюбуйтесь сегодня закатом, — чудный будет, — солнце опять, как вчера, кровавое опустится в море крови... Замечательное явление, наблюдаемое во все время этой прекрасной войны. Почему прекрасной? Но ведь, кроме нас, никто от нее не выиграет, — ведь мы же теперь все поставляем и русским, и всем европейцам, и китайцам... Да, виноват, вы обществом интересуетесь... Французский монсиньор едет с двумя секретарями и женой, т. е. сестрою: у них ведь жен не полагается; еще французский коммерсант и больной офицер, двое русских, — не знаю из каких они; человек десять немцев, трое — с женами, очень толстыми, и... ваша соседка, — вы знаете, дамское отделение здесь рядом с вашей кабиной, за занавесью. Indeed! Великолепная особа... и довольно таинственная... Рекомендую, сэр, обратить вам на нее свое внимание не только как на женщину-красавицу, ибо вам брак разрешается, но и как на заблудшую овцу, ибо вы духов-

ный пастыррь... Впрочем, она очевидно католичка, из Португалии вероятно, если не из Макао, ибо едет она в Гон-Конг...

Японец взглянул на часы.

— Прошу прощения, сэр! Сейчас lunch будет. Прикажете сюда подать?

— Да.

В ожидании lunch'a из двенадцати блюд восточно-английской кухни, щедро одобренных кайенским перцем, начинающихся неизбежным бифштексом и кончающихся неизменным кэрри*, Будимирский углубился в чтение не Гессе Вартега, а «Les femmes galantes», и продолжал чтение вплоть до тех пор, пока не смерклось. Тогда он, нахлобучив широкополую шляпу и завернувшись в плащ, вышел на палубу.

У капитанского мостика группировалась «аристократия» пассажиров, несколько японцев, и здесь даже, на пароходе, в черных рединготах и излюбленных ими котелках; высокий англичанин, несомненно военный, с перевязанной рукой, пара шведов с женами рука об руку и с толстыми сигарами в зубах; громко болтавший на скверном английском языке француз и неопределенной национальности личность, судя по постановке ног и жестикуляции — моряк.

Будимирскому пришлось пройти около этой группы, беседовавшей о последних военных операциях Вальдерзее у Пекина, но эта беседа сразу оборвалась, когда «аристократы» увидели больного пассажира кабины № 23.

«Обо мне говорят» подумал Будимирский и направился на пустынный ют. Здесь в качалке лежал больной англичанин, да у самого борта, сидя на индийском кресле и свесившись головой к воде, виднелась стройная женская фигура, голова которой была накрыта испанской черной кружевной мантильей.

Будимирский уселся у противоположного борта — ни женщина в мантилье, ни больной не обратили на него внима-

---

* Англо-индийское блюдо из риса, осыпанного растительным порошком кэрри, острым и пахучим (*Здесь и далее прим. авт.*).

ния — и стал смотреть в сторону запада, подернутого кровавым следом после заката.

Перед ним, как реальная, встала было картина убийства Прокофьева, но он стряхнул с себя эту галлюцинацию, отыскал на борте пуговку звонка, приказал подать себе черного кофе с коньяком и предался сладким мечтам, потягивая коньяк и куря сигару.

Ему было о чем помечтать, — а безмятежная морская гладь кругом и легкое вздрагивание могучей машины стимера убаюкивали его, заставляя уноситься мечтою вперед, в будущее.

Каково оно будет? То, чего Будимирский добивался всю жизнь — миллионов, он приобрел сразу и безнаказанно, ему остается только основательно обдумать планы, как *истратить* эти миллионы, как устроить дальнейшую жизнь и где... План этот набрасывался уже в общих чертах в ту безумную ночь и преступный день, когда он опоил Ситреву и задушил хлороформом Прокофьева, но он и тогда признавал слабые стороны этого плана...

Его мечты были прерваны ударом тамтама. Звали к обеду, и лакей, думая, что мистер Найт наконец спустится в кают-компанию, подошел спросить его, какое он будет пить вино.

— Я не буду обедать, — поднял голову Будимирский и... остолбенел. Женщина в мантилье поднялась по зову тамтама, но по ту сторону палубы матросы в эту минуту сворачивали толстый трос, и ей пришлось перейти на сторону Будимирского, чтобы пройти к трапу в кают-компанию,

Их взгляды встретились. В этот момент матрос, несший громадный белый фонарь для бизань-мачты, задержался перед грудой свернутого троса и одновременно осветил и Будимирского и красавицу в мантилье, на которую «пастор», очевидно, произвел такое же сильное впечатление, как красавица на него.

Желчь, разлившаяся по лицу авантюриста, не могла быть заметной при слабом освещении, а в полусвете его прекрасный античный профиль и дивные, громадные, полные энергии глаза рисовались еще прекраснее; незнакомка же —

положительная красавица, южанка с глазами и волосами черными как ночь, с матовым цветом лица дивного овала, с очаровательным коралловым ротиком...

— Санта-Мариа! — прошептала она, не сводя глаз с Будимирского, как околдованная, и, медленно освободив из-под мантильи руку, подняла ее и прижала к пылавшему лбу.

— Черт побери! Она не хуже Ситревы и... даже похожа на нее немного... Вот находка...

Он поднялся и поднял руку к шляпе, но незнакомка оправилась и быстро скользнула по лестнице в кают-компанию.

Все грезы и мечты, все планы Будимирского улетели, точно вихрем унесенные, и он пожалел, что отказался от обеда, но вскоре вспомнил, что он пастор, миссионер, и на борте «Тагасаго Мару» есть англичане.

«Благоразумие, благоразумие» успокаивал свое волнение Будимирский. «Все равно она моя соседка, лакей, конечно, о ней говорил. Она в Гон-Конг едет, недалеко — четыре дня, а там...»

Он опять стал мечтать, но в новых грезах фигурировали уже не Париж и Лондон, не Ницца и Трувиль, а южные ночи, полные неги и страсти, и чудная головка незнакомки, ее глубокие как море, темные, сулящие блаженство глаза.

Вскоре на палубу высыпали пообедавшие пассажиры и сгруппировались на юте, на этот раз почти окружив Будимирского. Поднялась и незнакомка, но, не приближаясь к нему, она фиксировала его с того борта неутомимо, не отводя глаз, точно желая ему сказать что-то. На миссионера, держащегося в стороне, поглядывали и все остальные, но в особенности внимательно наблюдали за ним, точно изучая его, два маленькие франта-японца, одинаково одетые, с одинаковыми скулами, плохо растущими усами и оба в темных очках. Они, очевидно, секретничали, но говорили довольно громко по-китайски, не боясь красавицы в мантилье, которая одна сидела близко к ним, потягивая шерри-коблер через камышинку. Она ехала не из Тян-Тзина, а из Нагасаки и, судя по костюму и манерам, недолго жила на

Дальнем Востоке, а следовательно не могла знать китайского языка. Китайцев же в первом классе никого не было. Японцы, не спускавшие глаз с Будимирского, вдруг быстро вскочили и направились к центральной группе у бизань-мачты, когда увидели, что к этой группе подошел миссионер.

Да, Будимирский решил, что его упорное одиночество и молчание может показаться слишком подозрительным обществу, с которым ему придется еще четыре дня плыть, а может, и жить некоторое время в Гон-Конге, и он подошел к группе, откуда вдобавок доносились заинтересовавшие его восклицания «Рёша», «Рёшен»*.

Он подошел прежде всего к английскому офицеру, приподнял шляпу и отрекомендовался, после чего офицер протянул ему здоровую руку, и оба энергично потрясли друг друга. Затем мистер Найт почтительно приветствовал жирного католика-монсиньора и, сделав общий поклон, процедил сквозь зубы, как истый сын Альбиона: «Найт, миссионер».

— Вот, вот, — вот именно, именно вы можете разрешить наш спор! — накинулся на него субъект неопределенной национальности, оказавшийся далматинцем, Бог весть какими судьбами занесенным в Японию, 20 лет прослужившим капитаном одного из пароходов компании и ныне, скопив капитал, возвращавшимся на родину, чтобы на своем пароходе плавать по Адриатике.

Изучивши Восток на практике, далматинец утверждал, к негодованию японцев, англичанина и немцев, что Восток может принадлежать только русским, твердо и систематически забирающим его в свои руки и умеющим оставаться друзьями с подчиненными народами, но если европейцы будут стремиться обезличить китайцев, вводя здесь европейскую цивилизацию силою, китайцы восстанут второй и третий раз и затопят Европу, — «желтое нашествие» станет

---

* Россия, русские.

не басней германского императора, а действительностью, которую европейцы заслуживают...

Слушатели возмущались, но сразу стихли, когда заговорил «миссионер, десять лет проживший среди китайцев», как заявил в первых же словах Будимирский. Его московские приятели устроили бы ему овацию, если бы слышали, с каким апломбом и профессорским достоинством говорил он свою речь. Да, он горой стоял за китайцев, разделяя все взгляды далматинца, опираясь на факты, никому (в том числе и ему самому) неизвестные, но доказывающие его глубокое знание Китая и китайцев, и в пух и в прах разбивал жадных кровопийцев-европейцев...

И речь и почти вдохновленная фигура Будимирского до того imponировали, что когда он с достоинством, кончив речь, раскланялся и медленно удалился, группа слушателей и не подумала возражать такому сведущему лицу и духовной особе, и только англичанин-офицер, быстро догнав его, спросил, неужели он, англичанин, действительно думал то, что говорил.

— Сэр! — серьезно ответил шепотом ему «миссионер», — помните всегда, что мы, англичане, здесь среди наших врагов, пусть пугаются, *мы* знаем правду для нас одних.

Величественным движением руки он отпустил офицера, который тут же решил, что мистер Найт, очевидно, облечен был в Китае, не одной религиозной, но и дипломатической миссией...

Два японца, почему-то так внимательно наблюдавшие за Будимирским, неизвестно по какой причине остались в высшей степени довольными его речью, и, перешептываясь между собою точно заговорщики, направились опять к борту, в ту сторону, где, развалиясь на кресле и точно не видя ничего вокруг себя, любовалась звездным небом красавица в мантилье.

Но вот красавица зажгла спичку, взглянула на маленькие часики с десятком затейливых брелоков, болтавшихся у нее на поясе, медленно встала и направилась вниз...

С палубы постепенно расходились пассажиры, и только Будимирский долго-долго мерил большими шагами кормо-

вую площадку, обдумывая план знакомства в Гон-Конге с одинокой красавицей.

«Да, да» думал он, «в Гон-Конге я, получив деньги, останусь надолго... спрячусь где-нибудь, чтобы отрасли усы, перекрашу волосы... оденусь иначе и... с ней покачу в Европу. Черт побери, если лакей двусмысленно говорил о ней, если она *одна* едет через океан, — значит можно будет. А она — она красавица, с ней в Париже не то, что не совестно будет показаться, но она за пояс заткнет там всех модных львиц света и полусвета».

Пробило сколько-то склянок. Будимирский взглянул на часы с вензелем мистера Найта, — было 12 часов, — на палубе ни души не было, и он пошел спать.

На лестнице, покрытой толстым ковром, его шагов не могло быть слышно, но в ту минуту, когда он, повернув вниз, хотел было открыть ключами дверь своей каюты, занавеска рядом медленно приподнялась, и при припущенном свете электрической лампочки коридора он увидел прелестную девушку в мантилье, приложившую палец к губам в знак молчания...

Он остановился и очарованный смотрел на нее. Девушка знаком показала, чтобы он не отворял своей двери и жестом пригласила его в свою каюту.

Не успел он войти, как она быстрым движением защелкнула дверь на замок и, обернувшись, страстно и жадно обняла Будимирского. Его охватил какой-то пряный, томительный, сладкий запах духов, охватила нежащая теплота женского тела...

— Caro mio! Caro mio! — шептал прерывающийся страстью голос...

II.

ИЗА ДИ-ТОРРО.

Н а что Будимирский считал себя по справедливости «бывалым» человеком, но и его такое приключение ошеломило, когда прошел первый порыв страсти, и он следил с удивлением за спокойным теперь выражением лица красавицы, еще не сказавшей ему ни слова, кроме тех нежных, ласкающих, который срываются вместе с жаркими поцелуями... Он слышал и «My darling», и «mon chéri», и «mio caro» и наконец — «радость моя», «красавец мой» и не знал, на каком же языке заговорить с нею. Лакей-японец называл ее уроженкой Португалии, но, не зная ни португальского, ни испанского языков, Будимирский наконец по-французски спросил, как зовут ее.

— Иза ди-Торро, — ответила она серьезно и, вдруг лукаво улыбнувшись, прибавила по-французски — а тебя?

— Майкель Найт... — неуверенно ответил Будимирский, удивляясь этой неуверенности.

Он хотел приписать ее все тому же нервному состоянию, но она быстро заметила:

— Меня ты не обманешь — ты не англичанин.

Будимирский сильно вздрогнул, и она это заметила.

— Меня ты не бойся, — кто бы ни был ты и от кого бы ты ни скрывался — меня это мало интересует пока, — с той минуты, как я тебя увидела — я твоя: и твоя душой, понимаешь ли ты это! Твоя раба...

Будимирский дико глядел на нее.

— Что ты говоришь несообразное... Я ни от кого не скрываюсь, и я, как сказал тебе — Майкель Найт, миссионер, англичанин...

Иза ди-Торро засмеялась.

— Не говоря уже о «миссионере», но и просто англичанин-джентльмен — а ты джентльмен — не войдет к незнакомой женщине в каюту по первому ее зову, даже жесту... Ты... ты француз или, скорее всего, русский и, следовательно, ты не англичанин, не миссионер и не Найт... Ха! ха! ха! Да разве англичане так улыбаются и... так пугаются слов женщины? Пока ты слушаешь меня, у тебя выражение лица три раза изменилось... О, нет, ты не англичанин, в этом я уверена, но от кого ты скрываешься, — я еще не знаю... Про то знают те два японца.

— Что? — вскочил в ужасе Будимирский.

— *Au nom du ciel!* Не кричите... Что вы? — перепугалась красавица.

— Повтори, что ты сказала... Какие японцы? — шепотом выбрасывал слова Будимирский, побледнев и весь дрожа как осиновый лист.

— Видишь! Значит, правда, что ты скрываешься, но прежде всего успокойся... Я уверена, что тебя не ожидает никакая опасность, в особенности теперь, когда я с тобою...

— Что говорили японцы, говори... — настаивал Будимирский.

— Когда ты показался вечером на палубе, эти два человека, которых никак нельзя определить, кто они, кроме того, что они японцы, сидя рядом со мною и уверенные в том, что я не понимаю по-китайски, заговорили о тебе какими-то намеками, полусловами, из которых я могла понять одно лишь: они тебя никогда не видели раньше, — они знали только, что ты выедешь из Таку с этим стимером, переодетый миссионером, и им поручено за тобою следить повсюду, ни в чем тебе не мешая... Потом, когда ты тем пассажирам речь держал, они, прослушав ее, вновь заговорили о тебе совсем другим тоном, почти радостным; один говорил: «О, да, теперь я вижу, что он из наших», а другой заметил, что «она скверного выбора не могла сделать». Кто это она — скажи мне?

Будимирский не слышал последнего вопроса, — он сразу успокоился и сосредоточился. Все очень просто, — очевидно, Ситрева, несмотря на весь ее экстаз, послала следить за

ним двух членов секты... Следить «не мешая», — но быть может и *содействуя*... Ведь талисманы Ситревы со мною, и они мне *должны* во всем подчиняться. Когда же они разочаруются во мне, — мне не страшно, — они не знают, что Ситрева уже, вероятно, арестована, а не сегодня-завтра будет если не казнена, то во всяком случае лишена возможности действовать... Соглядатайство их меня мало стеснит... Я думал, что это сыщики с *той* стороны, и глупо думал: *там* все обделано слишком умно и тонко.

Будимирский даже улыбнулся и привлек к себе Изу.

— Красавица моя, — я был болен, и нервы мои очень расстроены еще... Ты напугала меня, но я успокоился и прошу прощения. *Никого* я не боюсь, слышишь? Японцы эти в полной моей власти, и я...

— А, значит, ты сознаешься, что ты не миссионер! — перебила его красавица. — Ты политический агент? От кого? С какой стороны? Скажи, милый? — взволновалась она.

— Нет, я не агент, успокойся. Это *тебя* политика волнует, вижу. А вот ты, ты скажи мне, кто ты? Говорят, что ты уроженка Португалии, едешь ты из Японии, знаешь китайский язык и французский...

— И английский, и русский, и итальянский, и немного немецкий, — опять перебила его, тихо смеясь, Иза.

— Кто же ты?

— Дочь Востока, милый мой. Это будет самое верное определение. Отец мой португалец, мать русская, а родилась я в Китае, в португальской колонии Макао, близ Гон-Конга, куда и еду!

— О этого мне мало! — горячо воскликнул Будимирский.

— В тебе столько таинственного, столько манящей прелести, — я хочу все знать о тебе!

— Ты и будешь все знать, только не сейчас... Разве ты думаешь, что мы можем так скоро расстаться... О, нет! Нас судьба надолго связала, надолго... Я знаю это, я чувствую... Ты мало жил на Востоке, не знаешь того, что мы знаем, не испытывал тайных сил природы, которым мы подчиняемся — но ты узнаешь их... Но теперь, теперь я хочу только

ласкать тебя, молча любоваться тобою, исполнять твои приказания... Я встретила...

Она страстно протянула к нему точно из мрамора выточенные руки... В глазах ее горел огонь, сжигавший Будимирского... Бурные ласки, жаркие объятия, томительные наслаждения казались бесконечными. Только на заре Будимирский тихо прокрался к себе в каюту, условившись с Изой, что в течение всего дня завтра и далее до Гон-Конга они виду не подадут, что знают друг друга.

Наутро начался томительный день морского путешествия, не нарушаемого ни бурей, ни встречами, ни остановками. Куда глянет глаз, простиралось безбрежное море, то буро-зеленое, то чисто синее, смотря по тому, закрывалось ли осеннее солнце облаками, море почти покойное, с легкой зыбью, которая чуть заметно, плавно покачивала быстро идущий «Тагасаго Мару», направлявшийся к востоку.

Около 10 час. утра, когда Будимирский-Найт фланировал по палубе, заложив за спину правую руку с молитвенником, на мостике раздался звон, — стимер переменял курс на юго-юго-восток, обходя едва видневшийся к югу мыс с желтыми укреплениями Вей-Хай-Вея.

Пассажиры в бинокли и подзорные трубы рассматривали новую английскую крепость, а субъект неопределенной национальности опять читал им авторитетным тоном лекцию об английском expansion.

После lunch'a Будимирский добросовестно штудировал книгу Вартега, но скоро убедился, что полезных для него сведений из нее он не извлечет, и занялся французской книжкой, — вечер же опять провел на палубе, не вмешиваясь в разговор и изредка незаметно любуясь красивою фигурой Изы и наблюдая двух тщедушных японцев, державшихся все время вместе. «Враги они или друзья ему?» думал он и решил в Гон-Конге, а не здесь, на пароходе, разрешить этот вопрос. Впрочем, как друзья или слуги они ему не нужны, как врагов же он может раздавить их, когда вздумается. О них не стоит и думать. Есть более важные вопросы, которые осложнились теперь, благодаря вмешательству в его жизнь Изы. «Кто же она в самом деле? Нуж-

но узнать это досконально. Странная девушка. Не то куртизанка, не то оккультистка какая-то.. Что такое она говорила о каком-то астральном теле или душе... Ничего не понимаю... Но все-таки чудная женщина, — с такой можно пожить и дела даже делать. Ей страстно хочется узнать мою подноготную, но я думаю сперва раскрыть, что она за птица... Она говорит, что раба моя, — ну что же, я прикажу ей рассказать всю ее жизнь. Надо знать, с кем собираешься жизнь прожить...»

Опять настала ночь... Опять горячие объятия, бьющая через край страсть, слова любви и намеки на предопределение...

Было около 2-х час. ночи, когда Будимирский, пристально взглянув прямо в зрачки глаз Изы, внушительно сказал:

— Иза, довольно объятий на эту ночь, — через три дня мы будем в Гон-Конге, и я теперь же должен знать, кто ты такая, — понимаешь? Тогда и я раскрою тебе карты...

Иза выдержала его взгляд, точно впиваясь в глаза Будимирского, точно из них впитывая в себя какую-то силу... Она вздохнула только медленно и глубоко.

— Хорошо. Только я не умею связно рассказывать. Я тебе передам мою жизнь в нескольких картинках, — начала она. И до рассвета в маленькой каюте раздавался ее тихий, нежный голос, передававший странную, трогательную и драматическую историю загубленной жизни:

«— Раз в поздний час горячей июльской ночи, стройная, совсем юная девушка, одетая в богатое черное платье, тихо постучала в дверь большого дома на одной из лучших улиц Сан-Франциско. Ей отворили.

— Здесь общий танцевальный зал? — спросила она.

— Да, — нехотя ответил ей швейцар, — только у нас надо раздеться.

— Да? Ну... что ж? А маску можно надеть?

— Конечно.

— Ну, так впустите меня.

— Два доллара за вход, — заявил лакей, протягивая руку.

Золотой в 10 шиллингов блеснул под светом газового рожка, и дверь широко распахнулась перед девушкой. Она

храбро шагнула в темный коридор и остановилась, чтобы оглядеться.

— Дверь направо, подымите портьеру, и вы будете в гардеробной, — любезно пояснил швейцар, подкупленный тем, что у него не потребовали сдачи.

Вот она в гардеробе. Направо женская половина, налево мужская, — их разделяет лишь легкое драпри. Дальше идет коридор с отдельными номерами по обе стороны, а в конце его опять дверь, ярко освещенная и заклеенная огромною афишей.

— Желаете номер? — спросила девушку старуха-горничная, странно разодетая, в каком-то белом пеньюаре с маскою розовых лент.

— Да, который почище...

— О, у нас все хороши. Пожалуйте сюда.

— Что это стоит?

— Только доллар, — так дешево!

И доллар полетел в руку старой мегеры.

Меньше чем через пять минут юная посетительница этого вертепа вышла из номера и твердою походкой направилась к двери с афишей.

— Ваш номер восьмой, — крикнула ей вслед старая мегера, добавив: — вишь какая прыткая.

Но как бы ни была прытка странная девушка, а перед дверью она на секунду замешкалась и оглянулась назад.

— Ого! Маску надела, — проворчала старуха, — вот мы как, важная барыня!

Ослепительный блеск тысячи огней, обдавший девушку разом, едва переступила она порог двери, по-видимому, не озадачил ее — к этому она приготовилась.

Но общее внимание многочисленного собрания, ропот удивления и восторга, пробежавший по всей зале, как будто смутили ее на минуту. Она старалась быть бодрой, но ей тяжело было от непривычного положения.

Какой-то нахал с черными баками и усами развязно подскочил к ней с явным намерением снять маску, но моментально отпрыгнул, будто обжегшись... Маленькая ручка девушки не совсем нежно коснулась его щеки...

Неистовыми аплодисментами ответила публика на эту выходку новоприбывшей.

Американцы не любят, однако, долго останавливать внимания на одном и том же. Скоро все успокоилось в зале, и танцы пошли своим чередом. Несколько человек молодежи приглашали эту девушку на тур вальса, и она, долго не думая, подала руку какому-то высокому, сухопарому янки. Музыка гремела, пары танцевали, время уходило. Вдруг на одном повороте девушка круто осадила своего кавалера.

— Довольно, — я больше не хочу, — сказала она, и кавалер так же быстро и легко расстался с нею, как встретился.

Несколько претендентов окружили ее, но она махнула им рукой.

— Не теперь, — немного погодя.

Кавалеры отстали без возражений, а девушка направилась прямо к одному из многих диванов, почти сплошь обходящих стены зала, где, развалясь, сидел одиноко мужчина, которого сильно загорелые руки, шея и лицо ясно показывали, что он не горожанин и ведет не кабинетную жизнь. Его стройная мускулистая фигура была так же хороша в своей мужественной красоте, как... восхитительна была гибкая фигура девушки. Это была пара. Лицо его не отличалось, быть может, красотой, но зато дышало неукротимой энергией и отвагой.

Девушка решительно подошла к нему и, положив обе руки на его плечи, сказала:

— Мы потанцуем вместе? Хочешь?

— Я устал, — ответил он, — но ты так хороша, что если очень хочешь, мы повертимся немного.

Он поднялся, крепко обнял ее и встал в цепь танцующих. Целый час танцевали они, почти не отдыхая. Наконец она изнемогла.

— Я устала... не могу больше, — прошептала она.

— И я устал. Где твое место?

— № 8.

— Проводить тебя?

— Да...

Они вышли из зала вместе и вместе вошли в кабинет № 8. Она заперла двери на ключ и кинулась к нему на шею.

— Я твоя, я твоя... — шептала она.

.....

Спустя полчаса он хотел уйти, но она загородила дорогу и сняла свою маску, с которой до сих пор не расставалась.

Молодой человек остолбенел и смертельно побледнел. В глазах его в первый момент виднелся ужас, страх, но вдруг кровь бросилась ему в лицо и с криком:

— Иза! Это вы?! — он заключил ее в свои объятия.

— Зачем? Зачем вы пришли сюда?.. — с болью спрашивал он.

— Я искала тебя и нашла. Я *твоя* теперь...

— Но...

— Я твоя и давно знаю, что ты меня любишь. Я сказала отцу, что хочу выйти за тебя замуж, но он и слышать об этом не хочет. Он грозить отказать тебе, если я буду настаивать, и увезти меня на родину.

— А...

— Теперь я твоя, но это нужно скрыть.

— Зачем скрывать! Напротив!

— Скрыть! Непременно скрыть, — так надо... Отец влюблен в меня.

Крик негодования вырвался у молодого человека, но... я ему закрыла рот поцелуем...

— Да, — это была я».

— С тех пор многое переменилось, я многое, очень многое пережила, но Иза все та же решительная девушка... женщина, если хочешь, и ты увидишь это... Но поздно, милый, — завтра ночью я буду продолжать тебе мою грустную историю.

«— Я матери своей не помню, а отец не любил о ней говорить, — почему, не знаю. Он даже портрета ее не сохранил — продолжала Иза свой рассказ в третью ночь путешествия. — Уроженец Макао, отец мой учился в Америке,

которая была его второй родиной и за независимость которой он даже дрался с англичанами, а после войны он служил где-то во Флориде, на берегу моря, и с большим успехом вел хозяйство. Моряк по профессии, он совсем забыл море, когда в 1875 году умерла моя мать, оставив меня младенцем... Отец продал свое имение, плантации, все дела свои ликвидировал, купил новый и прочный барк генуэзской постройки, сам перевооружил его по своему вкусу, набрал команду и пошел скитаться, возя повсюду свою юную дочь...

Я таким образом выросла в море и, несмотря на то, что лишена была молока матери, была крепким, здоровым ребенком, росшим и воспитывавшимся на палубе среди мейтов и матросов-американцев, не столько слуг, сколько почти друзей моего отца, с которым его старая команда плавала почти шестнадцать лет.

Конечно, конкурировать с пароходами парусной «Изе», как назвал отец свой барк, не приходилось, но старый «парусный» моряк был богат и плавал не ради наживы, а чтобы разогнать ту тоску, которой никто не понимал, но которую все уважали, думая, что отца моего убила смерть его жены...

Уже ребенком я два раза обогнула мыс Доброй Надежды, побывала в Индии и на Цейлоне, в Южной Америке, в портах Франции, Англии и Норвегии, побывала у африканских берегов и в Охотском море. Мне было 8 лет, когда «Изе» пришлось со Слонового берега доставить груз в Нью-Йорк. Здесь отец свез меня на берег и, посоветовавшись со своим банкиром, поместил меня в пансион мисс Эвелин Бойт, где воспитывалось два-три десятка дочерей богатых моряков. Отец оставил в уплату за мое обучение солидный капитал у банкира, прося директрису лишь о том, чтобы я, не нуждаясь ни в чем, получила такое образование, какое только может получить богатая девушка.

Я недолго тосковала по морю и «Изе» и скоро увлеклась совсем не по-детски науками, поглощая книги, внимательно слушая лекции, поражая своими способностями гувернанток, учительниц и профессоров. Четырнадцати лет я в со-

вершенстве знала французский, английский, немецкий, итальянский, русский и испанский языки, училась арабскому и даже... санскритскому, по собственному желанию, которого не могла понять мисс Эвелина. Я, как артистка, играла на фортепиано и арфе, рисовала, писала стихи, но... все это меня не удовлетворяло, и я не знала, чего хотела, чувствуя лишь, что меня влечет к себе *область неведомого...*

В один из зимних вечеров, ложась спать, я расчесывала волосы, как вдруг заметила, что всякий раз, как я проводила гребнем, слышались легкие потрескивания, а волосы мои рассыпались и щетинились, начиная от самых корней. Это явление стало повторяться все чаще и чаще. Нередко волосы мои совершенно не слушались гребня, а в темной комнате я замечала в зеркале вспышки света в моих волосах. Однажды рубашка моя совсем прилипла к спине, и я едва отодрала ее, причем слышала треск и видела искры... Проводя рукой по одеялу — я вызывала искры... Сброшенная на пол, шерстяная юбка колебалась, волновалась и тоже испускала искры... Я могла по своему произволу окружать себя пламенем, но из тела моего выходили и самопроизвольные сияния...

Я рассказала об этих явлениях мисс Эвелине, но она назвала их *обманом чувств* и даже галлюцинацией, а профессор физики, с которым я заговорила об этом, хотя и находил, что здесь, быть может, замешано электричество, все-таки видел в этом по преимуществу действие воображения.

Я, однако, не сомневалась в верности мною замеченного. Я и тогда уже была своеобразна, но по-пустому ничего не говорила, — любила помечтать, но и мечтам не предавалась чрезмерно. Я уже чувствовала в себе собственную силу и мало-помалу стала сознавать себя слишком непохожей на всех, с которыми жила в пансионе.

Я чувствовала, что призвана к жизни более своеобразной, необычной. Меня называли «холодной красавицей», но никто не видел, какой впечатлительный темперамент скрывался во мне, никто не думал, что я такая Диана, которая от одной искры способна вспыхнуть ярким пламенем.

Весною 1889 года я ночью проснулась от стука двери в моей комнате и быстро вскочила, — передо мною стоял отец в том костюме, в котором всегда бывал на вахте.

— Укладывайся, — сказал он, — сегодня утром я приеду за тобою: я стосковался по тебе, а здесь тебе уже нечего делать...

Он исчез. Мой страх быстро прошел, и я совершенно спокойно стала одеваться и укладываться, а когда прозвонили к breakfast'у, я просто заявила мисс Эвелине, что сегодня приедет за мною отец.

— Когда же вы получили письмо?—спросила она.

Я улыбнулась и ничего не ответила, но в эту минуту застучали молотком в парадную дверь, и я бросилась в переднюю, где обняла отца...

О моем видении я никому не говорила.

Опять для меня началась жизнь в море со всеми ее прелестями и невзгодами, но вскоре она осветилась новым светом для меня.

На корабле был новый мейт (штурман), Дик Частертон, молодой и здоровый моряк, которому отец, уступая старости своей, передал понемногу управление «Изою», все хозяйство, отчетность, наконец — хронометр, инструменты и карты. Отец питал к нему безграничное доверие и скоро стал бы его другом, если бы не помешало этому одно роковое обстоятельство.

Дик был ловок, статен и обладал недюжинным умом, — мне шел шестнадцатый год, а ему было 25.

Жизнь на корабле, особенно на парусном, сильно сближает людей, и... не прошло месяца, что я вновь вступила на борт «Изы», как я уже по уши была влюблена в Дика, который, в свою очередь, с первого же дня стал заглядывать на меня.

Вот это-то обстоятельство и не нравилось моему отцу, — он точно ревновал меня.

Был ли он сам влюблен в меня, как это часто бывает со стариками, ведущими одинокую жизнь — это осталось его тайной, но мне казались его поцелуи слишком горячими, не отцовскими.

Я не могла долго выдерживать, и в тот день, когда мы подходили к Сан-Франциско, я призналась отцу. Старик жестоко огорчился и рассердился, но ни слова не сказал Дику...

Что произошло в Сан-Франциско, когда какая-то неведомая сила заставила меня пойти в вертеп и броситься в объятия Дика — я уже рассказала... Об этом никто не узнал.

Через несколько дней мы опять были в море. Однажды, после тяжелой судовой работы, отец отправил Дика отдохнуть, а сам остался на вахте, а Дик, проходя через кают-компанию, увидел меня и... остался.

Отцу надоело, вероятно, ходить по мостику, и он сошел вниз на ют и стал ходить от борта до борта, когда случайно взгляд его упал на полуоткрытый люк кают-компании.

Он увидел, должно быть, кончик моего белого платья и, захотев взглянуть на меня, просунул голову в люк. Я сидела на коленях у Дика, обвив его шею руками, а беспорядок платья моего открыл отцу то, чего он не подозревал.

Крик ужаса и негодования вывел нас из забвения, но отец, как ужаленный, удалился от люка...

То, что он сам видел, казалось ему невероятным, — он тысячу раз порывался ко мне и Дику, но страх выдать свои тайные желания удерживал его. Бешенство, ревность, страх волновали его душу, и он не мог долго выносить ужасные муки. Когда на вахту вышел подшкипер, отец ушел в каюту, заперся в ней и больше не показывался.

Через две недели, ночью, в страшный ураган, отец незаметно вышел из каюты и бросился в море...

Наутро в его каюте нашли письмо, в котором он сознавался, что лишает себя жизни, подавленный горем и тоской, передавал начальство Дику и отдавал ему судно, если он женится на мне.

Мы помолились за несчастного...

Не прошло месяца, как мы были в Йокагаме, где хотели, исполняя волю отца, перевенчаться, но это не было суждено нам.

В «Japan Mail» осенью 1889 года вы могли прочесть такую заметку:

«В кабачке Victoria опять было большое столкновение пьяных матросов с морскими офицерами и полицией. Капитан Дик Частертон, защищая капитана Майера, получил широкую рану ножом в спину, от которой умер на другой день в морском английском лазарете.

Подозревают, что это было преднамеренное убийство».

В газете все подробности этим и ограничивались, но в публике говорили тогда, что убийство совершенно было из-за женщины, что Майер сам вызвал беспорядок и, пользуясь общей свалкой, изменнически поразил своего защитника... Так и было. Отвратительный немец убил Дика, думая таким путем овладеть мною. Он безумно влюбился в меня с первой встречи в Йокагаме.

Первые дни я была как сумасшедшая... Друзья Дика, моряки, продали «Изу» какой-то компании; меня, обладательницу некоторого капитала, устроили в отдельном домике при гостинице Peter Cloven'a. Спокойно я жила здесь не дольше месяца. В один скверный день Майер ворвался ко мне и хотел употребить силу, чтобы овладеть мною, но на крик мой вбежал полисмен-англичанин и сосед — молодой моряк, готовившийся к экзамену. Я была спасена, но на время лишь, ибо Майер не оставил своего намерения. Чтобы быть в полной безопасности, я переехала жить к спасшему меня полисмену, которого вскоре из-за меня же постигла страшная участь. В темную ночь он отправился на ловлю матросов-дезертиров и в одном кабачке попал в руки Майера с компанией, которые избили его до полусмерти и искалечили навсегда. В ту же ночь, в то время как полисмена несли в лазарет, капитан ворвался к нему в дом, надеясь завладеть мною. К счастью, я вовремя услышала его хриплый голос, когда он, жестоко бранясь, в темноте искал меня внизу. Не теряя времени, я, как была, в сорочке, перелезла через балкон и крышу к соседям, добрым японцам, у которых и спряталась в шкапу с платьем. Они меня не выдали, но я не могла надеяться, что у меня всегда будет возможность спастись. Мне стало страшно жить в Йокагаме, я села на русскую шхуну «Св. Николая» и добралась до Владивостока.

Я была слишком молода и страстно жаждала любви, — порывы к неведомому улеглись во мне совершенно, душа замерла, и жило только тело мое, а потому неудивительно, что я вскоре влюбилась в русского поручика Бушуева, за которого и вышла замуж. Однако судьба меня продолжала преследовать. Мужа моего назначили начальником одной из тюрем на Сахалине, и он уехал туда один, чтобы, устроившись, выписать меня, но заболел и умер от оспы в Дуэ.

Меня окружали ухаживатели, многие предлагали мне руку и сердце, и я могла блистать, царствовать в обществе Владивостока, но вдруг почувствовала отвращение ко всему окружающему и жажду моря... Через две недели я в Йокагаме сяду на борт американского стимера. С тех пор я в течение двух лет почти непрерывно плавала по Тихому и Атлантическому океанам на различных американских, английских, германских, французских пароходах в качестве таинственной пассажирки, сводившей с ума молодых людей всех наций. Много ночей прошло бы, если бы я вздумала подробно рассказывать тебе мои приключения с тех пор, — я могу вкратце лишь набросать тебе мою удивительную жизнь этих последних семи лет.

Плавания мои кончились тем, что в Красном море, страдая от жары, я познакомилась с таким же полубольным англичанином, Артуром Гриффитом, ехавшим на службу в Индию, резидентом, в один из северных округов, у подножия Гималаев. Он полюбил меня искренно и горячо, — я же не отвечала ему и упорно отказывалась разделить с ним жизнь, когда, подъезжая уже к Бомбею, я ночью, проснувшись в холодном поту, ясно услышала голос, приказывавший мне следовать за Артуром, но... не отдаваться ему. Я исполнила этот приказ...

Через неделю из бунгало Гриффита меня похитили усыпленную, и через две недели я проснулась в Гималаях, в храме браминов той секты, которую я не смею назвать тебе... Они мне объяснили и *доказали*, что я избранная натура, которая должна пройти через известные испытания, познать их науку и стать их жрицей... Я прожила с ними пять лет».

— Но в таком случае, ты неоценимая находка для меня, — перебил ее Будимирский, — ты знакома, значит, со всеми их фокусами?

— Фокусами? О! Не говори так... Ты можешь сейчас убедиться в том, что это не фокусы... Хочешь видеть кого-либо из друзей своих, близких?

— Хочу! — улыбнулся Будимирский, подумав о Ситреве.

— Думай же, думай сильнее о том, кого ты хочешь увидеть, и дай мне руку!

Иза сосредоточилась, побледнела, и из глаз ее как бы заструился свет, а перед глазами Будимирского стало клубиться легкое прозрачное облачко, но вдруг по телу Изы пробежала какая-то дрожь, и она отбросила руку Будимирского.

— Нет, не могу, — с болью воскликнула она, — ты хочешь видеть женщину, сильную и просветленную, флюиды которой прямо противоположны моим, враждебны... Я узнаю другим путем, кто она и все, что тебе нужно знать, но души наши не должны встречаться...

— Сказки, — с хохотом ответил Будимирский.

— Сказки! — с негодованием воскликнула Иза. — Есть у тебя какая-нибудь вещь этой женщины?

— Вот, — протянул Будимирский амулет Ситревы, вынув его из жилетного кармана.

— Держи его! — приказала Иза и медленно провела рукою перед глазами Будимирского. Какой-то туман закрыл его от всего окружающего, потом в нем образовалось светлое пятно с волнующимися линиями, постепенно принимавшими формы и составлявшими очертания... Перед изумленными глазами Будимирского высилась роскошная зала восточного храма, переполненного молящимися в разнообразных костюмах; среди храма стояла статуя полунагой женщины, а перед нею преклоненная, с цветком лотоса в руках, молилась Ситрева...

«Еще жива и на свободе» прежде всего подумал Будимирский, когда прошло его первое изумление. Он убедился, что Иза ему не «сказки» рассказывала, что она действительно обладает знаниями и силою махатмов Гималаев, но тайны

окультизма не привели его в трепет, — он смотрел на них с чисто практической точки зрения.

«В самом деле эта свалившаяся с неба красавица — чистейший клад. С нею рука об руку мне не страшна борьба ни с кем» думал он, глядя на побледневшую, сосредоточенную Изу.

Она провела вновь рукою перед глазами Будимирского, и видение исчезло.

— Ты убедился, Фома неверный? — грустно спросила она.

— Волшебница моя! Ты меня в восторг приводишь, — с тобою я готов в огонь и в воду! Сам ад мне не страшен!

— Так и будет, так и *должно быть*... Судьба нас свела не на один день... Нам предстоит с тобою пережить много необычного, удивительного... С общежитийской точки зрения между нами не может быть ничего общего, но... наши две души дрожат в унисон, даже лучше, — составляют совершенный аккорд... производимые ими волны, встречаясь взаимно, соединяются, сочетаются, сливаются между собою, и наши два существа связаны теперь друг с другом более прочной цепью, чем железная. Мы предопределены друг другу давно уже, но до сих пор душа твоя ложно направлена была к таким женским душам, которые прямо противоположны, как полюсы магнита, моей душе... как только душа твоя освободилась, меня повлекло к тебе, и мы встретились... Я знала это, я затем и села на «Тагасаго Мару» в Иокагаме... Теперь ты этого не поймешь, но должен помнить, что отныне мы связаны друг с другом не внешним чувством, не зрением, а всем своим существом. Союз наш неразрывен, неразрушим... Твой кодекс морали очень низок, — я знаю, и из союза этого нельзя ждать ничего высокого, чистого и святого, — но бороться против судьбы я не могу. Будет то, что суждено..

— Мы будем царствовать над миром! — воскликнул Будимирский, пропуская мимо ушей откровение Изу.

И будешь ты царицей мира,
Подруга верная моя...

— Царицей зла, — добавила Иза.

— Царицей радостей и наслаждений, — поправил ее авантюрист.

Незаметно, в том же однообразии, знакомом всем тем, кто совершал далекие путешествия морем, прошел и четвертый день, и настала последняя ночь перед Гон-Конгом.

Под влиянием ли серого, мрачного неба, обложившего море как шатром, или других причин, но Будимирский около полуночи, пробравшись в кабину Изы, нашел ее в угнетенном состоянии духа, побледневшей. Глаза ее лихорадочно искрились.

— Милый мой, наконец-то! — обняла она его.

— Ты заждалась? Что с тобою, нездорова?

— Нет, милый, здорова, но... скверное предчувствие сжимает мое сердце. К неудачам, к несчастьям, когда они уже совершились, я отношусь спокойно, — философски, сказал бы ты, — я ведь прошла великую школу... но когда я жду несчастья, душа моя переживает тоску, с которой ничто не сравнится.

— Что за пустяки, Иза!.. Какие могут быть предчувствия у такой умной женщины, как ты, которая прошла огонь, воду, медные трубы и... чертовы зубы... — Будимирский глупо захохотал.

Иза печально подняла на него глаза.

— Как удивительна природа... Ты такой... вульгарный, такой грубый душою, а между тем моя душа, каждый фибр которой отзывается на чувства самые неуловимые и которая сама полна этих тончайших, неуловимых чувств, образует теперь аккорд с твоею... — Иза вдруг улыбнулась. — Кажется невозможной гармония полнозвучной скрипки Страдивариуса и... турецкого барабана, — а вот мы с тобою доказательство этой возможности...

— Это я-то турецкий барабан? — *понял* Будимирский. — Ты, Иза, бредишь, кажется...

Иза продолжала грустно улыбаться.

— Нет, я не брежу, и в природе, повторяю, нет ничего невозможного. Ты меня только понять не можешь... да и не

нужно. Ты должен мне верить лишь, — верить безусловно. Ты и предчувствию моему верить должен и быть готовым. Ты должен крепко-крепко запомнить, что через два, может быть три дня со мною случится несчастье, я буду на волосок от смерти и ты спасешь меня, если будешь это помнить...

— Я ничего не понимаю, — перебил ее Будимирский, — или ты знаешь все это, благодаря твоей кабалистике, — так что ли? Если же такими знаниями и властью обладаешь, так ты и несчастье это воображаемое устранить можешь...

— Милый, — пойми же, что это *суждено* нам, так должно быть...

— Пустой фатализм! — перебил ее Будимирский.

— Великая вера, соединенная с знанием! — поправила его Иза.

— Посвяти меня в эти знания, раз они существуют!

— Не имею права... Ты не избран для этого. Тебе суждено пройти часть твоего жизненного пути со мною, — не знаю еще, как велика она будет, — быть близко к источнику, пользоваться, благодаря мне, его благами, но... не окунуться в него, — он слишком чист...

— Зачем же ты ушла от твоего источника и бросила этих браминов?

— Судьба... Я расскажу тебе и это. Я жила в чудном мире высоких умственных и душевных наслаждений, силу, красоту и прелесть которых нельзя описать языком смертных. Я была уже жрицей... Мне оставалась одна ступень, одна ступень к познанию высшего блага, когда... Однажды старейший из браминов, глава и основатель горного монастыря, собрав братию и призвав меня, объявил, что я *должна* вернуться в проклятый, грубый, невежественный мир... что он ошибся и мне не суждено достигнуть блаженства, что я еще на долгие годы должна окунуться в мирскую грязь, умереть, переродиться, исполнить весь цикл предопределенного и тогда лишь вернуться к источнику... Так нужно. Я покорила. Мы долго молились в тот день, а на утро... Наутро в монастырь вступил небольшой конный отряд сипаев под командою офицера-англичанина. С ним был тот, в бун-

гало которого я провела несколько часов лишь... Я была узнана и арестована. В вещах моих, после моего таинственного исчезновения, он нашел мой единственный документ, в котором было сказано, что я «жена поручика русской службы Бушуева»... Ни моего метрического свидетельства, ни других моих документов там не было: я не думала о них, — они во Владивостоке где-то затерялись. Свидетельство о смерти мужа моего я тоже тогда не нашла нужным хлопотать. И вот явилось подозрение, что я *русская шпионка*, так как в это время как раз арестован был на границе неизвестный субъект, отказавшийся открыть свое звание. В нем предполагали моего *мужа*... Меня не нашли, скоро забыли, и вот через несколько лет пробиравшейся в Гималаи археологической комиссии и ее эскорту суждено было встретить меня.

Четыре месяца я просидела в Калькутте, в тюрьме. Снята была с меня фотография и по моему указанию послана была в Макао и Иокогаму. Там знакомые признали меня, показания мои оправдались, и я была выпущена. Я думала, что окажусь одинокой и беспомощной на мостовой чужого города, но смотритель тюрьмы, выпуская меня на свободу, передал мне пожертвованный неизвестным, через вице-короля, билет в сто фунтов. На билете был знак, сказавший мне, кто подумал обо мне...

— Твои старцы! — перебил Будимирский. — Но почему же они не спасли тебя своею кабалистикой?

— Я думала, что ты понял... Судьба, Бог управляет ими, а не они Богом... Они исполняли волю Бога. Через месяц я была в Макао. Там, на берегу тихого залива, почти у самого устья Сиа-Конга сохранился единственный непроданный отцом домик наш, в котором оставалась на покое вынужденная отца старуха. Здесь я провела более года, изучая Макао, от прежнего величия которого не осталось ничего, кроме игорных притонов, и углубившись в себя. Созерцательная жизнь со дня на день становилась, однако, все тоскливее и невыносимее для меня. Загорелась война, и меня охватила жажда деятельности. К чему я могла применить ее? Исход был один. Я отправилась в Иокога-

му, предложила свои услуги французскому госпиталю и месяца два работала, как сестра милосердия и фельдшерица, когда... десять дней назад я была разбужена ночью моим учителем Дарма-Нуром... «Тебе предстоит новое испытание. Подчинись судьбе» — сказал он. — «Садись на первый корабль, отплывающий отсюда, и в море ты встретишься с тем, с кем ты отныне будешь наслаждаться жизнью и страдать до тех пор, пока изменится твоя судьба». И вот мы встретились... Теперь, если ты меня не понял, то все-таки знаешь фактическую сторону моей жизни. Я жду того же от тебя...

III.

QUASI-ИСПОВЕДЬ БУДИМИРСКОГО. — У ДЕНЕГ.

Я буду так же откровенен, как ты, моя таинственная красавица, — солгал Будимирский и начал монолог, в котором правда с ложью сплетались так естественно и красиво, что авантюрист обманул бы каждого скептика, но, конечно, не мог обмануть читавшую в его душе ученицу браминов...

Да, он не миссионер и не англичанин, — она догадалась. Он русский, когда-то гвардеец и Дон-Жуан, бежавший с родины от любви особы, слишком высокопоставленной и опасной, и увлекшийся великим политическим планом, ради исполнения которого он возвращается теперь в Европу под чужим именем и с громадным капиталом, который нужен именно для этого плана. В политику он не может посвятить Изу, но во всем остальном он на нее рассчитывает как на помощницу... Они поедут в Европу и где-нибудь в Париже или Лондоне будут вести широкую светскую жизнь,

под покровом которой он исподволь, в глубокой тайне, будет проводить свой план...

— Но кого же ты убил недавно? — вдруг спросила его Иза.

Вопрос этот как удар молнии поразил Будимирского, — он был как в столбняке несколько секунд, и на красивом лбу его налилась кровавая жила. Как удав смотрел он на Изу.

— Ты с ума сошла, — прошипел он наконец.

— Милый мой, да пойми же ты меня наконец. Ты не должен скрывать от меня ничего, ради твоей же пользы. Ведь я вижу кровь на руках твоих...

Будимирский дико оглядел свои руки, но несмотря на то, что кровь залила его мозги, он все же сообразил, что кровь на руках она видит глазами души, что она, действительно, видит его насквозь. Он начал приходить в себя, и мысль его быстро заработала. Ясно, что насколько эта красавица может быть полезна ему, настолько же и опасна... Так ли? Да он всегда может избавиться от нее. Нет, — *всей* правды он ей все равно не скажет. — Он засмеялся деланным смехом, *желтым* смехом, как говорят французы.

— Да, да... ты ясновидящая, — это я ясно вижу... Ха! ха! ха! Ну что ж, признаюсь... «Война жертв очистительных просит»... ха! ха! Ради дела пришлось мне недавно одного бедняка к праотцам отправить.. Препятствием был, а я не терплю препятствий и устраняю их без колебаний... С твоею помощью я, быть может, буду устранять их другим способом... Но довольно об этом. Вижу, с тобой нужно быть откровеннее и буду...

Он не стал, однако, откровеннее. Он подробнее лишь стал рассказывать свою воображаемую жизнь, свои планы и мечты.

Приближалось утро.

— Довольно, милый, довольно... Ты заплатил мне тем, чего я тебе не могла дать, — остановила его Иза, утомленная и грустная. — Ты знаешь факты моей жизни, но не понял меня, — я же жизни твоей не знаю, но... *поняла тебя*... Мирюсь с этим, бороться не могу, не смею. У вас, христиан, для таких случаев есть образное выражение: я тоже «поне-су свой крест»... Ты мне назначен...

Это было слишком уж просто, чтобы Будимирский не понял, и... он захохотал.

— Это я-то крест твой? — Ну, такой крест легок... Ты с ним весело пробежишь ту «часть жизненного пути», о которой ты говорила. Фраза славная. Ты вообще поэтически выражаешься и книжно. Это хорошо. Ну, прости!

Иза холодно ответила на поцелуй и закрыла глаза прежде чем Будимирский оставил каюту.

Светало уже, но Иза не думала о сне, — сон не мог прийти в страдающую душу, — страдающую, но не ропщущую. Многовековая вера немногих избранных, свившая себе гнездо в высоких Гималаях, вера старцев-махатмов охватила ее, глубоко внедрилась в душе ее. Она покорилась судьбе. Он — великий преступник, убийца, зло мира, но Творцом предопределено идти с ним рука об руку, и она пойдет... Лишь бы короче был путь этот.

Долго ворочался и Будимирский на своей койке и задремал только к 10 ч. утра, когда его разбудил звон колокола, — «Тагасаго Мару» подходил к острову Гон-Конга.

Выходя на палубу, Будимирский не думал об Изе, — как встретиться с ней на берегу — между ними было точно условлено.

Осень давала себя чувствовать и в этих широтах; утро было холодное, дождливое; густая пелена тумана окутывала вершины высоких гор, обступивших бухту Гон-Конга, на крутых склонах которых разбросались амфитеатром многоэтажные каменные здания. Хотя и в закрытой бухте — волнение было сильное и на свинцовых волнах качались десятки больших океанских пароходов и тысячи китайских джонок и сампанов. В полуверсте от берега «Тагасаго Мару» отдал якорь, и пароход окружили дюжины две маленьких китайских лодок с полуголыми лодочниками, предлагавшими свои услуги. Не будь этих полуголых китайцев и японцев, Будимирский вообразил бы себя в Портсмуте или Плимуте, — такой английский отпечаток лежал на Гон-Конге. Через десять минут к стимеру пристала паровая комфортабельно устроенная шлюпка и перевезла пассажиров на берег.

Еще недоверчиво относившийся к откровениям Изы, к ее «фокусам», Будимирский не придавал значения тому, что почти рядом с ним в шлюпке заняли места безличные японцы, — Гон-Конг для стимера японской компании являлся конечным пунктом, и здесь все должны были высадиться... На юте, над тентом расположилась и Иза, задрапированная черной кружевной мантилей. Только чудной красоты черные глаза ее виднелись из-под кружева. Когда на берегу Будимирскому пришлось сесть в открытый плетеный паланкин из индийского тростника, он на вопрос кули, куда нести его, памятуя совет Ситревы и как условились он с Изой, приказал отнести его и прислать багаж в «Hong-Kong Hotel», оказавшийся на Pedder Street, на углу неизбежной Queen's Street, в ста шагах от пристани, у которой ошвартовалась шлюпка.

Гон-Конг показался здесь Будимирскому еще более английским, чем с палубы парохода, — направо показалась английская почтовая контора, далее — неуклюжая английская колокольня, налево — массивный отель, напоминающий «Cosmopolitan Hotel» в Нортумберланде, авеню в Лондоне, повсюду же пестрели английские вывески: «Public House», «English Book-Store», «English Pharmacy», «Drinking Bar», «Gin», «Brandy»... Кабаков в особенности было много. «England for ever!» подумал Будимирский, вылезая из паланкина у монументальных дверей гостиницы.

Толстый швейцар в белой ливрее и четыре китайца-лакея предупредительно высадили Будимирского и повели в обширный прохладный hall, где гостя встретил управляющий-англичанин.

— Я имею честь говорить? — начал он вопросом. — «Майкель Найт... миссионер...» — высокомерно протянул Будимирский, которого сразу вдруг покорило, когда он услышал, что «согласно его телеграмме из Тиен-Тзина аппарат для него готов, обширный, прохладный и *отделенный* от прочих...»

«Еще штука Ситревы» понял Будимирский, план которого состоял именно в том, чтобы оставаться возможно менее на виду в Гон-Конге, теперь, по крайней мере. Он соз-

навал, впрочем, что большинство его стараний в этом направлении разобьются о молву, которая распространится: о нем в Гон-Конге сейчас же, как только он появится в банке, чтобы получить деньги или перевести их на европейские банки.

Призвав на помощь все свое хладнокровие, он последовал за управляющим, который провел его во второй этаж флигеля из четырех комнат, отделенных большим коридором от главного здания. В уборной все было готово, и через полчаса «миссионер», умывшись и переодевшись, сидел за breakfast'ом, за традиционной ветчиной и яйцами и, прихлебывая чай, читал местные «China Mail» и «Daily Press».

— Come in! — откликнулся он на стук в дверь.

Вошел управляющий.

— Директор «Англо-китайского банка» просит разрешения представиться вам, сэр!

— Просите, — ответил Будимирский, крайне взволнованный этим неожиданным посещением.

— Джемс Солтер! — отрекомендовался ему весь в белой фланели представительный джентльмен с выхоленными бакенбардами, почтительно, но с достоинством усевшийся перед Будимирским в кресле.

— Вам, сэр, предстоит сделать у нас в банке распоряжение относительно весьма крупных капиталов. Операции такие не каждый день, могу сказать, не каждый год повторяются... Но у нас все готово, согласно предварительной депеши нашего уважаемого клиента... Благоволите показать ваши аккредитивы или чеки, — нам нужно удостовериться лишь в подлинности того псевдонима, которым должны быть подписаны документы.

«Ага! Для них “Ситрева” — псевдоним, — как это, однако, ловко устроено все у них и... какие они дураки» думал Будимирский, направляясь в другую комнату, где снял с себя «черед» и достал оттуда чеки, подписанные Ситревой.

«Пайн думает, что назначение этого громадного капитала — подозрительно, — думал в это время директор банка, — но прав или нет мой компаньон — для нас безразлич-

но. На переводах и разменах мы наживем громадный куртаж, тогда как до сих пор капитал нам не давал ничего, да и в Европе он не минет наших рук, — операции все будут производиться у наших же агентов и растаять капитал такой скоро не может».

— Совершенно верно, сэр! — заметил банкир, сверив подписи на чеках, и добавил: — Я надеюсь, что вас не стесняет моя предупредительность, но я полагал, что вы не пожелаете излишней болтовни относительно предстоящей вам операции... Pick-pocket'ов и здесь не мало.

«Ну, мой милый, ты не о карманных ворах беспокоишься» подумал Будимирский и, пожав плечами, заметил, что, пожалуй, банкир прав.

— Клерк, на скромность которого вы можете положиться, с книгами и документами здесь. Вам стоит лишь указать, на какие города переводите и какое количество денег вам угодно взять наличными.

— Я не тороплюсь с этим, потому что думал некоторое время отдохнуть здесь, — остановил его Будимирский.

— Мера очень благоразумная, сэр, ввиду... указанных мною уже опасностей, и именно поэтому я рекомендую вам теперь дать ваши приказания. Затем, когда в вашем присутствии здесь никто не будет видеть ничего особенного, вы уедете, когда вздумается, не предупреждая даже.

Будимирский, недолго подумав, оценил этот совет, и клерк был позван. «Странно, — он точно за меня думает, как замести следы» подумал Будимирский, расписываясь в книгах и диктуя клерку имена различных лиц (чьи паспорта имелись в запасе у авантюриста, получателей по чекам). Впрочем, два крупные чека на Париж и Лондон написаны были на имя «жены поручика Бушуева, Изы ди-Торро» и несколько мелких на предъявителя. На имя Майкеля Найта не было *ни одного* чека, наличными же он попросил доставить ему в банковых английских билетах лишь 5000 фунтов.

— Вы не удивляетесь, что я не пишу чеков на вое имя? — спросил авантюрист.

— Я нахожу это в высшей степени благоразумным только, — ответил банкир, поняв прекрасно, что компаньон его прав, считая назначение таинственного капитала подозрительным.

«Тем не менее министру колоний следует донести о появлении на европейских рынках такого капитала» решил Джемс Солтер.

«Ты находишь это благоразумным, но подозреваешь и кому следует сообщить обо мне» в свою очередь думал Будимирский, прощаясь с Солтером и клерком.

Через полчаса тот же клерк доставил авантюристу портфель с банкнотами.

«Раньше ночи я не увижу Изу, — целый день передо мною, и его надо так провести, как Иза советовала, — как проводят такие дни истинные туристы-англичане» решил Будимирский.

IV.

ГОРОД «БЛАГОУХАЮЩИХ ВОД» (ГОН-КОНГ)

Пока «миссионер»-Будимирский умывался, завтракал и беседовал с банкиром, небо очистилось, и из окна гостиницы Гон-Конг показался авантюристу куда более привлекательным. Прекрасная картина, развернувшаяся перед его глазами, даже на него подействовала.

Ясное теплое солнце освещало обширную бухту, усеянную сотнями всевозможных судов, от небольших туфлеобразных лодок до колоссальнейших океанских пароходов. Вот он Гон-Конг — вход-ворота в обширное китайское царство, написанное на английском языке предисловие к запечатанной семью печатями книге, именуемой Китай, и

лучшее введение к этой книге... Вот одно из величайших созданий английской предприимчивости, создавшей здесь, на голом гранитном острове, в какие-нибудь полсотни лет один из важнейших торговых портов мира и в то же время райский уголок. По северному берегу острова раскинулся верст на шесть большой город с 300000 жителей, а огромная гавань его, пространством в 20 кв. верст, ежегодно дает приют 20 тысячам кораблей. Ежедневно по 40-50 они приходят сюда и уходят, направляясь во все страны Старого и Нового света, и торговый оборот этой самой маленькой из английских колоний достигает 500 миллионов рублей в год.

Глядя на Гон-Конг, нельзя не удивляться и невероятным результатам деятельности осевшей здесь горсти англичан и чуждому нам, европейцам, китайскому миру, который окружает эту горсть, с виду грозит затопить ее своими волнами, но на самом деле даже в данную тревожную эпоху остается покойным и легко управляется этой горстью англичан.

«Поднять бы этот мир, эту народную массу и обрушиться на этих выхоленных коммерсантов-спортсменов — думал Будимирский. — Сколько богатств, сколько миллионов в этих колоссальных зданиях, банках, конторах, депо! Даже дух захватывает! Но нет, удовольствуемся тем, что судьба нам дала и... постараемся сохранить *наши* миллионы... Сохранить? О, нет, — *воспользоваться* ими, а не беречь их... Пусть берегут их эти лавочники в их безобразных каменных ящиках» заключил он, глядя на громоздкую, тяжелую архитектуру зданий на Pedder Street'e, не подозревая, что Гон-Конг расположен в центре ужасной области тифонов, сметающей с лица земли все легкие постройки, не зная, что 25 лет назад в каких-нибудь полчаса в Гон-Конге уничтожено было свыше 1000 домов, причем тысячи людей лишились жизни...

Находясь в угловой комнате, Будимирский мог в одно окно любоваться красавицей-гаванью, живописностью своею уступающей только Неаполю и Сан-Франциско, а в другое — пиком Виктории, горою в 2000 футов, у подножия которой лежит город и которая не дает ему раздвинуться вширь.

Поэтому вдоль Прайя, как здесь зовут берег, тянутся лишь две-три улицы, от Прайя же ведет в гору множество боковых улиц, теряющихся в зелени пышных садов с тропической растительностью. Здесь растут пальмы с закрученными султанами. Мощнолистные бананы, высокие аракуарии, кактусы и агавы всех видов, и среди этой волшебной флоры возвышаются роскошные виллы...

Видя их прекрасные очертания на фоне зелени гор, Будимирский вспомнил совет Изы. Он надел на себя черед под рубашку, уложив в него предварительно чеки и значительное число банкнотов, положил в карман револьвер, вооружился палкой с налитой свинцом ручкой, унаследованной им от миссионера, по звонил и вышел.

— Carriage, please! — бросил швейцару, требуя экипаж, и на свист швейцара к подъезду подбежали четыре кули в синих рубашках и панталонах с белыми кантами, неся на плечах легкий паланкин.

Движение в упряжных экипажах по круто идущим в гору улицам Гон-Конга невозможно, но невозможно оно и по немногим ровным улицам города вследствие невероятного скопления народа и сутолоки. Экипажи заменяются здесь японскими «рикшами», т. е. двухколесными ручными колясочками, для передвижения которых достаточно одного дюжего кули. На углах улиц в Гон-Конге такие колясочки стоят целыми рядами, и чуть только какой европеец выйдет за порог дома, его тотчас окружает толпа диких на вид, полуголых дженрикшей, предлагающих свои услуги за пять центов в полчаса (10 коп.). Если вздумаешь действительно довериться такому человеку-лошади, сев в колясочку и сказав только, куда надо ехать, то кули, снявшись с места в карьер, во весь дух помчит вас в гору, под гору и наконец остановится где попало, быть может за 5 верст от того места, куда вы приказали ему бежать. Кули в большинстве случаев ни слова не понимают по-английски и призывкли, что седоки правят ими палкой. Гонконгские европейцы предпочитают, однако, носилки, и каждое семейство, каждый торговый дом и гостиница, такая как «Гон-Конг Отель» тем более, держат собственную «конюшню»,

т. е. несколько кули и носилок, нередко отличающихся дорогой отделкой.

Будимирский знаком был по Тиен-Тзину уже с достоинствами и недостатками кули, а потому, садясь в кресло из индийского тростника с шелковой подушкой, занавесками, зонтом и висящей подножкой, просил швейцара показать ему, не бывавшему в Гон-Конге туристу, городские достопримечательности.

Швейцар, раскланявшись «миссионеру», объяснил, что следует, кули, ответившим «all right!», и «экипаж» помчался в гору.

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

мог бы вспомнить Будимирский, глядя на разноплеменную толпу, толкавшуюся на Queen Street'e. Тут были и парсы-огнепоклонники в своих камилавках, и малайцы в их похожих на узкие юбки саранчах, и арабы в белых бурнусах, и японцы в халатах, и индусы в огромных тюрбанах. Среди толпы, точно статуи, возвышались долговязые индусы-полицейские и набранные в помощь им «сихи» в европейских мундирах и ярко красных конусообразных шапках. Яркими пятнами выделялись в толпе белые фланелевые вестоны штатских и красные мундиры военных англичан и синие блузы матросов всех стран и народов. Слышались самые разнообразные языки и наречия, но внешняя рамка — улицы, дома, учреждения — оставалась в высшей степени английская, что еще более усиливало странность впечатления.

По Queen Street'у кули вынесли галопом Будимирского на площадь перед претенциозной выстроенной ратушей, «City Hall», на которой (площади) царило большое оживление. Будимирский увидел картину, обычную в Англии, где-нибудь в лондонском Hurlingham Club'e или на St. John's Wood'e но здесь, тем более в эту эпоху, производившую поражающее впечатление. Вокруг площади, одетые в элегантные туалеты и сидя под навесами палаток, дамы

сlediли за перипетиями матча в крикет, в котором упражнялись полуголые джентльмены и офицеры ее величества. В Африке или Азии, где сойдутся четверо англичан, они немедленно устроят крикет, как немцы — кружок хорошего пения, а русские — винт... Устроили крикет британцы и в Гон-Конге, воспользовавшись единственной ровной площадкой в городе.

Показывать себя в этом обществе не было в расчетах Будимирского, и он палкой и мимикой показал кули направиться в горы.

Улицы, застроенные большими зданиями, скоро кончились, и кули бежали по дороге, мимо дворцов и вилл, выстроенных европейцами на китайские деньги, и роскошных садов, из которых наилучшими являются губернаторский и комендантский. Почти рядом тянулась железная дорога с проволочной тягой, устроенная по образцу горных швейцарских и соединяющая «Сити», деловой город, с этим прелестным предместьем, где проживают семьи коммерсантов, высшего чиновничества и офицерства.

Вскоре кули остановились у ограды раскинувшегося на уступе горы очаровательного ботанического сада, точно предназначенного служить сборным пунктом всей аристократии. Теперь она занята была там, у City Hall'a, национальным спортом и в этом любовно взлелеянном, заботливо выхоженном китайскими садовниками, но точно по волшебству вызванном из голой гранитной почвы саду — бродили лишь несколько нянек-индусок с чахлыми детьми, играющими в мяч. Кое-где в тени пихт отдыхали богатые дамы-китайки, добравшиеся сюда на их изуродованных ножках, да вдали у обрыва бродили два черные рединготы в цилиндрах.

Полубоовавшись и отсюда заливом, Будимирский возвратился к креслу-паланкину, и кули помчались дальше, причем один из них, старший, по-видимому, обернувшись к седоку и сладко улыбнувшись, показал рукой вперед, произнеся: «Happy Valley!»

По Kennedy Road, обсаженной хвойными деревьями, кули скоро добежали до красивой и самой широкой долины

на острове, где расположены кладбище и ипподром. «Блаженной» (Happy Valley) долина эта названа, вероятно, в память крылатых слов, сказанных некогда Крезу Соломоном: «Nemo ante mortem beatus...»

Даже наш авантюрист согласился, что этот уголок дивно красив. Живая бамбуковая изгородь, со стволами около 12 сажен высоты, окружает это место успокоения, представляющее скорее великолепный и тщательно выращенный тенистый парк, чем кладбище.

Здесь никого не было, но не успел Будимирский, усевшись в тени на садовой скамье, закурить сигару, как увидел вдали те же два редингота, в которых вскоре узнал своих японцев, которые, не приближаясь к нему, тоже расположились шагах в ста от него.

— Соглядатаи проклятые, — проворчал Будимирский, но вдруг голову его озарила удивительная мысль.

V.

СИЛА ТАЛИСМАНА.

«Соглядатаи, да!» думал Будимирский, но, вместо того, чтобы злобствовать за это на них и недоверчивую Ситреву, нужно воспользоваться ими, обратить их в слуг своих. Талисман Ситревы с ним ведь, а по ее словам ему подчиняются все, кто посвящен в тайны секты, все верные ее.

Теперь же именно ему слуги нужны, ибо нет сомнения, что Солтер, облегчая ему все процедуры банковские и оберегая его от неприятностей, в то же время непременно сообщит кому следует в Лондон, что вот-де миссионер, имярек, везет с собою в Европу на десять миллионов таэлей че-

ков, назначение которых безусловно подозрительно, ибо ни один из них не написан на его имя, а все — на имена различных иностранцев или предявителей... Если Солтер сообщит об этом, то, конечно, в министерство колоний, а Будимирский, восхищавшийся всегда талантами и деяниями Чемберлена, знал, что этот господин не остановится перед задержанием миссионера, вывозящего из Китая 10 миллионов и, самое меньшее, устроит этому миссионеру такой допрос, которого избежать во всяком случае надо... Но как? — Бежать, изменить путь? Бесполезно, — отделения банка в Лондоне и Париже получают известные приказания, и тогда... перехватить сообщение Солтера, но каким образом? Не могут ли эти японцы помочь?

Будимирский решил. Собрав все свое нахальство, он, встряхнув головой и глубоко вздохнув, встал и направился к японцам. Когда он подошел к ним шагов на пятьдесят, они встали и направились прочь, но Будимирский громко и решительно крикнул им подождать...

Японцы остановились, обернулись... На лицах их выразилось полное недоумение... Они переглядывались между собою, но ждали подходящего Будимирского.

— Прошу вас, господа, присесть! — указал им на скамью Будимирский. — Мне нужно с вами поговорить.

Японцы молча сели, храня удивленный вид и переглядываясь.

— Господа! — начал он по-английски, высокомерным тоном, который, как он с первого слова своего заметил, импонировал японцам. — С первого моего выхода на палубу «Тагасаго Мару» я вас признал, но... я не имел нужды в вас до сих пор и потому не беспокоил. Я не думал, что вообще буду иметь нужду в вас, но теперь нахожу, что, послав вас в помощь мне, Ситрева, как и всегда, поступила благоразумно.

При имени «Ситрева» японцы заметно вздрогнули, но быстро переглянулись, и один из них, волнуясь и приподняв цилиндр, ответил:

— Сэр, вы, очевидно, принимаете нас за других, — мы вас не понимаем. Мы действительно видели вас на «Тагасаго

Мару» и, вероятно, и дальше с вами поедем сегодня вечером на «Генерал Шанзи» в Европу, но... нас никто не посылал вам *в помощь*. Мы едем в Европу по торговым делам.

Будимирский улыбнулся. Молча и неторопливо он расстегнул жилет и ворот рубахи и достав оттуда висевший на золотой цепочке амулет Ситревы, показал его японцам...

Маленькие человечки, дрожа, вскочили на ноги и умоляюще протянули руки к Будимирскому, тот, с серьезным, торжественным выражением, поднял правую руку, сложив большой и указательный палец вместе и прижав остальные к ладони, произнес «Аум».

— Аум! Аум! — откликнулись японцы, повторяя жест секты и склоняясь перед авантюристом.

Будимирский спокойно сел, спрятал талисман, застегнулся и пытливо взглянул на стоявших перед ним японцев.

— Садитесь, нам надо говорить! — приказал он им.

— Сэр, мы готовы к вашим услугам, — пробормотал один из них.

— Мы слушаем ваши приказания! — добавил другой почтительно.

— Вас зовут?

— Моту! — привстал один, чуть-чуть повыше и постарше. — Хако! — добавил другой.

— Вы, конечно, знаете уже, ибо должны следить за каждым моим шагом, *оберегая меня* от всех неприятностей и устраняя все препятствия, что я сегодня сделал перевод всех *наших* денег в Париж и Лондон, причем сделал это, конечно, не на свое имя. Само собою, банк здесь не сделал никаких на это замечаний, но я уверен, что об этом подозрительном, с английской точки зрения, факте банк сообщит английскому правительству, точнее — министерству колоний, быть может, через свое лондонское правление; и британское правительство, конечно, найдет возможность придаться к чему-нибудь, чтобы задержать деньги и.... меня, отчего погибнет наше дело... Вы должны помочь мне...

— Приказывайте! — одновременно перебили Будимирского японцы.

— Я не знаю, что нужно сделать, подумайте вы...

Японцы быстро заговорили друг с другом на своем языке, часто поминая слова «British mail» (британская почта) и «Генерал Шанзи»...

— Донесение по телеграфу отправлено не будет, — заговорил Моту, — дорого и... бесполезно. Банк, если отправит его, то почтой на отходящем сегодня «Генерал Шанзи» французской компании «Messagerie Maritime». Здесь захватить пакет нельзя, — надо на стимере, и это возможно будет, если... если здешний японский консул из наших... Мне кажется, что это так, но мы не уверены в этом... Если да, то в пути мы добудем пакет и передадим вам...

— Нет, я останусь здесь на некоторое время, — возразил Будимирский.

— Останетесь?! — воскликнули Моту и Хако.

— Сделав вид, что уезжаю с «Шанзи», — добавил Будимирский, — так нужно. Я пробуду в Макао столько времени, сколько нужно, чтобы узнать результаты вашей попытки, да и по другим причинам мне нужно остаться здесь... Когда вы можете вернуться, если все удастся вам?

— «Messagerie Maritime» имеют первую остановку в Сайгоне, четыре дня пути отсюда... Когда идут оттуда встречные — мы узнаем в консульстве. Но нужно торопиться туда, — Хако взглянул на часы: — четвертый час, а «Шанзи» уходит в 8, — едемте...

Они двинулись, и на пути к ограде, где стояли паланкины Будимирского и японцев, Моту объяснил авантюристу его роль.

Через час кули Будимирского остановились на Queen Street'e у красивого, массивного здания, над которым развевался японский флаг.

Японцы ехали сзади шагах в двухстах. Будимирский приказал по-английски доложить о себе и сейчас же был введен в кабинет консула, такого же маленького желтого человека с жидкими усиками и мочальной бородкой, как и все его соотечественники.

Теперь уже Будимирский был уверен в себе. Консул сделал Будимирскому английский shake hands и просил сесть. Авантюрист, не отвечая ни слова на приветствие, сел, рас-

стегнулся и, вынув амулет, молча и строго глядя на консула, поднес амулет к его глазам. Желтый японец не побледнел, а позеленел и, схватившись за борт стола, в паническом страхе приподнялся, впившись глазами в Будимирского... Этот таинственный знак высшей власти, который он видел раз при посвящении, перед которым он, как перед величайшей святыней, должен преклоняться, повинуюсь, — находится в руках европейца... *миссионера*, вдобавок...

— Аум! — поднял руку Будимирский.

— Аум! — трепетно ответил ему консул.

— Восток будет принадлежать сынам Востока!

— Аминь! — ответил консул, — приказывайте !

— Два ваши соотечественника, мои подчиненные, здесь у вас в приемной, вероятно, — они вам объяснят, в чем дело, я же оставаться здесь не должен: — с этой карточкой, дней через пять к вам за новостями явится дама, — вы ей сообщите все, что будете знать. — Пока, до свидания!

Произнеся еще раз «Аум!», Будимирский вышел в приемную и пропуская мимо себя в кабинет японцев, его ожидавших, сказал им: «Наш! Увидимся на пристани». Через 10 минут он был у себя в отеле, сытно пообедал, приказал разбудить себя в 7 часов и мирно заснул, как будто провел день самым буржуазным образом.

Засыпая, он пробормотал лишь: — Славная однако, вещь, этот амулет...

VI.

МАКАО.

Совсем стемнело уже, когда *бой** разбудил Будимирского. «Пора!» подумал он, взглянув на часы, и начал быстро собираться, приказав подать счет. Не прошло и 10 минут, как он, сопровождаемый поклонами и пожеланиями всего персонала отеля, усаживался в джин (колясочка дженрикши), а еще через 10 минут был на набережной, где от небольшой пристани отходили шлюпки и катера, отвозящие пассажиров на «Генерал Шанзи», качавшегося на волнах где-то далеко на рейде.

«Достаточно ли темно?» думал Будимирский, вглядываясь в пристань и небольшие группы людей на ней. «Кажется достаточно».

На фок-мачтах кораблей на рейде, то там, то здесь уже зажигались огни, — наступала ночь.

Будимирский, расплачиваясь с дженрикши, оглядывал катера. «На рулевом будет феска красная, сказала она» вспомнил он, — «это заметить нетрудно, — вон она с правого края. Ого! Катер паровой даже...»

— Счастлив видеть вас еще раз, высокопочтенный сэра, и пожелать вам доброго путешествия, — услышал Будимирский, едва вступив на пристань.

Перед ним со шляпой в руке наотлет стоял выхоленный банкир Джемс Солтер.

«Ты, скотина, удостовериться хотел, что я уехал, ну и удовлетворишься» подумал со злостью Будимирский и любезно прибавил: — Благодарю, сэра, за честь, если вы для

---

* Бой — (boy) — мальчик, прислуга мужского пола.

меня беспокоились и за любезность, если... находитесь здесь случайно.

— Честь на моей стороне, сэр, — склонился банкир. — Нам не каждый день приходится встречать и провожать таких клиентов, — улыбался банкир.

«Даже никогда не приходилось» мысленно усмехнулся Будимирский и заговорил о состоянии моря, оглядываясь по сторонам.

В группе, расположившейся у большого парового катера, Будимирский заметил фигурки обоих японцев с биноклями через плечо и дорожных шапочках и трех-четырех пассажиров с «Тагасаго Мару». В других группах виднелись новые и старые пассажиры, но ни одного немца, — они ждали завтрашнего немецкого парохода, не считая возможным ехать на французском пакетботе.

Будимирский думал сперва на пристани дать кое-какие объяснения и указания своим «агентам», как он окрестил уже японцев, но здесь решил, что лучше все предоставить их инициативе — во-первых, а во-вторых — не указывать им, как и где они его найдут, — когда настанет срок, он сам их найдет; чем он подальше от них, потаинственнее будет держаться, тем лучше будет импонировать им, несомненно.

Катера и шлюпки, нагруженные пассажирами и багажом, одна за другою отваливали.

Будимирский прошелся по ряду катеров, ошвартованных кормами у пристани, как бы выбирая, который из них взять.

— Вот этот, должно быть, побыстрее будет, — указал Солтер на крайний катер справа, рулевой которого, в красной феске, пылливо смотрел на Будимирского.

— Вы думаете?

— О, да! Он самый новенький, — я даже не видел его здесь раньше, а все новые — последней английской конструкции.

Будимирский указал отельному бою, державшему его чемодан и сак, на катер и подошел к сходне.

— Дженарал Чэнзи, сэр? — спросил его рулевой в феске.

— Yes, — процедил сквозь зубы авантюрист.

— All right! — ответил рулевой.

Будимирский простился с банкиром, взошел на сходни и затем на катер, который в ту же минуту заработал винтом и вскоре скрылся во мраке.

Джемс Солтер у фонаря на пристани столкнулся с компаньоном своим Пайном.

— Чем вы объясняете, сэр, тот факт, что мистер Найт нашел нужным отправиться solo на стимере, тогда как... — начал Пайн.

— Осторожностью, дорогой сэр, осторожностью... — перебил его Солтер.

— В таком случае новоявленный миллионер наш *слишком* осторожен, если не...

— Дорогой Пайн, до нас это не касается. Мы сделали дело, а затем я исполнил долг, донес о случившемся в Colonial Office... Остальное в руках правительства теперь...

— Я сделал бы запрос шифрованной депешей, — продолжал Пайн.

— Бесполезно! Донесение прибудет одновременно с Найтом в Европу, и министр сумеет дать надлежащие распоряжения, если найдет нужным. Ну-с? В клуб?

— Пойдемте!

Катер в это время быстро рассекал волны залива, и брызги раза два уже обдали Будимирского, пытливо смотревшего вперед, стоя на носу. Он не знал, твердо говоря, куда идет катер, доверившись вполне Изе, о которой он и задумался, когда до его плеча дотронулся рукою матрос и указал ему на рубку. При свете красного бокового фонаря Будимирский видел, что малаец улыбался. Авантюрист открыл дверь в маленькую рубку, где было темно, и вдруг почувствовал горячие руки, обвившие его шею.

— Милая, это ты? Вот не думал! — вскрикнул он.

— Так лучше, радость моя! Ты бы беспокоился, ведь нам часа два идти придется до Макао, да у берега Тахи пробираться между скалами около часа, — ответила, горячо его целуя, Иза.

Притаившись в неосвещенной рубке, они через окна и открытую дверь могли любоваться картиною рейда ночью,

сотнями разноцветных огней на судах и точно иллюминированным уходящим от них Гон-Конгом.

— Ты сделала, как я просила: — последним отплыл, да? — спрашивала Иза.

— Да, по крайней мере, в ту минуту никого отъезжающего на пристани не было уже.

— Прекрасно, значит мы можем теперь переменить курс. С берега нас не видно уже, — довольным тоном заметила Иза и отдала какое-то приказание рулевому.

Катер сделал крутой поворот и помчался полным ходом к устью Жемчужной реки, к старому португальскому городу Макао, к которому так ревниво относился Гон-Конг еще лет 25 назад.

Макао основан португальцами еще в 1557 году и, помимо своего исторического прошлого, имеет неоспоримое значение еще и теперь, хотя европейские игроки в «макао», значительное большинство их, и не подозревают, что игра эта получила свое название от когда-то процветавшего порта.

В XVI веке Португалия стояла на высшей точке своего коммерческого развития, и в ее руках была сосредоточена главная торговля не только с Китаем, но и со всей восточной Азией. Обеспечив себе твердую точку опоры на китайской почве, португальцы имели полную возможность закрепить за собою такое господствующее положение в торговле и на будущие времена, но не сумели этого. Надменные, избалованные легкостью, с какою наживались ими огромные состояния, упоенные сознанием своего военного превосходства перед восточно-азиатскими народами, они увлеклись неразумными гонениями, грубым произволом и всякими несправедливостями. Когда в Восточной Азии появились голландцы и англичане, португальцы сразу стали к ним во враждебные отношения вместо того, чтобы идти с ними рука об руку, как это делается теперь. Такая неразумная политика приключений нанесла неисчислимый вред всей европейской торговле, и если Макао может считаться колыбелью торговли Европы с восточной Азией, то одновременно и ее могилой... Заброшенные пакгаузы и покинутые дворцы этого пришедшего в полный упадок португальского

города на юге Китая служат надгробными памятниками его былого величия. Наследниками Макао — Гон-Конг и Кантон, и тысячи кораблей, ежегодно посещающие бухту Жемчужной реки, проходят мимо Макао и выгружают свои сокровища в английском торговом порту, лежащем на восточном берегу той же бухты, как раз против Макао, торговые сношения которого теперь почти ничтожны. Но зато куда бы вы ни попали в восточной Азии, от Сингапура и Батавии до северной Японии и Кореи, всюду вы встретите в деловом мире португальцев из Макао. Правда, это уже не чистокровные представители португальской расы, это — метисы с большой примесью китайской, арабской, малайской и японской крови, на диво непостоянные, горячие и страстные авантюристы, но в Восточной Азии их, хотя и неправильно, зовут португальцами и родиной их называют Макао.

— К ним... и я принадлежу, — закончила свой рассказ Иза и грустно вздохнула.

Вздых этот совсем не гармонировал с широкой улыбкой Будимирского, прислушивавшегося не к ее рассказу, а к песне, откуда-то доносившейся по волнам.

По направлению от Макао показался большой сампан, освещенный ярким огнем и фонарями. Крик, шум и бряцание струнных инструментов доносилось очень отчетливо, но вот все смолкло, и опять чей-то голос, не то мужской, не то женский — не разобрать — запел:

Alls man talk ce; ne cum valice
Bime — by rine come very dark
Have gost water very wide,
Moskee-my-must go top-side!
— Top-side! Hola! Top-sid! Hola!

После первого куплета можно уже было разобрать, что двухсмысленную песенку поет женщина, и глаза Будимирского загорелись.

Man! man! One girl-ce talk-ce he,
What tor you go top-side, look-see?
And one time more he plenty cry,
But all time walk-ce planty high.
— Top-side! Hola! Top-sid! Hola!*

Неистовый хохот прервал певицу, которой язык, знаменитый «печин-инглиш», выдавал и профессию и национальность. Стих несколько смех, и женщина в заключение спела:

You go muchee laugh-ce what for me.
I tiuk gou no savy what tiu ce
Suppose you no belong clever inside
More better you go walk-ce top-side**.

Новый взрыв хохота не дал ей кончить припева.
Сампан с веселой компанией пронесся мимо, оставив за собою длинный огненный хвост из пылающей ворсы с ке-

---

* Ему говорили друзья:
«Не ходи! Смотря — уже небо черно!
Ударит гроза, — и в город нет пути,
Погибнешь!» А он им одно:
„Вверх, вперед! Вверх вперед!
Ура!»

«Голубчик,—кричала девица ему,
Куда ты идешь? Берегись!»
И долго напрасно молила она,
А он все карабкался ввысь.
Вверх, вперед! Вверх, вперед!
Ура!»

** Вы все смеетесь надо мной,
За что — я не могу понять.
Но если у вас есть задняя мысль,
Ступайте вверх, вперед...

росином.

Катер приближался уже к Макао. Из-за массивного облака выплывала яркая луна, при свете которой Макао представлял необычайно живописное, если не величественное, зрелище. Дома идут по отлогому склону амфитеатром; над ними возвышаются многочисленные церкви и колокольни, а по берегу тянутся ряды палаццо, пожалуй, не имеющих себе равных в Европе. Прайя, защищенная с обоих концов старыми крепостными валами, тянется вдоль берега моря на полторы версты и застроена правительственными учреждениями, ратушей и др. общественными зданиями. В рамке яркой зелени днем город этот кажется сонным, и упадок его несомненен, но ночью, весь точно иллюминированный и залитый светом луны, Макао производил сказочное впечатление.

La Cidade do Santo Nome de Deus en China, — «Город Святого имени Господня в Китае», — таково португальское название этого города, но... судя по образу жизни его обитателей, можно подумать скорее, что они чтут китайское божество *Ама*, изображение которого некогда украшало площадь города. Из этого имени в соединении с китайским словом *Као* — гавань — составилось *Ама-Као*, сократившимся после в Макао.

А между тем это жалкое гнездо, последний остаток бывшего мирового владычества португальцев, подивиться, что дало приют одному из величайших борцов во имя Господне, ревностнейшему миссионеру в Азии, святому Франсуа Ксаверу, здесь и умершему, и знаменитому поэту Камозэнсу, творцу «Луизиады», прожившему здесь несколько лет. Возле грота, где он любил предаваться поэтическим грезам, португальцы выстроили ему скромный памятник. Что сказал бы он, живший в период могущества своей родины, теперь о Макао, в котором тогда дремал зародыш господства над Китаем! Что сказал бы он, глядя на теперешних «португальцев» Макао с их темным цветом кожи, узкими и косо поставленными глазами! В самом деле, ни одна из европейских народностей не отличается такой способностью в ассимиляции, иначе говоря, такой восприимчиво-

стью к обаянию женской половины темнокожей человеческой расы, ни одна не выказывает так мало расовой гордости кавказского племени, как португальская.

— Но чем же живут, черт побери, твои соотечественники здесь, раз торговля вся перешла к англичанам в Гон-Конг? — перебил Будимирский рассказ Изы, прерванный было промелькнувшим сампаном с пьяной английской компанией.

— Если в Макао и сохранилась еще кое-какая торговля, — она вся в руках китайцев, — их здесь свыше 60000 человек против 5000 португальцев-метисов, из которых чуть не половина здесь чиновники... Долгое время они богатели еще, продавая китайских кули в рабство в Перу, Калифорнию и Мексику, но китайское правительство сумело прекратить эту торговлю. Потеряв этот прибыльный источник наживы, они в компании с китайскими купцами-друзьями стали устраивать лотереи... Дело это, благодаря необычайной склонности китайцев к азарту, также было выгодное, и португальцы, как прежде торговлей рабами, шутя составляли себе огромные состояния, а администрация колонии ежегодно получала миллионы от налогов, которыми были обложены лотереи. Однако и этот источник доходов иссяк, когда китайское правительство отменило запрещение устраивать лотереи внутри страны и теперь, вместо миллионов, лотереи дают администрации едва 100 тысяч рублей в год. Тогда добрые обитатели Макао, этого гнезда пороков, занялись контрабандным ввозом опиума, и китайцы долго не могли бороться с этим злом, пока не учредили таможни на острове Луппа. С тех пор португальцам осталось лишь одно дело — держать в самом Макао, где до них не может добраться рука китайской администрации, опийные дома и игорные для азартных игр. Они все-таки дают правительству колонии в 31 кв. версту до миллиона годового дохода.

Словом, в то время, как купцы других европейских наций стараются идти навстречу коммерческим потребностям китайцев, — португальцы бьют на их пороки и страсти.

— Славные мальчишки! Значить мы здесь скучать не будем? Nein?! — воскликнул Будимирский.

Иза глубоко вздохнула.

— Не будешь, — добавила она, — здесь есть кроме игорных и опийных домов и кафе-шантаны и... все, что хочешь...

— Да, но согласно твоему плану мне придется дома сушиться?

— О, нет! Дня через два ты будешь... оливковый, а вот как усы твои... не знаю.

— Ну, усы раньше трех недель не подрастут. Да я, милая, и в твоём обществе не соскучусь.

Иза недоверчиво взглянула на человека, с которым связала ее судьба, но в это время рулевой в феске что-то крикнул ей, и она вышла из рубки.

Берег лежал в каких-нибудь 100 саженьях, когда катер легко и круто повернул и пошел вдоль берега, в сторону китайского города Чин-Гана, прозванного португальцами Казабранкой.

Лавируя между подводными и надводными камнями, катер пробирался все дальше от Макао, к той узкой полосе земли, которая, как горло, оканчивается полуостровом-бутылкой, где расположен «город азартных игр».

— Какой, однако, прекрасный лоцман эта красная феска, — заметил Будимирский, любуясь решительными, ловкими поворотами рулевого.

— Это — сын моей кормилицы и няньки... Никто, кроме его, не пройдет морем к перешейку... Видишь этот огонек на берегу? Там, правее купы деревьев? Это мой дом, — вернее ее, няньки моей, Дуглай... Это наше убежище будет...

Будимирский молча поцеловал ее, заглядевшись в глаза Изы, блиставшие каким-то фосфорическим светом.

Через 10 минут они были на берегу, а затем и в долине Шаллэ, где Будимирского ожидал добрый ужин с страшным количеством перцу и добрая бутылка старого портвейна.

— Бедная ласточка моя! — привлекла к себе на грудь Изу старушка в полукитайском, полоевропейском костюме, пылливо оглядев Будимирского.

«Какая старая ведьма» подумал он, глядя на старуху.

МОТУ И ХАКО. — ПОХИЩЕНИЕ ПАКЕТА № 1047.

Будимирский жестоко ошибся, однако, полагая что оба японца, которых он видел на пристани отправились с «Генерал Шанзи». В последнюю минуту перед отплытием катера один из них скрылся в тени фонаря и, незаметно выбравшись на набережную, исчез в темноте. Так было условлено у консула еще. Член великой секты и горячий поборник идеи «Восток для сынов Востока», этот дипломатический чиновник отдал себя в полное распоряжение своих соотечественников, агентов секты, уполномоченных ее главным советом и жрицей следовать за мистером Найтом, «который, вероятно, не раз будет менять свой вид», сообщать куда следует о каждом его шаге, устранять с его дороги всякого рода препятствия, стараясь, однако, быть неузнанными им, в случае же неудачи в последнем отношении помогать открыто, но немедленно сообщать об этом. К препятствиям, которые следовало устранять всеми силами, Ситрева отнесла, и даже особо подчеркнула, могущие оказаться посторонние влияния, в *особенности со стороны женщин...*

Изложив эти инструкции консулу и присовокупив, что Ситрева во всех прочих отношениях безусловно доверяет Будимирскому, то бишь мистеру Найту, едущему в Европу с великой миссией, Хако потребовал помощи консула для устранения первого препятствия и рассказал, в чем оно состоит.

— Так, так, дорогие братья мои, — но что же я могу сделать? Донесение пойдет почтой на «Генерал Шанзи», — вы не ошибаетесь, и под охраной *французского почтового чиновника*, — я тут бессилен! — ответил консул.

— Нет, этот чиновник при вашей помощи окажется в наших руках, — возразил Моту. — Возьмите ваш бланк и напишите то, что я вам продиктую...

Через 10 минут консул подписал и приложил печать к следующему «отношению», адресованному французскому генеральному консулу в Гон-Конге:

«Предъявители сего кандидаты прав Хако и Моту отправляются по распоряжению императорского правительства в Европу изучать государственную службу во всех ее многообразных отраслях и между прочим службу почтовую, недостаточно еще совершенную в Японии, для которой в этом отношении лучшим образцом может служить прекрасно организованная почтовая служба Франции, почтенным представителем которой здесь являетесь ваше превосходительство. Ввиду того, что гг. Хако и Моту отправляются сегодня на стимере “Генерал Шанзи” французской компании, я имею честь просить вашего распоряжения почтово-пароходному чиновнику о допущении гг. Хако и Моту к ознакомлению и подробному изучению способов хранения, упаковки, перевозки и регистрации в пути французской почты».

Подписав эту бумагу, консул самодовольно потер руки. Он исполнил свой долг перед сектой, не совершая ни малейшего проступка по долгу государственной службы, так как Хако и Моту действительно принадлежали к той категории молодых людей, которых Япония по окончании ими высшего образования на все четыре стороны земного шара наблюдать и изучать все полезное для перенесения и укрепления на японской почве, — что же совершат Хако и Моту на борте «Шанзи» — консулу не было дела.

— Остальное, конечно, ваше дело! — заметил он. — Вы, вероятно, составили уже свой план, и мне остается лишь вам пожелать успеха. Добрый путь!

— Поеду я один! — перебил его Моту. — Хако останется здесь, — ему нужно другое препятствие устранить...

Консул вопросительно взглянул на последнего.

— Ваша помощь в этом деле может скомпрометировать вас, — я один обойдусь, — ответил Хако. — Помощь мне вооб-

ще не нужна, Моту же, которому трудно обойтись одному, надеется найти помощника из мелких наших агентов здесь...

— Найдете, найдете... — улыбнулся консул. — Да позвольте, я недавно визировал паспорт одному дженрикши, подавшему мне условный знак... Я сейчас найду в книге его имя и адрес. — Консул порылся в книгах, — Гата-Ми, — стоянка на углу Peddar и Queen Street, — добавил он.

Хако и Моту простились с консулом и, пройдя два-три квартала, остановились на углу указанных улиц перед «биржей» дженрикши.

— Гата-Ми! — крикнул один из них, и к ним подкатил колясочку малорослый, но широкоплечий японец в обычной ливрее рикши.

Хако сложил известным образом пальцы правой руки и поднял ее, как бы поправляя свой цилиндр. Дженрикши понял знак, быстро ответил таким же и поклонился.

Хако и Моту сели в колясочку, и когда рикши обернулся к ним с вопросом, Хако тихо сказал ему:

— В такой чайный дом, где мы можем с тобой поговорить наедине.

Колясочка помчалась и минут через двадцать остановилась в китайском квартале, перед дверями богато декорированного растениями, цветами и разноцветными вывесками-знаменами чайного дома. «Хозяин наш» успел предупредить дженрикши, высаживая седоков и показывая на китайца-старика, в толстого стекла очках на носу, сидевшего в приемной у двери, на низеньком табурете.

На веранде хозяйской половины, за трельяжем, был уютный уголок, куда едва-едва доносились струнные бренчания гейш, занимавших посетителей на другом конце дома, где Хако, Моту и Гата-Ми могли свободно поговорить между собою, попивая желтый чай и рисовую водку, которою угощал их почтительно державшийся в стороне хозяин.

Японская компания вскоре разошлась, однако, чтобы собраться вечером у пристани.

Моту и Хако, зайдя сперва зачем-то в аптеку и к дрогисту, направились к французскому консулу и вручили ему отношение японского консула.

«Черт бы их побрал этих желтокожих, — подумал француз, прочитав бумагу. — Всюду они тычут нос и всему мы их учим на нашу шею». Тем не менее он написал и подписал распоряжение почтово-пароходному чиновнику «Генерал Шанзи» допустить японских подданных, кандидатов прав, Хако и Моту «к ознакомлению и изучению способов хранения, упаковки, перевозки и регистрации в пути французской почты». Японцы удалились, пообедали вместе, переоделись и приказали доставить их несложный багаж на пристань, где их ждал уже в приличном дорожном костюме Гата-Ми, который на «Генерал Шанзи» должен был играть роль Хако, остающегося в Гон-Конге. На одном из катеров вместе они отправились к стоящему на рейде пароходу, а Хако, как мы говорили, исчез на набережной, откуда он прекрасно видел, однако, как последним отплыл катер с мистером Найтом и постарался запечатлеть в памяти своей физиономии красавца-метиса, в красной феске, управлявшего катером.

«Занавески у рубки задернуты, — она, конечно, там, а в том, что она увозит его в Макао — не может быть сомнений, — завтра я их найду там» подумал юркий маленький японец и отправился на телеграф, откуда подал на имя тянь-тзинского японского консула длиннейшую шифрованную депешу, заплатив за нее около 10 фунт. стерлингов.

«Передайте кому следует», так начиналась депеша, а затем кратко излагалось все происшедшее с Найтом-Будимирским, Хако и Моту до этого вечера. В заключение Хако спрашивал немедленного ответа, следует ли считать красивую женщину препятствием, которое следует устранить. После этого Хако вернулся к пристани, взял свой багаж, хранившийся каким то дженрикиши, и на одном из «Gambling Steamer'ов» (игорных пароходов) переправился через залив в восточно-азиатское Монте-Карло, т. е. Макао, где и заснул сладким сном в отведенном ему номере грязной португальской гостиницы.

Моту и Гата-Ми в это время давно уже были на «Генерал Шанзи» и тоже спали, комфортабельно устроившись в кабине первого класса.

Утром на другой день, когда «Шанзи» был далеко уже в открытом море, Моту и Гата-Ми после первого завтрака с бумагами в руках представились старику командиру парохода, настоящему морскому волку, с традиционными во французском флоте бакенбардами-котлетами.

На сносном французском языке Моту объяснил, что им нужно, прибавив, что его компаньон Хако по-французски не говорит, почему во Франции, между прочим, займется и языком, пока же при изучении почтовой службы он, Моту, будет переводить объяснения чиновника своему компаньону на японский язык.

В море свежело, капитан был очень занят, а потому, приказав позвать почтового чиновника, передал ему с рук на руки японцев.

— Очень рад, Жак Бредуиль, — знакомился молодой чиновник в шелковой светло-сивей паре, с живыми глазами и маленькими, но бойко встрепанными усами.

— Хако! Моту! — рекомендовались японцы.

Молодой француз-южанин, только недавно выдержавший экзамен на звание «служащего 2-го класса» по министерству почт и телеграфов, сразу вошел в свою роль учителя и рассыпался перед своими новыми учениками в любезностях по адресу молодой и беспримерно прогрессирующей нации, «азиатской Франции».

Так же любезны были и японцы, и потому неудивительно, что через четверть часа они сидели в кабине Жака Бредуиля, рядом с почтовым отделением, и пили сперва виски с содовой водой, потом шерри-коблер, затем абсент перед вторым завтраком, шамбертен и кло-де-вужо...

После завтрака в кабине к кофе были ликеры, а японцы настояли на том, чтобы первое знакомство учителя с учениками было вспрыснуто, по французскому обычаю, бутылкой Grand Vin... Время между lunch'ом и обедом прошло «в приятной беседе», точнее — в непрерывном рассказывании анекдотов скабрёзного содержания, репертуар которых

у Жака Бредуйля был колоссален. За обедом пили еще, и француз-учитель не помнил наутро, когда именно он простился с японцами-учениками. В почтовое отделение в этот день они и не заглядывали.

Во второй день пути японцы завтракали и обедали в кают-компании, но в промежутках весь день провели с Бредуйлем, который страдал «катцен-ямером», усиленно пил содовую воду и читал японцам «почтовую инструкцию» для почтово-пароходных чиновников. Вечером, однако, после обеда, в кабине Бредуйля было вновь выпито очень много, так что на третий день, когда японцы явились к нему, у него «лопалась голова», по его выражению.

— Жаль, — заметил Моту, — завтра ведь мы высаживаемся в Банкоке, а нам надо со многим еще ознакомиться.

— Это пустяки, — я сейчас буду здоров, — возразил Бредуйль, и явившемуся на звонок бою приказал принести коньяку с содовой водой... Одной рюмки оказалось мало, и вскоре рядом с сифоном стояла бутылка мартеля, к которой Бредуйль и японцы усердно прикладывались.

Бредуйль оживился и бойко, перескакивая с одного предмета на другой, стал показывать японцам книги регистров и контроля. В этом занятии прошло время до lunch'a, который компанией был съеден в кабинете Бредуйля и запит тремя бутылками старого бургундского. — «Вот учеников Бог послал, — думал полупьяный Бредуйль, — и откуда у этих чертей такие деньги».

— Ну, теперь ознакомьте нас с упаковкой, — попросил Моту.

— Прекрасно! Выбирайте любой из этих кожаных мешков, лежащих в углу, они все одинаково запакованы. Да вот берите хоть этот, побольше который, английский.

Моту и Гата-Ми подняли большой мешок и перенесли его из почтового отделения в кабину Бредуйля, «где стол был больше и распаковывать было удобнее» как заметил Моту... Из почтового отделения на палубу выходило маленькое окно, через которое пассажиры всегда могли видеть, что происходит в отделении, — это неудобство по достоинству оценено было Моту.

Бредуиль показал, как снимается печать, как пропускается цепочка через петли, как открывается замок, а затем стал вынимать пакеты, перевязанные шпагатом, под которыми сверху просунуты были препроводительные ведомости... Один пакет направлялся в Цейлон, другой в Суэц, третий в Бирмингем и т. д. Моту остановился на большом пакете, идущем в *Лондон*.

— Ну, из пакетов рассмотрим хоть этот, — заметил он.

— All right! — ответил Бредуиль, копируя англичанина.

— Видите, — продолжал он, — в этом большом пакете заключаются, судя по препроводительной ведомости, 43 пакета, каждый под номером, который повторяется в ведомости: вот ищите: № 7, например, «Английскому государственному банку»; № 16, что ли, — «Банку Раулинсона и К°»; № 21, — «Министерству иностранных дел»; № 33 — «Министерству колоний» и т. д.

Моту остановился на последнем и заметил: «Да, здесь направо в углу намечено красными чернилами № 33, но внизу налево имеется ряд номеров».

— А это уже дело отправителя, который опять-таки в одном пакете может отправить несколько бумаг. Мы отвечаем только за пакет такой-то, а не за его содержимое, которое проверять мы и не смеем. Чья печать на нем?

— Англо-китайского банка, — прочел Моту и вздрогнул: он был у цели.

— Ну, у этих с министерством колоний и иностранных дел всегда большая переписка.

— Я думаю, — широко улыбнулся Моту, — что оценив по достоинству аккуратность этой английской упаковки, нам следует по английскому обычаю провозгласить тост в честь королевы. А, что вы думаете?

— Конечно, а потом... в честь французской республики? — воскликнул Бредуиль.

— Прекрасно, только за королеву выпьем чего-нибудь английского, а за республику — шампанского, — добавил Моту.

— Чего же английского? Портеру, элю?

— Нет, сегодня холодно что-то. Попробуем виски с горячей водой? — предложил Моту.

— Идет!

Позвонили. Бой принес целый кувшин горячей воды, лимон, сахар и бутылку виски, и Моту стал готовить напиток.

— Ой! — вскрикнул вдруг Гата-Ми и стал чесать себе икру. Он быстро проговорил что-то Моту.

— Его что-то больно укусило, — объяснил тот.

— Покажите, покажите! Заверните брюки и сапог снимите! — захлопотал Бредуйль и стал помогать Гата-Ми. В это время Моту за спиной его спокойно вытащил из нагрудного кармана маленькую пробирку, высыпал ее содержимое в один из стаканов с грогом и спрятал назад пустую пробирку, после чего посмотрел на оголенную икру Гата-Ми, где ясно виднелся укол.

— Пустое, — воскликнул он, — блоха укусила, — вот и все. Берите, господа, стаканы, — и передавая стакан с грогом и порошком Бредуйлю, стал напевать «God save the queen...»

Бредуйль и Гата-Ми захохотали и стали тянуть грог.

Весело болтая, Бредуйль стал учить японцев, как задевывать мешок, но не успел он кончить операции, как голова его склонилась на стол, и он брякнулся на стул.

Моту и Гата-Ми взглянули друг на друга и молча простояли минут пять.

Потолкав Бредуйля и убедившись, что он спит как убитый, Моту заговорил:

— Замечательно натурально крикнул ты!

— Еще бы, — я полбулавки запустил в икру... — ответил тот.

— А теперь за дело!

Пока Моту опять разделявал кожаный мешок, Гата-Ми, заперев двери, достал из кармана спиртовую машинку для щипцов, из другого — маленькую ванночку, кукольную, налил в нее горячей воды, уставил на машинке и зажег спирт. Моту уже достал пакет Англо-китайского банка, адресованный в министерство колоний. Через две-три минуты из ванночки повалил пар, и Моту дрожащими руками стал поводить пакет над паром... Облатка с печатью отстала моментально, а за ней без труда отклеился и борт кон-

верта. В нем лежало пять бумаг разнообразного, но неинтересного для Моту содержания, и конверт с надписью «№ 1047. *Конфиденциально*. Его превосходительству господину министру». Моту быстро опустил в карман этот конверт и вновь заклеил пакет и прилепил облатку. Затем он достал два флакончика с какими-то жидкостями и быстро вытравил № 1047, стоявший последним из шести номеров, значащихся на пакете под почтовым номером 33.

Проделав всю эту операцию, Моту вновь заделал мешок, облегчено вздохнул и залпом выпил стакан шампанского, плеснул его и в третий стакан, опорожнил бутылку при помощи Гата-Ми и вместе с ним расположился на койке Бредуйля...

Проснувшись перед вечером, Бредуйль ужасно хохотал, увидев спавших на его койке японцев, хохотал, ужиная с ними и опохмеляясь, хохотал и на другой день, когда прощался с ними в Бангкоке...

VIII.

МАКАО. — ПРЕДЧУВСТВИЕ ИЗЫ.

Черт знает, в какую дыру я попал! — повторял и на другой день Будимирский, выйдя из коттеджа Изы и оглядывая берег узкого перешейка, покрытого скудной растительностью, и залив, дальние берега которого скрывались в тумане. Макао в двух-трех верстах, лишь скрывавшийся за буграми, не подавал признаков жизни, которая там загоралась лишь вечером, чтобы потухнуть с утренней зарей.

«Что я буду делать здесь целую неделю? Не краситься же все время... Иза говорит, что раз в день довольно и

только три дня... “Колер”, кажется, действительно прочный, — совсем кавалер из Гаванны, то бишь с Гваделупы, — я ведь испанского языка не знаю...”

Да, Иза уже успела произвести над Будимирским первую операцию, и сразу никто из знавших не признал его, — лицо, шея и руки его отливали тем матовым неопределенным молочно-кофейным цветом, которым отличаются французы-метисы Гваделупы, Микелэна и Антильских островов вообще. Иза уверяла, что краска ее так прочна, так проникнет эпидерму, что после третьей операции Будимирский никогда не отмоеся. Он со дня бегства из Тиен-Тзина, конечно, не стригся больше и не брил усов, что, между прочим, сильно шокировало чопорного банкира в Гон-Конге, и надеялся, что недели через две усы у него будут уже приличные, а на голове появятся если и не прежние кудри, то все же кое-что.

«Другой костюм, вдобавок другие манеры, — и от миссионера, мистера Найта ничего не останется, — надеялся Будимирский. — Да, но теперь-то я что буду делать? Красавица с утра что-то грустит, а старая мегера бросает на меня такие взгляды, точно боится, что я ограблю ее. Задобрить ев, что ли?» Он достал портмоне и отсчитал 10 соверенов. Как раз в эту минуту старая дуэнья вышла с совком, наполненным мусором, чтобы выбросить его. Будимирский жестом подозвал старуху, постарался ласково улыбнуться ей, похлопал по плечу и протянул ей руку с золотом. Старуха схватила золото и с налитыми кровью глазами быстро и гневно заговорила что-то, затем гордо выпрямилась и швырнула в море горсть золота вместе с мусором.

— Вот дура, ведьма проклятая! — зашипел Будимирский.

— Оставь ее, — услышал он из окна голос Изы. — Она говорит тебе, что не только за горсть этого проклятого золота, но за все богатства твои не отдаст меня. Она знает, что я по доброй воле иду за тобой, но говорит, что ты опоил меня, а ее не опоишь. Не обращай внимания на нее. Она дерзка потому, что любит меня безумно и чувствует, что я лгу, утверждая, что по доброй воле иду за тобой.

— Как это глупо, — что ж я действительно опоил тебя?

— Опоил... нет, не опоил, милый — судьба толкает меня!

— Ах! Опять этот «спиритизм». Ты лучше скажи, как убить мне время.

Иза вышла к нему на берег, и под тенью широколистной пальмы, на скамье, они беседовали несколько минут. Он настаивал на желании осмотреть город, а вечером — его игорные дома, — она его горячо уговаривала не делать этого, но должна была покориться. Решено было, что она немедленно отправится в город, чтобы купить для Будимирского какой-нибудь костюм, более подходящий к его новому положению плантатора с Гваделупы, поставляющего хлеб и рис союзным войскам.

— Это хорошо для Макао, но как же будет в Париже, где я каждую минуту могу встретить субъектов с Гваделупы?

— Там ты будешь только уроженцем Гваделупы, составившим состояние на Дальнем Востоке.

— Прекрасно, — поспеши же, милая.

— Смотри! — перебила его Иза.

Она указывала ему на легкую шлюпку, медленно пробиравшуюся между надводными камнями саженьях в тридцати от берега. Греб какой-то кули-китаец, а на руле сидел... Хако. Очевидно, он знакомился с берегом, искал чего-то, точнее, искал гациенду Изы. Сидя под пальмою и за кустом диких роз, и Будимирский и Иза были скрыты от глаз Хако, но домик Изы он не мог не видеть. Пройдя вперед еще сажен двадцать, шлюпка повернула и быстро теперь пошла в Макао. Хако нашел то, что искал, — он увидел не только уединенную, скрывавшуюся в тени пальм гациенду Изы, но и паровой катер с его рулевым в красной феске, о котором забыли Иза и Будимирский и который покачивался в узкой бухточке, между скалами, внизу, под гациендой.

— Уже нашел, — заметил Будимирский.

— Да... на горе мне.

— Полно, Иза, — он такой же теперь твой слуга, как и мой, — я ведь рассказал тебе, что вчера произошло.

— Не знаю, не знаю, но сердце мое говорит, что меня ждет какое-то несчастье, что я не могу отворотить его, что оно неизбежно.

— Ах, ты об этом... но ведь ты говорила, что от меня будет зависеть спасти тебя?

Иза только вздохнула, потом решительно поднялась и пошла в дом. Через минуту покрытая кружевной черной накидкой она уже спустилась к берегу, крикнула красную феску, — своего молочного брата, и на шлюпке, на веслах, поплыла с ним в Макао, а Будимирский принялся за газеты, купленные им вчера вечером на пристани.

Это был счастливый для него час. Проглядев номер «Times'a», он развернул гон-конгский «China Mail», и первая телеграмма, бросившаяся ему в глаза, — телеграмма из Тиен-Тзина, окончательно успокоила все еще остававшиеся в нем тревогу и сомнения. Она гласила о таинственном исчезновении двух русских офицеров, о следствии, блестяще веденном немецким майором, открывшем все нити зверского преступления, несомненно, политического характера, о суде над Ситревой и ее казни через расстреляние.

«Как камень с плеч, — подумал Будимирский. — Свободен, свободен теперь! Остается лишь избавиться от этих мозгляков-японцев, дать вырасти усам и двинуться в Европу, чтобы царствовать. Да, с десятью миллионами можно и поцарствовать, тем более, имея об руку такую царицу, как Иза».

Долго и сладко мечтал Будимирский и не слышал, как вернулась Иза с несколькими пакетами, которые нес за нею метис-рулевой.

Полу-европейский костюм, скомбинированный по указаниям Изы, — красная шелковая рубаша, светло-серые фланелевые пиджак и брюки, светлые ботинки с высокими гетрами наружу и большая «сомбреро» из фетра на голове — очень шли к Будимирскому, отныне Шарлю Дюбуа, который торопил теперь Изу обедать и ехать. Она подчинялась беспрекословно, с грустной улыбкой на устах, с легкой, затаенной тревогой в очах.

Часа за два до заката солнца они отчалили теперь на паровом катере и через двадцать минут вышли на набережной Макао, в центре города. Их осадили гиды-факторы, с предложением провести по всем «Gambling Hous'am», т. е. игорным домам, но Иза наняла парного дженрикси и приказала старшему рикши везти их к ратуше, а потом по ее указаниям. «La Cidade do Santo Nome de Deus en China», т.е. «Город, посвященный святому имени Господню в Китае», несмотря на его обилие церквей и монастырей, прекрасную ратушу, точнее — правительственный дом, где рецидирует Secretario General do Governo e Secretario de Legação (португальцы очень любят длинные титулы), чуть ли не все обязанности которого заключаются в собирании налогов на азартные игры, наконец, полупокинутые дворцы, купающиеся в садах и лепящиеся по обрывам скал — не понравились Будимирскому отсутствием жизни и деятельности, но существование таких грандиозных отелей как Hingkee, расположенный на Prage Grande, главной набережной, и таких роскошных ресторанов как Boa-Vista показали ему, что если город мертв днем, то оживает и кипит жизнью вечером и ночью, которые приближались уже.

Действительно, солнце закатывалось уже за высоты Макао, а с восточной стороны, от Гон-Конга, по заливу быстро рассекали волны с полдюжины «Gambling Steamer'ов», и десятки джонок и паровых катеров, везущих игроков Гон-Конга, китайцев, японцев и европейцев, главным образом молодых клерков многочисленных торговых фирм этого восточно-азиатского Гамбурга.

В игорные дома, расположенные в грязной китайской части города, отправляться было рано еще, и Будимирский с Изой заняли место на прекрасной веранде «Boa-Vista», откуда открывался действительно чудный вид на море и пик Виктории, внизу опоясанный белыми зданиями Гон-Конга, а выше — британскими батареями.

Не успел новый Шарль Дюбуа заказать шерри-коблер для себя и «дольгэ» для Изы, как увидел приближающегося к нему с другой стороны веранды Хако.

Японец с час уже сидел здесь, на этом лучшем в Макао наблюдательном пункте, уверенный в том, что увидит мистера Найта и его «даму», если только они покажутся в городе, — ни к пристани, ни в китайский город, ни на лучшие улицы Макао нельзя было пройти незамеченным отсюда. Хако сразу узнал Изу, а по ней, конечно, узнал и «миссионера» в этом плантаторе-метисе с бритыми усами... Маскарад этот отнюдь не удивил его, — той или другой метаморфозы он ждал, а потому спокойно приблизился к Будимирскому и, убедившись, что кроме них на веранде никого не было, почтительно заговорил:

— Моту уехал, сэр, а я остался здесь, на случай, если вам понадобятся мои услуги.

Будимирскому неприятна была эта встреча, неприятно было и то, что Хако сразу узнал его, хотя бы и по компаньонке его, но он сдержался и спокойно буркнул:

— All right!

— Читали вы вчерашний вечерний «China Mail»? — спросил он вдруг после долгой паузы японца, с его позволения усевшегося рядом за чашкою чаю.

— Читал,— спокойно улыбаясь, ответил японец.

Будимирский с недоумением вытаращил на него глаза.

— Что же вы думаете?

Хако опять огляделся по сторонам: — Думаю что европейцы еще раз в дураках остались!

Будимирский постарался улыбнуться, но у него вышла гримаса. Он старался сохранить спокойствие, но сердце его жестоко билось.

— Я вас не понимаю... — пробормотал он, — объяснитесь...

— Объяснить я вам ничего не могу, потому что ничего не знаю, что там действительно произошло, но... я твердо уверен, как в том, что я здесь в Макао сижу пред вами, что Ситрева жива... О! Вы, значит, не знаете ее, если верите в такую выдумку... Чтобы она могла попасть в такую ловушку! Ха, ха, ха! — и он засмеялся мелким, скрипучим, злым хохотом.

Хако мог быть твердо уверенным в том, что Ситрева жива, потому что после полудня успел съездить в Гон-Конг и

назад, и в кармане его лежала полученная через консула телеграмма, где шифром было ясно сказано: «*Ситрева приказывает немедленно устранить препятствие*»... Препятствием этим была Иза, которая в стороне бледная, с страдающим видом, безучастно смотрела на собеседников, не понимая их разговора.

— Слава Богу, если это так! — опомнился наконец Будимирский, — я первый буду счастлив, если вы не ошибаетесь.

— О, это наверное так!

«Неужели он не ошибается, — думал авантюрист, — неужели план мой не увенчался успехом, и я, только утром воспевавший полную свободу, оказываюсь в полной неволе... Неужели нужно сызнова начинать, опять проливать кровь.. Пока она и *эти* живы, — я пленник их... Нет, — этого не может быть. Зачем, однако, я волнуюсь дурацкой неизвестностью, когда в моих руках полная возможность сноситься с нею, — шифр и... консул японский в Гон-Конге, вспомнил он наконец. — Я завтра же буду все знать, а теперь надо показать этому желтокожему шпиону, что я верю ему и весел».

Будимирский потребовал бутылку клико и предложил Хако выпить за здоровье жрицы. После стакана крепкого хересу, выпитого с сахаром и лимоном через соломинку, после пережитого острого волнения Будимирский от шампанского слегка охмелел, и разыгрываемая им комедия казалась совсем естественной. — Хако верил его прекрасному расположению духа и был очень доволен, — тем легче ему будет привести в исполнение приказ жрицы: «*устранить препятствие*», — эту грустную красавицу, которую он ненавидел во имя долга.

Уже было темно, когда Будимирский, Иза и приглашенный им японец направились в китайскую часть города, чтобы осмотреть игорные дома. Хако как-то странно и криво улыбнулся, когда Будимирский пригласил его сопровождать ему. Иза приказала рикши везти их в *лучший* игорный дом, но Будимирский был прав, заметив, что ему далеко до Казино европейского Макао, Монте-Карло... Там —

дворец, здесь — сарай, там — строгий порядок и тишина, здесь — сутолока, грязь и адский шум. Публика прямо из небольшой передней проникала в одну из трех зал, посвященных играм в «Фань-дань», «Пак-кап-пиу» и «Ао-бой»...

Будимирский немало был удивлен, что игра в *Макао* здесь даже неизвестна, но вскоре убедился, что китайскими картами в эту игру и играть нельзя, ибо фигур на картах нет, хотя число очков доходит от одного до 12 в 32-х-картной колоде и до 13 в 36-ти-картной, употребляемой для «Ао-бой».

В первой зале, однако, «Фань-дань» очень понравился нашему авантюристу своей простотой. Громадный стол, покрытый зеленым сукном и окруженный толпой китайцев, европейцев, американцев и японцев, по диагоналям разделен был красными полосами на 4 части, обозначенные цифрами 1, 2, 3 и 4. На эти цифры игроки и кладут свои ставки. Кое-где красовались белые британские банкноты, но чаще виднелись соверены и американские золотые монеты в пять долларов, еще чаще же — серебряные доллары, ходовая монета по всему берегу Тихого океана. Посреди стола возвышалась куча мелких камешков, из которой два или три игрока, сделав ставку, взяли по горсти камешков, а четыре игрока прибавили к кучке по несколько камешков. Горсть взял не глядя один крупье-китаец, горсть бросил туда другой крупье, так что определить точно количество камешков никто бы не мог.

Когда ставки были сделаны, крупье выкрикнул по-китайски нечто равносильное монте-карловскому «*rien ne va plus*» и стал считать кучку камешков, отсчитывая по четыре. В остатке оказалось три, и все ставившие на 3 — выиграли суммы равные ставке. Крупье быстро заработали лопатками, — Будимирский взял соверен, но проиграл два, поставив на 4, когда у крупье оказалось в остатке 1. Если число камешков делится на четыре без остатка — крупье делится общим выигрышем с игроками, ставившими на 4.

Иза безучастно относилась к игре, но ее помощь понадобилась, когда Будимирский прошел в другую залу познаться с «Пак-кап-пиу». Когда он подошел к столу, ему

дали пачку бумажек, на которых были напечатаны первые восемьдесят букв из заключающихся в школьном учебнике китайской грамоты. В это время банкомет продавал по доллару карты, которыми можно покрыть любые 10 букв из напечатанных. Купил и Будимирский. После «*rien ne va plus*» банкомет из закрытого блюда достал наугад 20 дощечек, на которых, на каждой по одной, изображены были буквы из числа первых 80. Игроки быстро сосчитывали сколько из покрытых ими букв соответствовало буквам на дощечках. Менее шести букв тождественных — игрок проигрывает, при шести — выигрывает доллар, при семи — два, при восьми — десять, при девяти — сто и при десяти — 500 долларов... Само собою, что последние случаи бывают чрезвычайно редко.

Сделав две ставки и выиграв два и десять долларов, причем проверить буквы, незнакомые Будимирскому, должна была Иза, Будимирский решил сделать общий осмотр игорного дома, а затем вернуться к «Пак-кап-пиу», которая при счастье дает наибольший выигрыш. Впрочем, ни «Аобоя», ни других карточных игр китайцев наш авантюрист понять не мог, а игры в домино, палки и кости, которые велись на маленьких столах, не могли его заинтересовать их мизерностью. Только в одном углу его заинтересовала группа китайцев, окружившая старика и с напряженным вниманием следившая за тем, как он чистил апельсин... «Это еще что?» подумал Будимирский и понял, когда китаец-старик, очистив и разделив на доли плод, сосчитал все находившиеся в нем зернышки. Поднялся крик, и китайцы, составлявшие группу, стали обмениваться деньгами, — это был замысловатый чет и нечет...

«Вот где азарт» думал Будимирский, пробираясь между столиками и группами игроков в зал с «Пак-кап-пиу».

Пока Будимирский с Изой осматривали «*Gambling House*», Хако выбежал на улицу, завернул в темный переулок, убедился, что по соседству никого нет, и остановился у одинокого фонаря, тускло мерцавшего в темноте.

«Надо пустить в ход “ниппонское” средство, — никакое другое теперь не годится», — шептал он, доставая из кар-

мана маленький стеклянный флакон с светлой жидкостью. Он положил его на камень, разбил каблуком и мелко растолок осколки стекла в пролившийся яд. Носком отделив крошечную кучку почти в порошок измельченного мокрого стекла, он накрыл эту кучку углом носового платка, осторожно завернул угол, а затем и весь платок комком, вернулся в «Gambling House» как раз в ту минуту, как Будимирский и Иза входили в дом «Пак-кап-пиу».

Будимирский стал рядом с Изой и, купив карты, передал ей. Накрыв буквы, она облокотилась руками на сукно стола и внимательно следила за манипуляциями банкомета, в то время, как Хако, стоя рядом с ней, положил руки на стол и переговаривался с Будимирским за спиной Изы. В правой руке Хако был комок его платка. Продолжая говорить с авантюристом, он незаметно одной рукой развернул платок и поднес его к носу, ловко высыпав на сукно мелкую стеклянную пыль, омоченную в яде... Будимирский проиграл. Завязалась новая талия, и Иза, накрыв карты, вновь положила руки на стол, оперлась и... вскрикнула.

— Что с тобой? — спросил ее Будимирский.

— Укололась, — ответила она, осматривая стол и правую руку, на ладони которой показалась микроскопическая капля крови. Хако наклонился к столу.

— Несколько порошинок стекла, — спокойно заметил он и платком смахнул их, не ожидая того действия, которое произведут на Изу эти пустые слова.

«Свершилось!» пронеслось в ее голове, — она, долго жившая в Японии, знала, что такое «ниппонское средство» и, вспомнив о нем, похолодела вся...

Дрожащей рукой она отвела в сторону Будимирского и шепотом произнесла:

— Японец отравил меня... не выпускай его из виду, иначе я погибну... Не делай вида такого... смейся, как я... он по-немецки не понимает, а я объясню тебе все, что случилось и что нужно делать... Улыбайся же... яд этот действует не скоро, и мы успеем все сделать... Немедля зови его ужинать в «Boa-Vista»... силой води его, если он не захочет...

ДРАМА В РЕСТОРАНЕ.

Всегда прекрасный актер, Будимирский почувствовал даже своим огрубевшим сердцем, что Иза переживает фатальный час, и сыграл свою роль превосходно.

— Ну-с, довольно этой дурацкой игры, — и глупо и поздно. Поедьте, Хако, поужинать вместе.

— Вы очень любезны, сэр, но мне нужно к полуночи быть в Гон-Конге, а теперь... уже четверть одиннадцатого, — ответил Хако.

— Пустяки! — возразил Будимирский. — Вы мне нужны... я имею вам передать нечто важное по тому делу, которому мы оба отдали себя и по которому вы... даже не имеете права послушаться меня... Я вас задержу не надолго...

Хако сильно побледнел под своей желтой маской. «Недолго, — думал он. — Яд начнет действовать не ранее, как часа через два-полтора, я, может быть, успею удрать от этого... Хотя какие же основания подозревать меня и в чем?»

— Сэр, — ответил он вслух, — подчиняюсь вам, во имя долга и отложу пока свое личное дело.

— Едем, — обратился Будимирский к Изе, которая во время их разговора, вырвав незаметно из своего кармана листик бумаги, написала на нем несколько слов и сжала бумажку в руке.

— Я готова, едемте, — улыбаясь ответила она и быстро прибавила Будимирскому: — ты с ним поедешь, — не выпускай его.

Впрочем приказ этот был излишен. Хако был свято предан делу и по приказу Будимирского, обладателя талисмана, человека, которому Ситрева доверила всю судьбу дела, он бросился бы в огонь и в воду. Он молча сел с Будимир-

ским, по его приглашению, в колясочку, хотя ему показалось странным, что Иза одна поехала сзади их.

— Дай им уехать вперед немного, — сказала она рикши-малайцу и, когда он сдержал немного свой бег, прибавила: — хочешь заработать крону?*

— О, милостивая госпожа, зачем ты шутишь? — воскликнул малаец.

— Я не шучу. Возьми вот эту бумажку... Теперь ты обгонишь тех во всю силу твоих легких, высадишь меня у подъезда «Boa-Vista» и помчишься, что есть духу, к главной пристани, где найдешь паровой катер без имени и с рулевым в красной феске. Передашь ему эту записку, а сам останешься сторожить катер. Ну, скорее!

Дженрикши помчался как стрела... Иза слышала свист, вырывавшийся из легких малайца. Через две минуты они обогнали дженрикши Будимирского, а еще через 5 минут Иза выскочила у иллюминированного подъезда шикарного ресторана, а малаец помчался на пристань.

«Раньше 10 минут их ждать нельзя, я успею» подумала Иза и, поднявшись в первый этаж, спросила лакея, где хозяин ресторана.

— У себя на половине, — ответил лакей-китаец.

— Проводите меня к нему, — приказала Иза и добавила, видя нерешительность китайца, — я знакома с ним и имею к нему важное дело.

Китаец поклонился ей и, пройдя через анфиладу в 4-5 комнат и галерею, ударил в гонг у маленькой двери во флигель, соединенный галереей с главным зданием, объяснил, что нужно открывшей ему прислуге, и удалился.

— Что вам угодно, синьора? — спросил Изу вышедший к ней в галерею высокого роста брюнет с оливкового цвета лицом, открытым и симпатичным взглядом.

— Дон-Хозе, вы меня, конечно, не узнали... Я Иза ди-Торро, дочь друга вашего детства, которого вы так любили...

---

* Португальская корона = около 20 рублей.

— Иза ди-Торро?! Santa-Maria! Та милая, чудная малютка, которую... Скорее, скорее, пожалуйста сюда. Saagambo! Что за радость! Ко мне, ко мне, милости просим, — заторопился действительно взволнованный и обрадованный хозяин ресторана.

— Нет, нет, дорогой Дон-Хозе, другой раз! Теперь у меня едва ли минута есть для беседы. Выслушайте меня здесь и, во имя вашей дружбы к моему покойному отцу, исполните мою просьбу. Я переживаю страшную драму... Меня только что отравили ядом, противоядие которого европейские доктора не знают... отравил один японец... из него хотя бы пыткой нужно исторгнуть название противоядия... Сейчас мой друг привезет его сюда... Дайте нам в виде кабинета такое помещение, откуда никто не может ничего услышать и... не удивляйтесь крикам, если вы их услышите. За ними вслед придет мой рулевой с катера, мой молочный брат... вы узнаете его по красной феске... Поместите его у двери кабинета, чтобы он мог войти по первому моему зову... Ради Бога, вы сделаете это?

— Все, все, что прикажет мне дочь друга, которому я всем обязан... Я нашел бы вам многое сказать, но вы говорите, что теперь поздно... вам лучше знать... Сюда, сюда пожалуйста.

Он вывел ее в боковую галерею и провел в последнюю дверь из ряда расположенных на ней. Это был большой роскошно обставленный и устланный коврами кабинет, окна которого над верандой выходили на набережную.

— В эту галерею и кабинеты я не прикажу никого пускать... Иду отдать приказания, но, ради Бога, объясните мне все, когда... когда вы успокоитесь.

— Завтра, завтра, друг мой, если Бог даст... Торопитесь теперь, — воскликнула Иза, и Дон-Хозе ушел.

Иза тяжело вздохнула, опустилась на стул около окна и задумалась, не видя перед собой ни чудной, блестяще иллюминированной Прайи и Грандо, ни далекого пика Виктории, фантастически освещаемого луною, то и дело нырявшей в быстро несущиеся по небу облака.

«Такой яд начинает действовать через 3-4 часа, — вспомнила она. — Час прошел уже... успеем ли мы. За что он убил меня? Сильна ли над ним власть того, ради которого я отравлена. Тут видна чья-то другая рука... женская. Надо узнать...»

Беспорядочные мысли ее были остановлены легким шумом подъехавшего дженрикши, из колясочки которого вышли Будимирский и Хако.

Она быстро отворила двери в коридор и через несколько секунд услышала голос хозяина: «Пожалуйста, пожалуйста сюда, — ваша дама ожидает вас».

Будимирский, такой же спокойный с виду, как и Иза, занялся меню ужина и вина и, пока сервировали то и другое, непринужденно болтал с Изой и Хако о вкусе некоторых восточных кушаний, об испанских винах и фруктах Китая и Японии, сравнивая все это с французской кухней, французским вином и фруктами Европы, приходя к заключению, что выше всего — умелая комбинация из всего этого... Хако почтительно слушал его, но изредка с беспокойством взглядывал на Изу, спокойную, но бледную и сосредоточенную.

Иза села спиной к окнам и лицом к двери, посадив против себя Хако, и в ту минуту, когда при входе китайца-лакея с грудой тарелок дверь оставалась некоторое время открытой, она увидела в стороне на галерее красную феску...

«Слава Богу, здесь» подумала она и, как бы мимоходом, бросила Будимирскому несколько немецких фраз, в которых предупреждала его о приготовленной помощи за дверь и участии к ним хозяина ресторана.

— Нет, нет, — ответил ей, улыбаясь, по-английски Будимирский, — я хочу непременно, чтобы мистер Хако испробовал здесь еще некоторые европейские кушанья, с которыми он должен будет примириться в Париже... Морской капусты, каленых яиц, саки и рису с перцем он там не найдет, — захохотал он.

— Но я в восторге, я очень рад, — перебил его Хако.

— Тем лучше, тем лучше, — а вот кстати и ужин, — воскликнул Будимирский. Он раньше приказал подать все сразу, вплоть до кофе в кофейнике на серебряной спиртовой лампе, а теперь отдал приказ лакею не входить без зова.

— Слушаю, сэр, — ответил прекрасно дрессированный лакей, хорошо знакомый с оргиями фарисеев-англичан из Гон-Конга и вдобавок получивший приказ хозяина строго подчиняться требованиям этих гостей и... ничему не удивляться. Иза почти не притрагивалась к кушаньям, Хако ел неохотно, а Будимирский быстро покончил с великолепным шатобрианом, тюрбо и трюфелями в салфетке, запил все это, усердно подливая Хако ароматный кло-де-вужо, разлил затем в плоские стаканы пенистое клико и поджег спирт под кофейником.

— Теперь мы можем побеседовать, — начал Будимирский, спокойно развалясь в кресле. — Пейте, Хако, и постарайтесь внимательно выслушать, зачем я... пригласил вас сюда.

— Я к вашим услугам, сэр, — пробормотал Хако, которому очень не понравился решительный, какой-то металлический тон собеседника и его блестящий взгляд, сразу сказавший японцу, что ему добра ждать нельзя... Он заерзал в кресле, оглядываясь на дверь.

Будимирский заметил это.

— Иза, милая, сядь на диван, а вы, Хако, будьте любезны занять ее место, — так и вам и мне будет удобнее, — предложил он, усадил Хако и занял его место, так что оказался между японцем и дверью. Об окнах, выходящих на крышу веранды, он не беспокоился, так как, еще войдя лишь в кабинет, приказал лакею закрыть их во избежание сквозного ветра.

Хако стало ясно, что он понят, и японец, с сильно бьющимся сердцем, ожидал наихудшего, не подозревая, однако, до какой степени он был понят. Будимирский очень скоро разъяснил ему это.

— Слушайте же меня, Хако, — продолжал Будимирский после пересадки. — Если не во всех деталях, то в общих чертах вам известно значение той великой миссии, с кото-

рой, по соглашению с главной жрицей Ситрева, я еду в Европу. Миссия эта, кроме материальных средств и всей моей энергии, требует безусловного моего душевного покоя, как можно меньше мелочной борьбы с разного рода препятствиями и осложнениями, дабы я всегда мог спокойно сосредоточиваться на главных, основных линиях моего плана. Об этом мы с Ситревой немало думали, и вот для помощи мне, для этой мелкой борьбы, для устранения мелких происшествий, она назначила вас и Моту здесь, на пути в Европу и... и многих других, которые отчасти находятся уже там, отчасти же еще в пути, — ловко врал авантюрист. — Для того же, — продолжал он, — чтобы все вы подчинялись мне, как ей, Ситрева дала мне этот, вам известный, амулет...

Будимирский вынул амулет из жилетного кармана и с многозначительным видом поднял его перед Хако, который почтительно поднялся, сильно побледнев.

— Аум! — произнес он, подымая правую руку, сложив пальцы в знак секты.

— Аум! — ответил ему тем же Будимирский.

— Как вы, так и Моту, так и другие, — продолжал он, — слепо подчиняясь приказу Ситревы, можете переусердствовать и... принять за препятствие участие, например, в деле третьего лица, вам неизвестного, можете путем насилия устранить такое препятствие, вами воображаемое, можете отнять у меня на самом деле весьма существенную для меня помощь... Согласны вы со мною?

— Я, простите, сэр, не совсем... понимаю...

— О, вы наверное понимаете меня... Я думаю, что для нас с вами в данном случае и полуслов достаточно... Впредь я вам приказываю под страхом смерти, — слышите ли вы? — каждый раз когда вы, следуя за мною и невидимо для других очищая путь мне, встретите то или другое препятствие — докладывать мне об этом и устранять его лишь с моего ведома, а теперь... я вам приказываю немедленно исправить сделанную вами ошибку...

— Сэр, я... не понимаю о чем вы говорите... — прерывающимся голосом бормотал перепуганный, недоумевающий

еще, но смутно догадывающийся, что карты его открыты, Хако.

— Вам нужны пояснения? Извольте! — поднялся во весь рост Будимирский перед съежившимся в кресле тщедушным японцем. — Такое «препятствие», о котором я говорю, вы увидели в Изе, в этой девушке, без которой миссия моя не будет иметь успеха. Она неизвестна Ситреве, потому что я встретил ее после моего выезда из Тиен-Тзина, я же еще не успел сообщить жрице об обретенной мною громадной помощи.. Вы сочли ее вредной и два часа тому назад отравили ее...

— Я! — вскричал Хако, вскочив. Он был страшен. Глаза его лезли из орбит, и челюсти тряслись.

Будимирский вынул амулет и поднес его к глазам несчастного, резко, раздельно и внушительно произнес:

— Потрудитесь немедленно дать ей противоядие, иначе... иначе я вас буду пытаться... а если и это не поможет, вы не выйдете отсюда живым...

Хако трясся как осиновый лист: он не попадал зуб на зуб, и если бы хотел, не мог ответить Будимирскому.

Настала томительная, ужасная пауза...

— С ним, кажется, столбняк будет, — воскликнула Иза, — скорее освежи ему лоб, дай выпить воды с вином, налей... вина крепкого...

Будимирский плеснул воды в руку, смочил лицо беспомощного японца и влил ему в горло полстакана хереса. Когда японец стал приходить в себя и глаза его, до сих пор дикие и неподвижные, забегали, Будимирский вновь спокойно и веско заговорил.

— Вот бумага и карандаш, — достал он из кармана бумажник, — пишите скорее...

Японец сидел теперь в кресле неподвижно. Он примирился с мыслью о смерти, решив не давать противоядия... да, амулет имеет великую силу, но прямой приказ Ситревы и клятва, ей данная, сильнее. Он умрет, но противоядия не даст. Смерть во имя долга сладка для фанатика, но в голове Хако блеснула мысль о том, что в этот час в многолюдном ресторане Будимирский не отважится на насилие,

и он с быстротой молнии, мимо не ожидавшего этого движения Будимирского, бросился к двери, рванул ее и... очутился в мощных объятиях молодца-метиса, который, как ребенка, внес Хако в кабинет. Хако крикнул было неистовым голосом, но Будимирский быстро зажал ему рот. Руки Хако держал метис, и японец теперь не мог пошевелинуться...

Иза почувствовала уже жар и сильнейшее сердцебиение. Она слабела, и какие-то красные круги волновались перед ее глазами. Жестом она подозвала к себе Будимирского.

— Нет... ты не можешь этим путем спасти меня, — говорила она, — сила амулета слабее силы его фанатизма... Есть другой путь... я не в силах, но ты... твою силу я на себе испытала... Усыпи его и прикажи...

— Иза, родная моя... ты говоришь о гипнотическом сне? Но я никогда не пробовал, не знаю, — растерявшись только теперь перед трепещущей Изой, отвечал взволнованный Будимирский, только теперь вдруг оценивший, как дорога ему эта таинственная, сильная и фатально преданная ему женщина.

— Ничего, что не пробовал... Ты страшно силен... Положи ему руку на лоб... Прикажи спать...

Будимирский проделал это, и Хако почти вдруг заснул как убитый, глубоко и *легко* вздохнув.

— Внуши ему, чтобы он, проснувшись, написал название противоядия... собери всю энергию свою и внутренне заставь его... можешь и вслух говорить... Потом, дунь ему в лицо, разбуди, и когда он напишет... усыпи опять...

Держа руку свою на лбу спящего, Будимирский энергично отдал ему приказание, два раза повторив его, затем дунул ему в лицо, и когда Хако, изумленный, открыл свои глаза, — авантюрист подвинул ему бумагу и карандаш.

Как автомат, Хако что-то написал, и рука его упала и повисла, а он спокойно и бессмысленно смотрел впереди себя.

Будимирский вновь положил руку ему на лоб, и Хако опрокинулся на спинку дивана, точно подкошенный сном. На бумажке написана была вертикально китайская строч-

ка... Иза подозвала метиса и на родном языке объяснила ему что-то. Схватив бумажку, он стрелой бросился из кабинета и через полминуты через открытое Будимирским окно донеслось дребезжание дженрикси...

Настало томительное ожидание. Будимирский, жадно глотнув воздуха, обратился к Изе, — она металась в жару, сидя в кресле, сжимая рукой громко бившееся сердце и слабея с каждой минутой.

— Иза, голубка моя... что с тобой? — чуть не зарыдал Будимирский, глядя на ее страдания.

Она грустно улыбнулась.

— Ничего, милый... не бойся... смерть не скоро... Я спасена.

Будимирский, однако, видел только смерть и не верил в спасение. Он рыдал, обливая ее руки слезами, жадно целуя их и горевшие уста Изы, точно желая влить в них жизнь этими страстными поцелуями.

Будимирского, этого безжалостного эгоиста, авантюриста, испорченного до мозга костей, развратного и преступного, шантажиста и убийцу, нельзя было узнать в этом безумно рыдающем, убитом горем человеке.

Иза видела это, чувствовала, и в лихорадочно блестящих очах ее рядом с грустью затеплилась ласка.

«Быть может, за страдания мои Бог даст и спасение, и счастье... даст силы перевоспитать его, развить в нем еще остающуюся искру Божью» проносилось в объятom огнем мозгу бедной красавицы.

Будимирскому вечностью показалось это долгое ожидание, но на самом деле не прошло и получаса, как в дверях кабинета показались метис в красной феске и старик китаец в толстых хрустальных очках на лбу, пылливо осмотревший присутствовавших и быстро подошедший к Изе.

Метис через 10 минут уже нашел китайскую москательную лавку, о которой сказала ему Иза, и ее хозяина-старика, еще не спавшего и молча мечтавшего и созерцавшего своего дрозда на столбике, но старик недоверчиво отнесся к рассказу метиса и сказал, что противоядия, яда ужаснейшего, он *не даст*... Наконец метису удалось, пообещав ки-

тайцу 100 фунтов стерлингов, добиться того, что китаец согласился сам ехать с ним, захватив противоядие.

— Да, ты прав, — «ниппонское средство», — пробормотал он, обращаясь к метису.

Он потребовал теплой воды, которую Будимирский тотчас же приготовил на спирту, в сполоснутом кофейнике, влил в полстакана теплой воды капле двадцать из принесенного с ним флакона и заставил уже совсем потерявшую силы Изу выпить эту жидкость.

С ней начались сейчас же сильные судороги, потом она успокоилась и заснула.

— Она здорова теперь, — авторитетно произнес китаец и взглянул на метиса.

— Я обещал ему 100 фунтов, — обратился метис к Будимирскому, и тот, переполненный радостью, поспешно достал из бумажника и передал низко кланявшемуся китайцу несколько английских банкнотов.

На этот раз Будимирский совершенно спокойно провел часа два, пока Иза спала тихим, здоровым сном, и горячо обнял ее, когда она проснулась и встретила ласковой улыбкой его радостный взгляд.

— Скорее, скорее домой, — воскликнула она, все еще слабая, с трудом поднимаясь.

— Идем, идем, но... что же с этим мне делать? — спросил Будимирский, указывая на спящего Хако.

— Он *мне* принадлежит, — заявил метис, сверкнув глазами.

— Делай, как знаешь, — прошептала Иза.

Будимирский ударил в гонг. Явившийся на зов китаец позвал хозяина, которому Иза объяснила, что один из компаньонов заболел и его нужно осторожно доставить на пристань... Они отвезут его в Гон-Конг.

— Вы здоровы? Значит, все обошлось благополучно. Это он, да? — осыпал вопросами Изу Дон-Хозе.

— Да, да... завтра я вам все объясню, — остановила его Иза.

Два дюжих китайца через задний ход ресторана вынесли спящего Хако и доставили его на катер, где уже были

доехавшие с рикши Будимирский и Иза. Уже на востоке побелело, когда катер отвалил от берега и пошел к Гон-Конгу. Над заливом лежал густой туман и с пристани Макао никто не мог видеть, что, пройдя с версту, катер повернул вдоль берега и направился к перешейку.

— Где же... тот? — спросила метиса Иза, выходя из катера и не видя Хако.

Метис молча пожал плечами и махнул рукой по направлению к морю.

И Будимирский и Иза содрогнулись, поняв, что тело Хако давно уже растерзано акулами.

Х.

КОШМАРЫ. — ЗАБВЕНИЕ. — ШИФР.

Прошла ночь, которую из главных действующих лиц вчерашней драмы провел спокойно только метис в красной феске, так же спокойно отправивший спящего Хако к акулам. Иза не могла сомкнуть глаз от мысли, что Будимирский ее действительно любит, что он способен измениться, накануне преображения даже, — так подействовали на нее рыдания Будимирского, его участие. В искренности этих чувств его она не сомневалась, но вопрос о том, насколько они окажутся продолжительными, справедливо волновал ее.

«Боже мой, — думала она, — сколько доброго, хорошего могли бы мы сделать вдвоем, при той энергии, при тех громадных душевных силах, которыми он владеет, если бы... если бы он был честен, если бы силы эти я могла направить к добру... Буду с ним еще нежнее, еще ласковее... сделаю так, чтобы я стала необходимостью его жизни, его воздухом, мыслью и пищей, чтобы без меня он ничего не мог

сделать, даже преступления... и буду внушать ему не рассуждениями, а наглядно, осязанием, как ребенку, отвращение ко злу, восторг к добру. Старцы! О, они могли бы помочь мне обратить его, сделать *человеком*, но... они же меня послали на испытание. Судьба... я должна только на свои силы надеяться и победить, если это суждено, или погибнуть. Если бы я еще могла всю правду знать о прошлом его, о той женщине, о которой он все время думает, которую боится, но не любит. Пойти к ней? Узнать ее, узнать, каким оружием бороться с ней, в чем власть ее?»

Иза поднялась с постели и, вынув из поставца на туалетном столе маленькую склянку, выпила из нее несколько капель чистой как вода жидкости. Протянувшись опять на постели и сложив руки крестом на груди, она сосредоточилась всеми душевными силами на вызванном ею в воображении лице главного старца. Это лицо индуса-аскета все резче и резче выступало в волнующемся облаке перед глазами Изы и наконец стало, как живым, перед ее очами.

— Не спрашивай... Я знаю, о чем ты хочешь спросить меня... Я все время с тобой, все время переживаю твои мысли и страдания... Идти вперед, навстречу судьбе, тебе не дано, и ты не должна искать борьбы с той женщиной, не посвященной, но флюиды которой очень сильны и прямо противоположны твоим... Бороться с тобой она сама придет... Она уже начала борьбу с тобой вчера, хотя пока в борьбе этой она участвует только как женщина, ревнуя человека, который не любит ее и которого она боготворит... Будь сильна душой, отдайся судьбе и жди, когда борьба потребует твоих сил. Я буду около тебя. Всесильный благословляет тебя.

Образ его потух, и Иза тяжело вздохнула. Надо ждать и долго-долго страдать. Она еще раз убедилась, что в этом ее задача, и без ропота примирилась. Только на заре сон смежил ее очи.

Будимирский всю ночь метался. То думы неотвязно одолевали его, то давил кошмар. Хако весь синий, раздутый, с широко раскрытыми злыми глазами, сидя верхом на кровавого цвета драконе, из пасти которого вырывалось жел-

тое пламя, преследовал Будимирского, нагонял и обдавал каким-то леденящим холодом и огнем, от которых кровь то застывала, то горела в жилах его; а Моту, высоко держа над головой пакет с печатью, дико хохотал и кружился в какой-то дьявольской сарабанде с истомленной, бледной как смерть Изой, звавшей его спасти ее. Он бросался и освобождал Изу, но Моту убегал с пакетом. Будимирский отнимал пакет, но терял Изу, а Хако все время обдавал его то стужею, то пламенем горячим.

В холодном поту Будимирский просыпался и отдавался горячечным мыслям, одолевавшим его мозг наяву. «Ситрева жива, Ситрева жива, Ситрева жива...» точно молотками стучало в его голове. «Жива и будет тебя преследовать и через клеветников своих, и сама... будет преследовать и тебя и близких твоих... начала уже с Изы... Хако получил возмездие... да, но Моту дня через два-три будет здесь... снесется по телеграфу с той, сообщить об исчезновении Хако... Избавиться от Моту? Опять кровь... как много крови!...» Мысли Будимирского теряли нить, он забывался, и вокруг него ходили волны крови, подымаясь выше и выше, захлестывали, перекачивались через голову, и издали по этим волнам плыл к нему ближе и ближе синий, распухший, объединенный акулами труп утопленника, ловившего руками голову Будимирского, уже захлебывавшегося от крови. С диким криком Будимирский просыпался и, тяжело дыша, крестился и ловил сам себя на этом святотатстве. Убийца трижды, готовый еще раз совершить его, крестится, Бога поминает от страха. Нет Бога в твоём сердце, ты еще в детстве ушел от Него... Вернется — когда ты к честной жизни вернешься... Иза могла бы помочь... Хорошо бы, только... только чтобы миллионы остались, чтобы успокоиться... Да, а для этого надо еще, быть может, много преступлений совершить, еще и еще окунуться в кровь... Моту не трудно отправить туда же, к акулам... А дальше? Бежать скорее в Европу, где темная власть этих желтокожих недействительна... Париж, Ницца, Вена... Будимирский замечтался и перед ним стали проноситься радужные картины привольной жизни, *far niente*. Дворец, залитый ярким све-

том, пир, музыка волшебная, ароматы. Толпа незнакомых друзей вокруг, все веселы, головка Изы покоится на плече его... Мир в душе его и радость, но вот откуда-то доносится зловеющий шум, сердце его сжимается жестокой тоской и прямо перед его глазами, в арке, залитая светом, показывается страшная фигура красавицы Ситревы... С криком ужаса вскочил Будимирский и, подойдя к умывальнику, обдал плывавшую голову холодной водой.

Вода успокоила его немного, мысли складывались логичнее. Выхода нет другого — надо ждать Моту и ехать в Европу, покончив здесь с японцем, а там в Европе — что Бог даст. По течению пойду. Он опять задумался о Париже и забылся до утра.

За утренним кофе сошлись Будимирский и Иза — бледная и апатичная. Дуглая бросала полные злобы взгляды на Будимирского, обвиняя его в бледности Изы, и спокоен был только красавец-сын ее, уписывавший за обе щеки жирные лепешки с кофе.

Будимирский после завтрака сделал знак метису и вызвал Изу на веранду к морю.

Его волновал вопрос о том, что пока Моту приедет, Хако хватится полиция, потому что из гостиницы, где он ночевал первую ночь и оставил свой багаж, сообщат в полицию об его исчезновении. Он высказал это Изе, и та перевела слова его молочному брату. Метис улыбнулся и быстро ответил что-то по-испански. Будимирский понял лишь, что он помянул имя хозяина ресторана «Boa-Vista».

— Надо ехать в Макао, — коротко объяснила Иза.

— Поеду и я, — ответил Будимирский, обрадовавшийся какому-нибудь развлечению и боявшийся остаться с глазу на глаз со старой мегерой, явно враждебно к нему относившейся.

Через час они были уже у пристани. Иза с братом должны были отправиться в «Boa-Vista», а Будимирский обещал, пошатавшись по городу, часа через два быть на катере.

Он прошелся по набережной и свернул на улицу, ведущую к ратуше, когда какой-то дженрикиши, лукаво подмигивая ему, заговорил ломаным португальским языком. Буди-

мирский понял только, что дженрикши сулит ему что-то хорошее или вкусное, причмокивая после каждого слова цце-цце!!

— Не понимаю! — отрезал ему по-английски Будимирский.

— Инглишмен? Оль-райт! Вэри вэл! Вэри гуд! — быстро забормотал дженрикши еще более ломаным, на сей раз английским языком, приглашая Будимирского прокатиться к таким красавицам, которых тот «ни в одной Европе» не видел, которые чудно играют и поют и любовью своею дарят щедрых и «воспитанных» гостей. Он так и сказал «educated» и пояснил, что из того «заведения», куда он зовет Будимирского, не раз выгоняли иностранных моряков, которые не умеют себя вести.

— Ты что же, к гейшам зовешь меня? — понял Будимирский, — настоящие ли они, может быть местного производства?

— Нет, нет, — из самого Иеддо, три только что приехали, — торопил дженрикши, отдергивая фартук и подымая бумажный фордек колясочки,

Будимирский, улыбаясь, пожал плечами, ощупал деньги в кармане и поехал, не подумав даже об Изе...

Будимирский не ожидал в Макао, в такой глухой части китайского города, в какую завез его дженрикши, найти такой роскошный чайный дом, — ему место было в Париже на выставке, в Лондоне, но не в этой трущобе. Так думал авантюрист, но хозяин чайного дома, китаец, солидный мужчина в шелковой темно-синей куртке на чистом английском языке пояснил ему, что нигде чайный дом не может иметь такой клиентуры, как здесь, под боком у Гон-Конга, откуда лицемерные англичане-businessmen'ы удирают сюда потихоньку, запрещая открытие чайных домов в самом Гон-Конге...

Китаец провел его через анфиладу маленьких роскошно изукрашенных резьбой, трельяжами и коврами салонов в большую угловую комнату, одна стена которой сплошь заставлена была цветами, а у противоположной разложены были ковры и подушки и расставлены низенькие резные

столики, деревянные и металлические. Хозяин усадил Будимирского на ковре, подложил ему под руку подушку, придвинул столик, на который слуга поставил маленькую чашечку с дымящеюся жидкостью и ударил в гонг.

— Приветствую вас, — указал китаец на чашечку. — Это саки, — пояснил он, видя в нем иностранца, не знакомого с обычаями домов чайных...

На звук гонга из боковой двери вышли три молодые девушки в ярких шелковых затканых цветами киримонах с инструментами, похожими на мандолины, молча в ряд уселись по-восточному на ковре, вдоль стены, уставленной экзотическими цветами, и одновременно и торжественно наклонили низко головы, приветствуя гостя.

Улыбаясь и кивая головой, Будимирский разглядывал девушек, действительно миловидных, артистически подрированных, весело улыбающихся. «И зубки прелестные, и глазки хороши, хотя косы чуть-чуть, и шевелюра великолепная, и тот уголок розового тела, что виднеется между переплетами киримона на груди, хорош, но... миниатюрны уж очень они» думал авантюрист, попивая маленькими глотками рисовую водку и не зная, что ему делать... Хозяин что-то сказал гейшам, и одна из них, кивнув головой, заговорила с Будимирским по-английски, очень мило проглатывая окончания слов.

— Неправда ли, какая прекрасная погода сегодня, сэр? — захохотала она, лукаво сверкая глазами. — Мы всегда этим глупым вопросом начинаем беседу с иностранцами, которых не знаем еще.

— А которых знаете?

— О, то для тех... С одним начинаем разговор поцелуем горячим, с другим... чокаемся и пьем что-нибудь, третьему — поем или играем, четвертому танцуем, болтаем, что на ум взбредет и... не скучаем никогда... Вы не англичанин и... не торопитесь напиться крепким вином или спиртом, — вы южанин, — мы протанцуем вам, а чем вы нас угощать будете — не знаю.

— Хотите шампанского?

— А, вы француз, — это наш любимый напиток, которым англичане нас не балуют, но мы его с «джин-джиром» пьем, — попробуйте — прелесть...

Появилось вино, — весело защебетали по-птичьи и подруги болтливой гейши, забренчали мандолины, и гейши, то и дело останавливаясь и попивая вином с ликером, начали грациозный, стройный танец, плавные спокойные движения которого постепенно ускорялись, становились страстнее и закончились бешеной фугой... «Желтая Роза», — так звали гейшу, занимавшую Будимирского, оборвала вихрь танцев, упав на ковер около него, запрокинула голову и впиалась многозначительным взглядом в глаза слегка охмелевшего авантюриста. Обстановка, танец, вино с пряным, жгущим язык ликером, зубки, шейка и глаза «Желтой Розы», все это, *новое* для него, — нравились Будимирскому, но... всего этого было мало для него, — все это было только мило, оригинально, но не остро, не увлекательно... «Желтая Роза» поняла это. Наливая вино для Будимирского, она что-то сказала подругам своим, вздохнула и подобрав под голову подушку, легла головой к ногам авантюриста, вытянув одну руку вдоль бедер. Одна из гейш принесла курительницу и комнате разлился сладкий аромат, который, казалось, обнимал все тело, все чувства Будимирского, проникал даже в его мозг... Две гейши, сидя под ветвями пальм, начали какую-то мимическую сцену любви... Скромные взгляды, несмелые пожатия руки, стыд, неловкость изображались ими артистически, но... любовь брала свое, взгляды и движения становились смелее. Сорван был один поцелуй, другой... ласки становились горячее, продолжительнее, томительнее... Загоралась огневая страсть, которой, казалось, уже весь воздух дышал... Будимирскому трудно стало дышать, и он, на секунду отвернувшись от мимической сцены, широко открыл глаза, взглянув на «Желтую Розу». Высоко подняв голову на подушке, она фиксировала его долгим непрерывным взглядом, полным неги и затаенной страсти, обещавшими море блаженства... Она не шевелилась, как бы охваченная негой, а киримон незаметно, едва-едва подымаясь, открывал больше и боль-

ше ее босые стройные ножки. Будимирский впился в них глазами, влага заволакивала их, и он видел только стройные очертания, открывавшиеся более и более. Нежно, нежно зарокотали мандолины, вдруг вздрагивая, разливаясь захватывающими страстными переливами и вновь переходя к томительно сладкому рокоту... Будимирский поправил галстук, — его душило что-то сладкое, истома охватывала его, в глазах кругом был туман и сквозь него вызывающе глядели на него только обнаженные упругие формы да два горячие глаза...

Будимирский вскрикнул, поднялся и спрятал пылающее лицо свое на груди «Желтой Розы»...

Музыка смолкла...

Хозяин-китаец, сжимая в руке своей полученный от Будимирского банковый билет в десять фунтов, провожал его но анфиладе комнат с почестями, когда в одной из комнат Будимирский остановился, почувствовав специфический запах, идущий, как казалось ему, из полуоткрытой двери. Он быстро отворил эту дверь и заглянул в слабо освещенную спускающимся с потолка фонариком комнату.

— Смокинг-рум, сэр, смокинг-рум! — объяснял ему китаец назначение этой «курительной» комнаты. Да, это была курительная, но тут не табак курили, а опиум. На коврах и подушках валялись три человека, — один китаец в богатом костюме и два европейца, весьма прилично одетые, с лицами, предусмотрительно закрытыми платками. Казалось, воздух пропитан был здесь наркозом, — китаец еще курил, и от его тоненькой трубочки вился голубой дымок. Европейцы уже кончили курить и, видимо, наслаждались забвением и грезами.. Один сладострастно чмокал губами, другой судорожно вздрагивал и вздыхал.

— Вы пробовали, сэр? — спросил хозяин.

— Нет, и хочу попробовать, но не здесь... дайте мне что нужно... побольше...

Китаец, униженно кланяясь, юркнул в низенькую дверь, откуда глядел китаец-слуга, и вынес оттуда в изящном футляре прибор из тоненького чубука, двух микроскопических

шечек-трубочек и фарфоровой баночки, наполненной шариками опиума...

— Первый раз, сэр, — не больше двух, не больше... — почтительно предупреждал китаец. Будимирский дал ему еще соверен и быстро шел к выходу, где его ждал дженрикши.

Через десять минут он был на катере, где его ждали Иза и метис.

— Вы давно меня ждете? Я в китайском ресторане какую-то гадость пробовал... — нашел нужным соврать Будимирский.

— Нет, мы только что, — ответила Иза, оглядывая пылливо возбужденное лицо авантюриста.

— Благополучно кончили?

Иза пожалала плечами и объяснила, что хозяин «Boa-Vista», старый друг ее отца, которому она все рассказала сейчас, послал слуг узнать стороной, в какой гостинице остановился японец, а узнав, послал другого слугу в эту гостиницу, к приятелю-хозяину за вещами Хако, который якобы к нему переехал.

— Вот эти вещи, — указала Иза на два чемодана. — Он хочет их тоже в море бросить, — кивнула она на метиса.

— О, нет! Я сперва ознакомлюсь с их содержанием. Это не лишнее будет.

— Да, вот еще телеграмма, вчера на его имя полученная, — протянула Иза голубую бумажку.

Телеграмма из Банкока за подписью Моту гласила: «Кончил хорошо, пятницу буду».

«Пятницу? Послезавтра...» рассчитал Будимирский. — Переведи ему, что в пятницу мы с ним встретим другого японца в Гон-Конге, он едет из Банкока... Мы его повезем сюда, но... тоже не довезем.

Иза испуганно взглянула на него.

— Опять?! Неужели нельзя обойтись... Боже мой сколько крови!

— Ты хочешь, чтобы повторилась вчерашняя история? То, что не удалось Хако, повторит Моту.

Глаза Изы сверкнули.

— Ты скажешь мне когда-нибудь правду, — за кого они мстить хотят мне, — ведь лично им я зла не сделала. Это, ведь, женская рука толкает их на убийство! Скажи! Скажи! — настаивала Иза, волнуясь и дрожа.

— Я скажу тебе все... подожди только. Дай мне освободиться от этих шпионов... У меня план есть, дай мне обдумать его, — нам все удастся, если только я найду, что нужно в вещах... этого и того...

Слова Будимирского, его обещание звучали искренне, и Иза успокоилась, а Будимирский, действительно, что-то обдумывал. Глаза его то загорались, то потухали, лицевые мускулы вздрагивали и он с нетерпением ждал, когда-то катер пристанет к берегу у гациенды.

В ту минуту, когда они сходили на берег, метис передал Изе какую-то голубую бумажку.

— Перед тем, как... вчера ночью... он еще раз обыскал его карманы и нашел вот эту... телеграмму, — передала Иза бумажку Будимирскому.

Он быстро ее развернул и прочел:

«Крайне удивлены размолвкой, Ситрева в особенности. Священный долг ваш приказывает вам немедленно помириться с невестой и постараться устранить незаметно и ловко все поводы к новым недоразумениям и спорам, препятствие родителей устраним мы. Друзья».

— Какая там к черту невеста?! Это, несомненно, графический шифр, но... если у него в чемоданах нет трафарета — я ничего не пойму... Скорее!

Будимирский при помощи метиса перетаскивал чемоданы Хако в свою комнату и быстро сорвал замки. В одном из них лежали разные принадлежности костюмов и белье, в другом — книги и документы разного рода.

Будимирский добрые полчаса пересматривал все листик за листиком, когда, наконец, в кармане первого чемодана нашел квадратный разграфленный кусок картона.

— Урра!! — воскликнул он.

Квадрат разделен был на 64 квадрата, т. е. 8 в каждом из 8 рядов, из которых вырезаны были 4-й квадрат в первом ряду, 2-й и 4-й во втором, 2-й в третьем, 4-й в чет-

вертом, 1-й и 3-й в пятом, 2-й и 5-й в шестом, 8-й, 6-й и 8-й в седьмом, 1-й, 4-й и 7-й в последнем.

— Дурак! Такой простой шифр можно бы и в голове хранить, не делая трафарета... — прибавил Будимирский и начал разбирать телеграмму. Каждое слово ее следовало поместить в клетку по порядку и прочесть слова только в отмеченных, т. е. вырезанных клетках, но шифр был в самом деле так прост, что расписывать всю депешу по клеткам не было надобности — надо было взять лишь 4-е слово, 10-е и 12-е (во втором ряду), 18-е (в третьем) и 28-е (в четвертом). Выходило: *«Ситрева приказывает немедленно устранить препятствие»*.

Будимирский посмотрел на число и месяц на депеше, и ему стало ясным, что *Ситрева жива...*

XI.

ВО ВЛАСТИ КОШМАРОВ.

Будимирский позвал Изу и с торжеством показал ей дешифрованную телеграмму.

— Теперь они у меня в руках! — воскликнул он, но Изе телеграмма ничего нового не сказала, — она знала, *испытала*, что ее хотели убить, «устранить», как выражался автор депеши, но кто этот автор, кому она стала на дороге препятствием — вот чего она не знала, хотела знать и не могла добиться от Будимирского.

— А от кого телеграмма эта? — попыталась она еще раз рассеять окружающий ее мрак.

— Подожди, узнаешь в свое время. Я тебе сказал, — дай мне разделаться со всеми шпионами и тогда на досуге ты все узнаешь.

Изе оставалось молчать, и она, пользуясь хорошим осенним днем, расположилась на веранде кроить и шить какую-то дорожную блузу, а Будимирский принялся вновь за тщательный пересмотр багажа Хако.

Документы его ни в каком случае не могли пригодиться ему, наоборот, — могли скомпрометировать, и он их сжег в камине, вместе с какими-то счетами и двумя-тремя тетрадками, но один из документов — японская рукопись на нескольких страницах плотной бумаги остановила его внимание, потому что вторая половина состояла из адресов и фамилий, причем адреса были написаны латинскими буквами... Он присмотрелся внимательнее, — это были лондонские, парижские, марсельские, ниццкие, миланские и римские, берлинские и амстердамские, нью-йоркские, вашингтонские и даже один петербургский адреса лиц, фамилии которых написаны по-японски.

«Очевидно — это агенты... Счастливая находка. Вероятно, первую часть составляет инструкция, которую мне необходимо знать теперь, когда... я сам буду своим шпионом, буду доносить о своих *faits et jects* и... в свое время донесу о своей смерти»... думал Будимирский, лукаво улыбаясь своему гениальному, как он думал, плану.

«Ба! О чем же я задумался, — Иза несколько лет жила в Японии и, конечно, знает японский язык, раз научилась китайскому даже» решил Будимирский.

Он отыскал Изу и вручил ей документ с просьбой немедленно перевести на французский язык. Она молча кивнула головой и уселась за работу, а Будимирский... вспомнил о своей покупке в чайном доме.

— Единственная гадость или прелесть, черт ее знает, — разное о ней говорят, — которую я не пробовал, — заметил он, запираясь у себя в комнате.

Будимирский положил клочок бумаги в камин и несколько щепок-растопок, приготовленных в английском *Scuttl'e*. Когда одна из щепок хорошо разгорелась, он придушил ее, отломал кусочек угля, положил его в трубочку, раздул и на красный уголь положил маленький шарик опиума. Тогда, растянувшись на диване, он сделал первую

затяжку, от которой его чуть не стошнило, но это не обескуражило его.

«Нет, черт побери, надо испытать, как ни противно... Прошел огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы, всего попробовал, даже последователем Оскара Уайльда одно время был, а опиума не курил...» храбрился Будимирский и одну за другой втягивал в себя затяжки сладкого, приторного, снотворного дыма, синими струйками вившегося от трубочки, распространяя запах сладкий и приторный.

«Испытаем эту запретную прелесть и к делу приступим... Перевод все скажет... зачем, однако, Иза его пишет красной краской... Какая сочная она... это от желтого фона бумаги... не видал никогда такой бумаги... волнистая, точно живой муар-антик...» начинал бредить Будимирский. Глаза его посоловели... Шарик опиума весь растаял на огне, трубочка зашипела и с последней затяжкой, сделанной уже в забытьи, Будимирский выронил изо рта трубочку... Губа его отвисла, лицо побледнело и полуоткрытыми, незрячими глазами мертвеца он прямо смотрел в незавершенное окно, через которое яркий свет озарял отвратительную картину человека, переставшего мыслить, отдавшегося влиянию яда, возбуждающего в теле человека сладострастие во всей его силе, таящейся скованной условиями жизни и моралью в человеке здравомыслящем, нормальном.

Красные строчки на желтом волнующемся фоне обратились в красивые затейливые арабески, прыгавшие, менявшие место как в калейдоскопе, все скорее и скорее... Арабески плясали, точно одержимые какой-то пьяной силой, группировались, сплетались и насиловали друг друга в какой-то сладострастной фуге, под аккомпанемент не то хохота и визга, не то цыганской песни и гитары... Тело Будимирского порывалось к пляшущим арабескам, а отуманенный мозг усиливался вспомнить мотив, — мотив знакомый, очень памятный, дорогой когда-то, но ставший теперь более жгучим и острым. «Поцелуем дай забвеньи»... вдруг блеснуло в горячечной голове, и Будимирский со страшной силой схватил и обнял одну из арабесок, которая именно в этот миг чудовищно выросла и обратилась в Нину Боло-

тову, не дававшуюся в руки и дразнившую Будимирского длинным красным языком, который судорожно извивался и еще больше увеличивал желания... «Нож! Нож!» подсказывал Будимирскому его знакомый «бракоразводный» адвокат, совершенно голый, с портфелем под мышкой, танцевавший с бесчувственной Изой, закутанной в мантилью. Нож! Он был под рукой, и Будимирский глубоко вонзил его в бок Нины, и предсмертные судороги ее доставили неизъяснимое блаженство Будимирскому. Он поплыл по эфирным лазурным волнам, сладко истомленный, вдыхая незнакомые чудные ароматы, купаясь в мягком таинственном свете, наслаждаясь неземной гармонией эфирных волн... Широко, свободно вздохнул он, потянулся и обнял чье-то теплое тело.

«Кто? — думал Будимирский. — Нина? Нет, — я ее зарезал только что... Иза? Ситрева? Не догадаюсь... Раскрою глаза чуть-чуть... Проклятие...» — в объятиях своих Будимирский держал труп задушенного им лейтенанта Прокофьева... С диким криком, в холодном поту, пришел в себя Будимирский и, как сумасшедший, ничего не понимая, оглядывался, не узнавая обстановки. Он приподнялся на диване, и блуждающий взгляд его упал на футляр от трубки для опиума. — «А! — вспомнил он все. — Какое сладкое начало и какой отвратительный конец... Это оттого, что я маленькую дозу взял, нужно шарик побольше». — Шатаясь, подошел Будимирский к камину, раздул уголь и положил на него в трубочку новый «заряд», двойной...

Его теперь не тошнило уже, — он жадно втягивал в себя отраву и уже после трех больших затяжек перестал сознавать окружающее, перешел вновь в мир грез и грязи... Он несясь вперед с быстротою локомотива, мимо длинного ряда, бесконечного ряда женских тел, манивших его к себе, ловивших его и старавшихся остановить его безумный бег, но ни они остановить его не могли, ни он не мог остановиться, пока не ослабел и не упал... На самом деле упала трубка из его рта.. Он упал, и тогда эти миллионы раздетых женщин бросились на него, и началась гомерическая борьба из-за него, а он любовался их торсами, плас-

тикой и потоками крови, лившейся из этих красивых тел и затоплявшей его... Он полон был желаний, но сердцем его владел панический страх и, спасаясь от моря захлестывавшей его крови, он взбирался по трупам выше и выше, на гору громоздившихся трупов, еще двигавшихся в агонии, еще теплых, купаясь в женской дымящейся и остро пахнувшей крови, едва освобождаясь от судорожно хватавших его за ноги рук умиравших... Но вот пролетел вихрь над сражавшимися, и в ореоле неземной красоты появилась над ними грозная Ситрева, и все, боровшиеся за обладание Будимирским, признали за нею права на него... Сразу вернулись к нему силы, бодрость, энергия, и он протянул к ней руки... Она была там, высоко, на ярком облаке, свет которого слепил ее, а между ним и ею в бешеной сарабанде гирляндами переливались маленькие в цветных халатах, высоко приподнятых, босоногие гейши с мандолинами в руках... «Они или я?» спрашивала Ситрева, но она казалась ему слишком блестящей, слишком красивой, недосыгаемой, и его манило к этим точно выточенным круглым ногам с упругими икрами маленьких гейш, окружавших его и жадно смотревших ему в глаза... «Они? — спрашивала Ситрева, — да? — Бери же любую!» Но Будимирский не мог выбрать. Он чувствовал зверскую, неутолимую жажду, выхватывал из хоровода то одну, то другую, одну за другой, свертывал им головы как цыплятам, и пил их горячую кровь, испытывая адское наслаждение и жажду, жажду без конца... Но вот и «Желтая Роза»... «Довольно крови, выпей вот этого» говорит она и протягивает ему бокал с шампанским одной рукой, а другой обнимает его... Он пьет, и жажда его успокаивается, и под чарующую мелодию далекой музыки он начинает укачивать «Желтую Розу», кошечкой свернувшуюся у него на руках. «Какую гадость ты качаешь, взгляни» нарушает мелодию Иза. Будимирский взглядывает и видит на руках своих синее распухшее тело Хако... Он опять вскрикивает и приходит в себя... Стемнело уже. На этот раз забвение продолжалось долго, и Будимирский поднялся совершенно разбитый... Руки его дрожали, тело ныло, память не работала, — ему

хотелось пить и только пить. Выпив графин воды и освежившись ею, он кое-как умылся и, поборов свою слабость, вышел на террасу, не забыв, однако, хорошенько запрягать футляр с трубкой и флакон с шариками.

— Что с тобой? — воскликнула Иза, взглянув на него.

— Нездоров, простудился, должно быть... — вяло ответил он, кутаясь в пальто от свежего вечернего воздуха.

Иза повернула к его лицу рефлектор лампы и вскрикнула: — Ты опиум курил?

— Ты сошла с ума, Иза...

— Нет, я знаю... все признаки налицо... Несчастный, несчастный... Ты хочешь погубить себя...

Будимирский кисло улыбнулся, но нервная дрожь пробежала по его телу.

— Откуда бы я мог взять? — глупо оправдывался он.

— О, не лги, я докажу тебе это... Твой перевод готов...

— Какой перевод? — удивился Будимирский.

— Видишь?! Как все курильщики опиума, ты позабыл то, что происходило перед самым курением, — ты забыл *сегодня*, но ты помнишь *вчера* и раньше... Где мы были утром? Скажи...

Будимирский не мог вспомнить, но Иза убедилась уже, что не ошиблась. Она немедленно отвела его в комнату, заставила раздеться, растерла все тело его каким-то спиртом, дала ему выпить чаю с чем-то пахучим и растерла шею сзади и лопатки какою-то мазью, подействовавшей на тело как горчичник. Затем она сделала ему горячую ножную ванну, держа на голове его холодный компресс, и оставила его комнату только тогда, когда Будимирский заснул крепким, здоровым сном.

Когда-то, — давно это было, — в Периме Артур Гриффит, ее несчастный друг-англичанин, попробовал опиума и жестоко страдал потом. Пароходный доктор-англичанин быстро поднял его на ноги, и она переняла от этого доктора его способ лечения.

Утомленная и угнетенная, — надежды прошлой ночи рассеялись, как дым, — заснула и она.

ИНСТРУКЦИЯ СИТРЕВЫ. — ЕЩЕ ЖЕРТВА.

И за, плохо спавшая ночь, бледная и осунувшаяся, безучастно выслушивала утром за кофе упреки старой дуэньи по адресу Будимирского, конечно, когда появился и он, прекрасно выспавшийся, цветущий и сияющий, весело поздоровавшийся с Изою и даже отпустивший шутку в сторону старухи.

«Ну и бык», — подумала она. — Вчера, по запаху, пробиравшемуся из комнаты авантюриста в коридор, она догадалась, что он накурился опиума, а потом хлопоты и возня Изы с ним убедили старуху в ее догадке, и теперь она поражена была выносливостью этого атлета, и его сила, здоровье и красота почти завоевали старуху-дуэнью, когда-то тоже красавицу не из заурядных.

— Милая, пошли сейчас же твою «феску» в Гон-Конг узнать точно, когда ожидается пакетбот из Банкока. Потопи его, пожалуйста! — просил Будимирский, попивая кофе и съедая несметное количество маленьких пряных лепешек, печеньем которых справедливо гордилась старуха.

Иза вздрогнула, вспомнив, зачем ему этот пакетбот, но возражать Будимирскому было прежде всего бесполезно, и она вышла отдать приказание.

Осеннее утро опять было тихое и солнечное, и Иза, вернувшись с берега, позвала Будимирского на террасу.

— Друг мой, выслушай меня без возражений, — начала она сердечно и тепло. — За что ты меня так огорчил вчера, неужели ты не знаешь, что опиум, это — гибель...

Будимирский, молча улыбаясь, взял Изу, как ребенка, на руки, посадил ее к себе на колени и, глядя ее по головке, засыпал ее добрыми пустыми словами ласки, согрел ее лаской и не дал ей говорить.

Зачем ему говорить все это? Он все прекрасно знает. Он — эгоист и здоровье свое бережет... Ему нужно было попробовать только, нужно было *знать*, в чем дело, — может быть, это *знание* когда-нибудь пригодится... Она может быть покойна, — *он* никогда не будет больше курить это зелие, но... он его не выбросит, спрячет для других... «В домашнем обиходе всякая дрянь пригодится» грубо шутил он; но если такие шутки не могли успокоить Изу, — предусмотрительность Будимирского казалась ей зловещей, — ее успокаивали горячие ласки, эти лучистые черные глаза, из которых в нее переливалась какая-то сила и *животный* покой, убивающая нравственное волнение, рассеивающая думы, всю ночь и все утро тревожившие ее...

Вчера сердце ей подсказывало, что он ей изменил, а теперь она сама потянулась за его лаской...

Слабая воля покорила сильнейшей. Будимирский еще раз поцеловал Изу и сразу вызвал ее к действительности, спросив, сделала ли она вчера перевод. Она вздохнула, как бы проснувшись, и принесла ему мелко исписанный лист.

Будимирский жадно стал читать строку за строкою.

«Во имя Великого Будды, во имя всех его небесных и земных сил, во славу Востока, ради светлого будущего сынов его и на погибель Западу!

«Да будет все нижесказанное облечено глубокой тайной от всех непосвященных, да хранят эту тайну братья наши Хако и Моту, которым мы доверяем ее, и посылаем их в Европу для дела, требующего от них благоразумия, силы, твердости, хитрости и слепой преданности. Мы верим им. Да поступают они так, как великий Будда и долг повелевает им.

Преданный делу нашему и враг соотечественников своих, мудрый и сильный иноземец, имя которого бесполезно здесь упоминать, ибо оно будет изменено по нужде, но приметы которого вам, братья, известны и которого мы будем в сношениях наших называть *уполномоченным*, едет в Европу с тайной миссией, от успеха которой зависит все наше будущее. Мы доверяем ему лично безусловно, но он один и при

нем будут большие суммы денег, до которых так жадны люди Запада, и вы, никогда не выдавая себя, должны повсюду следовать за ним и невидимо, насколько это можно, хранить его личность и все, что он везет, устранять всякого рода препятствия с его пути и доносить для передачи мне на имя пекинского или тиен-тзинского японского консула о всех его успехах и неудачах. Доверяя вполне «уполномоченному», мы памятуем, однако, что он человек, мужчина западного воспитания, который ради дела, даже будучи свято предан ему, не способен побороть плоти своей и предупреждаем вас, что вы особенно зорко должны наблюдать за женщинами, с которыми он будет встречаться и немедленно устранять их решительно, раз вы увидите, что его отношения с ними грозят делу или что они оказывают влияние на него, вредное нам в каком-либо отношении.

За исполнение поручения этого братьев Хако и Моту ждет великая награда.

Ниже они найдут список наших братий, находящихся вне Китая и Японии, готовых всегда оказать помощь делу, раз она понадобится. У них же Хако и Моту могут кредитоваться, когда ими истрачена будет врученная им сумма. Шифр для сношений храните так же свято, как это напутствие.

Слава Великому Будде! Да воссияет заря Востока.

Ситрева, от имени Совета».

На подлиннике ниже подписи красовалась затейливая печать из желтого воска.

— Что и говорить, — сохранили свято! — расхохотался Будимирский. — А, впрочем, ничего нового нет, кроме списка «братий» и подтверждения моей догадки, что я теперь могу сноситься с Ситревой под именем Хако и Моту... — Спасибо, дорогая моя! — добавил авантюрист, целуя в голову Изу.

— Кто эта женщина? Когда ты мне скажешь это? — еще раз решительно приступила к нему Иза. — Два дня назад я была на волоске от смерти, должна была умереть от руки

убийцы, действовавшего по ее приказанию, и вижу, что... могу ждать того же каждый день повсюду... Должна же я знать, кто и за что преследует меня. Какому делу может нанести вред сблизившаяся с тобой женщина, — я, в данном случае? Ты должен мне это открыть!

«В самом деле, ей надо что-нибудь сказать» думал Будимирский, когда Иза горячо высказывала требование, и он быстро скомбинировал новую ложь. Он увлекся в Тиен-Тзине женщиной, не то индуской, не то китайкой, — он не знает... Красива? Да! Пожалуй... Увлечение давно прошло окончательно, но дело в том, что, увлекаясь ею, он увлекся идеей, которой она посвятила свою жизнь, — идеей, одушевляющей могучую секту, во главе которой стоит эта женщина, Ситрева... Они хотят эмансипации Востока от европейцев в действительности, и работать в этом направлении он, Будимирский, конечно, не будет, но, пока что, нужно устроить, чтобы война скорее кончилась, нужно примирить Запад с Востоком, нужно в Европе, путем прессы и всеми другими способами пропагандировать мирные, дружеские отношения к Китаю и уважение к его народу... Нужно, чтобы поскорее мир был подписан и китайцев оставили в покое, понимаешь? А там... там уж они сами будут действовать. Ну вот я взялся за это... Нужны, конечно, большие деньги прессе платить, — в Париже и Лондоне газеты прожорливы, ну... вот я и получил несколько миллионов от секты.. Само собою, что часть их останется за мой труд в мою пользу... Мы, покончив дело, прекрасно заживем...

Так, запинаясь, врал Будимирский, с первого же слова убедившийся по глазам Изы, что она не верит ему. Это его злило. Черт побери, — мог же он сказать ей, что он надул Ситреву, украл миллионы и хочет избавиться от всей этой омерзевшей ему секты.

— Ты говоришь неправду, — спокойно осадил его Иза, выслушав бессвязный рассказ. — Тебе дали другое поручение... в том, о чем ты рассказал, нет ничего таинственного, великого, грозного, о чем говорит Ситрева... Какие тут могут быть *препятствия*, устранение которых требует крови... Зачем ты хочешь убить и того, другого японца... Хако

убит не тобою и убит за меня, но тот? Ты *бежишь* от этой женщины... Никакого ее поручения ты исполнить не хочешь, а данного ею ты не в силах, вероятно, исполнить попросту... Ты взялся за него, чтобы воспользоваться миллионными, конечно... Ты обманул ее, как обманываешь меня... Ради всего святого откажись от лжи, от преступлений, верни ей деньги... Уйдем от этого... Мы сильны, здоровы, молоды, жизнь перед нами... Уйдем! Я счастье тебе дам чистое, спокойное... Заклинаю тебя!

Иза рыдала, умоляюще ломая руки перед Будимирским.

Ему было больно и противно, — совесть его молчала, но он злился, что Иза, *его* женщина, его вещь, осмеливается сомневаться в его лживом рассказе.

— Замолчи, пожалуйста... Я истерик не выношу; что за трагедия, в самом деле! Не веришь, — и не надо, — сама знаешь, что *все равно* пойдешь за мною всюду... Я тебя люблю, и доволен с тебя этого, а если ты любишь меня, то должна любить меня такого, как я есть... Ты меня не переродишь! — Будимирский так увлекся своей грубой циничной речью, что забыл решение свое... — Ну и солгал я, — так что же? Ты думаешь, легко сознаться! Изволь! Я обманул ее, — взялся для этой дуры *мир* весь перевернуть, подкупить все правительство Европы... Ха! ха! ха! Таких дур наказывать надо. У ней денег горы, — от 10 миллионов она не разорится, — не ограбил я ее, не бойся, а мы с тобою по-царски заживем. Избавлюсь от этого последнего шпиона и буду свободен как птица. Тогда святым стану, — никого не ограблю, никого не убью, — благотворить еще с тобою буду всем! Фи-лан-тро-пом буду! Да!

Цинизм его сразил Изу. Шатаясь, бледная как полотно, она молча поднялась и ушла в свою комнату, а Будимирский... стал дразнить красавца-попугая, который, сидя на веранде в большой золоченой клетке, всегда приходил в возбуждение при появлении авантюриста.

На крик попугая выбежала старуха и разразилась грозной речью, из которой Будимирский ни слова не понял,

но, увидя кулак дуэньи, плюнул, изругал ее старой кочергой и ведьмой по-русски и пошел к себе в комнату.

Он долго возился перед зеркалом, расчесывая начинавшие подрастать волосы, смазывая данной Изой мазью лицо, шею и руки, пробуя подвить кончики появляющихся усов... Он убедился, что скоро усы его станут «приличными» и хотел было заняться французским романом, когда услышал голос молочного брата Изы на веранде.

Будимирский вышел к нему и спросил, что он узнал о пакетботе. Метис кое-как объяснил ему по-английски, что пакетбот ожидается часов в 10 вечера и, получив приказание к девяти быть готовым, ушел, а Будимирский, взглянув на часы и убедившись, что Иза не выходит из своей комнаты, улегся в гамаке и заснул сном невинного младенца.

Он не обратил внимания на отсутствие Изы и, когда старуха позвала его обедать, не спросил о ней, когда вернулся с послеобеденной прогулки, и не простился с ней, уезжая на катере в море.

Минут через 40 катер был уже на рейде среди десятка других катеров и джонок, дожидавшихся почтового парохода с юга, и тихо покачивался на едва заметных волнах. Будимирский сидел в неосвещенной рубке, нетерпеливо покуривая и ожидая стимера, которого огни только показались на горизонте.

Как только «Indo-Chine» застопорил и бросил якорь, метис пристал к одному из его трапов, прикрепился и кошкой первым взобрался на палубу. Будимирский еще вчера утром, возвращаясь из Макао, дал ему инструкции, и он быстро нашел Моту в числе пассажиров, готовившихся спуститься по приглашению лодочников. Метис передал ему карточку Хако (в чемодане его Будимирский нашел их много) и просил спуститься в катер.

«Излишняя таинственность, — мог бы и сам подняться на борт» думал Моту, спускаясь с трапа и направляясь затем к рубке в ту минуту, как метис, бросивший в катер багаж японца, отвалил уже от борта парохода и полным ходом пошел в море.

— Сюда, сюда, пожалуйста, — приглашал японца Будимирский. — Я из предосторожности, которую вы поймете, не зажигал огня, но теперь можно. Здравствуйте, здравствуйте! Знаю, что вы благополучно съездили. Хако говорил мне...

Он быстро зажег стенную лампочку и любовался удивленным лицом Моту.

— Я думал...

— Вы думали встретить Хако? — Он, бедный, лежит в лихорадке в гостинице и просил меня письмом встретить вас и доставить к нему. За него не бойтесь, — дня через два он поправится...

Моту показалось все это очень подозрительным, и в сердце его закралась тревога. Он вспомнил, зачем Хако переехал в Макао, и искал связи между его болезнью и поручением Ситревы.

— Лихорадка... это странно, он никогда не болел ею, — недоумевал японец.

— Это у него от нервного потрясения, — третьего дня ему нечаянно пришлось присутствовать при скоропостижной смерти моей знакомой, — помните той, что с нами на пароходе ехала. Ну, вот, это на него и подействовало, — выпалил Будимирский.

— Какое несчастье! — воскликнул Моту и сразу успокоился, убедившись, что поручение Ситревы исполнено.

— Ну-с, — начал Будимирский, — пожалуйста ваши трофеи...

Моту молча расстегнул жилет, достал из внутреннего кармана большой конверт и передал его Будимирскому.

Тот внимательно осмотрел его печать-облатку, взрезал аккуратно ножичком край, развернул бумагу и прочел в ней следующее:

«Гон-Конгский Банк. Дирекция. Конфиденциально. Его превосходительству господину министру колоний.

В банке нашем, как известно вашему превосходительству, хранятся капиталы (свыше 20 миллионов таэлей), принадлежащие неизвестной нам секретной китайской сек-

те, все распоряжения которой подписываются условленной подписью «Ситрева». Принятие этого капитала на хранение последовало до вашему разрешению в 1897 году и с тех пор единственными операциями нашими с этим капиталом были платежи в Бирмингем за доставлявшееся в Шанхай, Таку и в Нью-Швакс огнестрельное оружие всякого рода, о чем мною вам не доносилось, так как операции эти по отношениям вашим к фирмам поставлявшим оружие, не могли быть неизвестны, но ныне я считаю долгом напомнить вашему превосходительству об этом капитале вот по какому поводу. Я был предупрежден депешей за условленной подписью о том, чтобы приготовить переводы на 10 миллионов таэлей для вручения их подателю чеков за той же подписью, миссионеру мистеру Найту, который в назначенный день прибыл из Тиен-Тзина. Переводы на европейские банки, согласно списку нижеприведенному, мы выдали мистеру Найту, но в виду настоящих политических обстоятельств и значительности суммы выдачи на цели, нам неизвестные, мы сочли долгом уведомить вас настоящим письмом, которое отправляется на пароходе, с которым отплывает в Европу и м-р Найт. Считаю долгом присовокупить, что в случае распоряжения вашего, конфисковать оставшийся здесь капитал можно так же легко, как и остановить в Европе выдачу по переводам, так как согласно распоряжению вашему капитал этот в официальных книгах банка не значится».

Следовала подпись.

Будимирский глубоко вздохнул, спрятал бумагу в карман, застегнул и взглянул на Моту. Стоя спиной к нему, японец смотрел в окно рубки на видневшиеся вдали огоньки Макао. Будимирский взглянул в окна налево и направо и решил, что откладывать нечего... Подойдя на шаг и размахнувшись с страшной силой, опустил кулак на голову японца... Моту упал, как подкошенный, не издав ни звука... Убийца легко приподнял его и обеими руками, как клещами, сдавил его шею... «Так вернее будет» думал он, стиснув зубы и закрыв глаза... Он держал так жертву свою минут пять, пока не почувствовал, что тело Моту холодеет

под его пальцами. Тогда он положил убитого на диван, обыскал и вынул все, что было в его карманах, а затем вынес тело из рубки и толкнул его за борт.

Метис видел это. — Second (второй?)— спросил он, ухмыляясь, Будимирского.

— Yes! — ответил авантюрист и, зная преданность метиса его молочной сестре, добавил: — Now miss Iza is revenged! *

«Свободен, свободен, свободен» думал убийца. Ни малейшей тревоги в окаменевшем сердце его не было; ему казалось, что все ему улыбается, что впереди его светлая, спокойная дорога к счастью, как он называл комфорт, богатство и широкую разгульную жизнь...

ХІІІ.

В ЕВРОПУ! — ГРАНДИОЗНОЕ ПАРИ.

Утро вечера мудренее, — говорил Будимирский на другой день утром за кофе Изе, бледной, но спокойной и решительной, много передумавшей за ночь и на чем-то остановившейся.

Метис уже был готов и ждал приказаний на веранде. Будимирский, недолго думая, написал следующую депешу японскому консулу в Тиен-Тзине: «Размолвка кончилась, все препятствия к нашему браку вами теперь устранены. Чудная женщина вами присланная, примирила нас, затем отправилась на родину кончить денежные расчеты и исполнить долг, — поклониться предкам на их могилах. Управляющего донесение получено, уничтожено дождем только несколько слов. Завтра мы едем в храм. Дальше что бу-

---

* Теперь барышня Иза отомщена.

дет, не знаем. И ждем ваших отеческих приказаний. Брат едет в Лондон учиться. Сообщаю имя вашего должника Дюбуа».

— Прочти! — передал он написанное Изе.

— Ничего не понимаю, ерунда какая-то! — ответила она, прочтя телеграмму от слова до слова.

— Наложить этот трафарет, — предложил Будимирский.

Иза покрыла депешу трафаретом, найденным в чемодане Хако. Большинство слов покрылось, а в вырезанных квадратах оставались лишь следующие:

«Препятствия устранены, женщина отправилась к предкам, донесение уничтожено, едем дальше, ждем приказаний. Лондон имя Дюбуа».

Иза поняла, но не разделяла радости Будимирского.

— Понимаешь? Я теперь буду все знать, что они там предпринимают, буду держать их в руках своих и буду совершенно безопасен.

— И будешь лгать и лгать... Когда же это прекратится?

— Очень скоро, милая моя. Когда в Париже и Лондоне я получу свои деньги и умело помещу их, я успокоюсь, стану не Дюбуа, а каким-нибудь южно-американским или польским миллионером и заживу как владетельный князь со своею княгиней...

Будимирский потянулся к Изе.

— Которую ты променяешь на первую встречную... гейшу или кокетку парижскую...

Авантюрист побледнел, но быстро пришел в себя и, горячо целуя Изу, прошептал: — Ревнуешь? Значит любишь... Нет, я не изменю тебе никогда, увидишь...

Зная цену его обещаниям, Иза вздохнула только.

— Ты в самом деле думаешь ехать?

— Да. Скажи феске твоей, чтобы она справилась, когда уходит первый французский пароход...

— А если завтра?

— Ну тогда завтра и отправимся, — что тебя удерживает? Сборы не велики. Возьми белье да два платья, — там все будет...

— А если я не поеду?

— Ты? — Будимирский пристально взглянул ей в глаза и раздельно произнес, не спуская с нее глаз: — Ты по-е-дешь...

Веки ее вздрогнули, а по всему телу пробежала дрожь...

— Я пошутила, — со вздохом прошептала она.

Будимирский точно предчувствовал. Вернувшийся к обеду метис принес квитанцию с телеграфа и известие, что «Indo-Chine» отправляется с рейда дополнительным против расписания рейсом сегодня в 10 ч. вечера.

— Ну, что же, укладывайся с Богом, — радостно воскликнул Будимирский.

От такой неожиданности вся решительность Изы сразу упала... Она ухватила за последнюю соломинку. — А как же усы твои, — спросила она, — ты же говорил, что не вые-дешь, пока они не подрастут?

— Немного подросли уже и потом... я первую неделю на пароходе не буду выходить из каюты, сядем же мы на стимер ночью... Хочу выехать поскорей; мне климат здешний нездоров, — улыбнулся Будимирский и добавил: — в доро-гу, в дорогу, укладывайся!

Ему самому уложиться слишком легко было, в чемодан покойного Найта нужно было сложить лишь несколько пар белья да драгоценную для него серию всякого рода чужих и фальшивых документов, самые сокровенные из которых пошли, однако, не в чемодан, а в «черед» с чеками и крупными банковыми билетами. Что касается костюма, то он довольствовался тем, что на нем, — путь лежит сперва к югу, недели 2-3 они пройдут под тропиками. Даже и в Сайгоне, Сингапуре или Коломбо он купит себе, что нужно, в Бриндизи же, выйдя на европейский берег, оденется позимнему — будет уже декабрь месяц.

Словом, авантюрист, по обыкновению, не задумывался и готовился к четырехнедельному плаванию, как к загородной прогулке.

В свою очередь Иза шла, куда влек ее фатум, предопределение или приказание старцев-махатмов... Ей все равно было, и она молча наблюдала, как старуха-кормилица ее, плача и причитая, укладывала ее платья и белье в чемода-

ны... Не суждено ей пожить с Изой, которой она мать заменяла... не суждено... То с отцом по морям рыскала, потом с... мужьями... Два раза лишь здесь, на родине, побывала, да и то теперь не пожила, а так только заглянула, чтобы показать ей, старухе, какого молодца выудила где-то... Не одобровать с ним Изе... ее старое сердце чувствует. Злодей он, — всего от него ждать можно и если он еще не убил никого, то убьет... Глаза такие... Отпустила бы его Иза на все четыре стороны да зажила бы в отцовском домике, а то... вон третьего дня, когда Иза в городе была, приезжал дон Андреа, — прямо говорил: женился бы. И что лучше: умен, пригож, богат, — второй игорный дом открывает и орден уже португальский имеет, — настоящий *caballero*...

А Иза, ни слова не слыша из этих речей, вперив глаза в одну точку, галлюцинировала...

Перед ней высилась крутая каменная стена, колоссальная скала, поднимающаяся в далекую высь, блестящая, залитая горячим солнцем, а сзади ее та же скала падала в бездонную пропасть, из которой едва-едва доносился шум бешеного потока... Она стояла на дорожке, пробитой по щеке скалы, — дорожке, по которой только человек и мог пройти, перед входом в пещеру, стояла на коленях, умоляя разрешить ей войти в эту пещеру, уйти от мира, посвятить себя великой науке, очищению, приготовлению к вечной будущей жизни... Мольбы ее были тщетны... Старец, не выходя из пещеры, жестом отстранял ее и качал головой, как бы говоря: «Не время еще»...

— Учитель! Ради Всесильного, скажи мне одно лишь — настанет ли для меня это время, — воскликнула Иза полным голосом, и голова старца качнула утвердительно.

— Что ты, что с тобой, дитяtko мое? — перепугалась старуха дуэнья.

— Ничего, ничего, милая, привиделось, — ободрила ее Иза, сразу успокоенная, обрадованная ответом. Она знала, что ей не привиделось, что, оставаясь здесь, она была там своим астральным телом, — она еще ощущала жар раскаленной солнцем скалы, чувствовала прохладу, веявшую из пещеры, аромат диких цветов, вившихся на скале... Но спо-

койствие ее было минутное, — она поняла, что делает старуха, вспомнила Будимирского, кровь, предстоящее ей неизвестное, быть может, гнусное, отвратительное будущее, и снова на нее столбняк напал и снова она, бросив окружающее, перенеслась туда... Теперь она стояла с другой стороны скалы, в священной роще, у дверей маленького грубо сложенного из камней храма, перед тем же старцем с омертвевшим лицом аскета, на котором огнями горели глаза лишь...

— Ты знаешь, как я страдаю, — молила она его, — ты знаешь, что я вынесла и что еще вынесу, покорная воле судьбы. Ты успокоил меня, сказав, что я вернусь сюда, но окрыли же мою надежду на эту уверенность, скажи еще мне, доверши милость твою, — скажи, *скоро ли* я вернусь сюда, долго ли мне еще страдать. Ты можешь это, и от знания этой тайны будущего моя покорность не изменится... Подыми завесу эту...

Старец опустил голову, долго молча смотрел в землю, долго смотрел потом в глаза вопрошавшей и ответил:

— В этой твоей жажде возвращения сюда уже таится непокорность, ропот... но да простится тебе это за страдания твои. Я отвечу тебе на вопрос и отвечу больше, чем ждешь ты... Через 9 лун ты будешь здесь, но недолго пробудешь с нами и снова уйдешь в мир, на этот раз ради славных подвигов, благородной жизни...

— Но совсем, совсем когда я буду с вами, когда вернусь к вам, чтобы навеки остаться и приобщиться истине...

Иза не кончила: образ старика, храм, роща, ярко-голубое небо точно растаяли пред ней... Она опять сидела с руками, сложенными на коленях перед старухой, возившейся с бельем...

— На этот раз ради славных подвигов, благородной жизни... В ожидании духовного вечного блаженства это лучше, чем настоящая, противная Богу и людям жизнь... Будем верить и ждать...

Она встряхнулась и деловым тоном заговорила с кормилицей, погладила ее по голове и подарила ей минуту счастья, сказав, что, где бы она ни была, она будет помнить о

ней и еще вернется, еще увидит ее, что еще будут ясные дни...

Когда вечером, совсем уложившись, она сошлась с Будимирским на веранде, то вид его вызвал в ней одну лишь мысль: «Недолго мне с тобою быть»... Эта мысль неотвязно стояла в головке ее и во время долгого переезда по заливу до рейда, на котором под парами стоял готовый к отплытию «Indo-Chine», и в ту минуту, когда, нахлобучив сомбреро на глаза и закутав нижнюю часть лица, Будимирский пробирался по трапу на палубу, а оттуда в каюту, предоставив Изе все хлопоты с кассиром и прислугою кабины... По заранее установленному согласию, Иза заняла очень удобное отделение из трех кают, — две крайние являлись салонами Изы и Будимирского, средняя же их общей спальней, дверь из которой в коридор была заперта наглухо. Этот неоценимый в дальнем путешествии комфорт стоил им «положительные пустяки», по словам авантюриста, 4800 франков, и среди пароходной прислуги сразу поставил его на положение странствующего Креза, который скоро заинтриговал и все прочее разнообразное население пакетбота. Уже на другой день за lunch'ом два американца, отправлявшиеся в Коломбо, увидя красавицу Изу и узнав, что «муж» ее болен, поддержали крупное пари о том, кто ее муж... Ботльбридж, типичный янки, владелец чайной плантации на Цейлоне, утверждал, что муж красавицы должен быть стариком и северянином, которые так падки до южной женской красоты, компаньон же его, Дик Лантри, еще молодой человек, уверял, что у такой красавицы и муж молодой и красивый. Ботльбридж, немедля после lunch'a, представился Изе и, обрадованный тем, что она свободно говорить по-английски, наговорив ей грубоватых, но искренних комплиментов, прямо и откровенно заявил, что держит с приятелем своим Лантри такое-то пари, вследствие чего они покорнейше просят очаровательную мистрис вплоть до того момента, когда супруг ее выздоровеет и покажется в каюте-компании, не проболтаться никому ни об его имени, ни о возрасте... Иза, улыбаясь, согласилась, прежде всего потому, что любила грубых, но

искренних американцев, и Ботльбридж, потребовав дюжину шампанского, предложил всему обществу выпить «за здоровье больного джентльмена, супруга прекрасной путешественницы, имя и возраст которого останется тайной для всех до момента его выздоровления, благодаря чему однообразие путешествия может быть рассеяно интересным пари»... Раздались «ура!» и «hipp! hipp!», и не прошло полчаса, как в пари участвовало все население первого класса, причем букмекером избрана была сама Иза. Ей вручена была книжечка, куда она внесла несколько десятков фамилий со ставками под рубрики — «старый» и «молодой»... Весть проникла вскоре и во второй класс, а затем и третий, и к обеду, к 7 часам вечера, у Изы в книжечке записано было ставок в общем, на сумму до 125 тысяч франков... Население «Indo-Chine» разделилось на «старых» и «молодых», причем первые относились ко вторым, как 7 к 3-м. Еще сейчас же после речи своей Ботльбридж с Лантри, как противники и инициаторы пари, вместе с заразительно хохотавшим старшим помощником капитана, хохотавшим, но тоже записавшимся в число «молодых», в сумме 100 франков, спустились вниз и, потребовав горничную, лакея и *sommelier**, которые должны были служить в каютах №№ 7, 8 и 9, заявили им, что все они по выздоровлении «больного джентльмена» получают по 1000 франков, если... никому из пассажиров не выдадут каких бы то ни было сведений об этом джентльмене. Помощник же капитана добавил им, что в противном случае они будут расчитаны в первом же порте. «Противный же этот случай будет нам известен, ибо мы организуем за вами наблюдение» заключил Ботльбридж.

И горничная и лакей, южане из Марселя, весело хохотали, находя это «*gigolo*» и по-американски и, конечно, клялись, что никому не выдадут, какого цвета борода «*de se ravuige malade*»... Еще пуще хохотал Будимирский, узнав от Изы о том, какое оживление внес он своей особой в монотонную жизнь парохода. «Вот черти», думал он, «с таким

---

* Лакей, исключительно заведывающий бельем и вином.

народом жить можно. Жаль, что мне теперь денег не надо, а то бы я сам за себя сыграл бы и обыграл всех... А впро- чем... не устроить ли им штуку»... В голове его зароилась мысль, как бы подшутить над игроками, и вскоре разрабо- талась *штука*, конечно, подлая...

Три первые дня пути до Сайгона Иза мало видела даже Будимирского — он зачитывался с утра до ночи приноси- мыми ею английскими французскими книгами из пароход- ной библиотеки и раз по десяти в день рассматривал в зер- кале, когда, наконец, усы его перестанут иметь вид отпу- щенных после бритья, а Иза целые дни проводила в сало- не и на палубах, всегда окруженная космополитическим обществом пароходов дальнего плавания, — обществом в большинстве милым, воспитанным, окружавшим ее особым вниманием и как красавицу и как жену «больного джентль- мена», возраст которого всех волновал. Игра все время про- должалась, но котировка колебалась слабо; только перед самым Сайгоном «стариков» было 8 против 3-х «моло- дых», потому что в разговоре с кем-то Иза шутя пробол- талась о том, что она «в третий раз замужем», из чего было выведено заключение некоторыми, что «больной джентль- мен», должен быть стариком, — молодой не женится на вдове от 2-х мужей, во всяком случае шансы за «старика» увеличились.

«Кому дать выиграть, — думал в это время Будимирский, — я там никого не знаю... Да, черт бери... в Сайгоне сядят- ся, конечно, французы, на Сингапуре, *конечно*, англича- не... дам выиграть французам».

На четвертый день, рано утром, в Сайгоне действительно село несколько французов, между которыми был коммивоя- жер богатой марсельской фирмы, Рауль Бониве. За первым завтраком уже он посвящен был в разыгравшееся на паро- ходе пари и на предложение англичанина-соседа записать- ся, стал расспрашивать подробнее о «больном джентльме- не»...

В разговоре англичанин назвал больного «пассажиром каюты № 9», и в голове Бониве как молния мелькнуло воспоминание... Ему дана была каюта № 12, — он шел по

коридору за лакеем, несшим его чемодан и сак и, не доходя до его каюты двери за три-четыре, да, наверное это был № 9, дверь этой каюты как раз в ту минуту, когда Бониве с ней поравнялся чуть-чуть, на одно мгновение открылась, и Бониве прекрасно мог заметить высокого брюнета лет 30-35 не больше, с небольшими усами, и довольно гладко остриженными волосами... Сердце Бониве сильно забилося.. холодный пот выступил на лбу... Очевидно, он один видел этого «больного джентльмена»... Выигрыш обеспечен, но... честно ли это будет?..

— Не сейчас... я подумаю, — ответил он соседу и, наскоро покончив с завтраком, сбежал вниз... Да, наверное он видел пассажира каюты № 9, — вот она — эта дверь, он не ошибся... Нестройная туча мыслей зароилась в его голове... «Пари крупное, 8 “стариков” против 3 “молодых”, — он может выиграть очень крупную сумму... Он ничем не рискует, поставив и 200 и 300 тысяч франков... американцы и англичане ответят... Кто же узнает? Он зарабатывает, правда, 12 тысяч франков в год, но от расходов едва остается шесть, а у него семья на шее... невеста ждет... надо ждать еще года три.. а тут... чем же это будет нечестно? Это счастье и только... Нет, — это игра наверняка... А если нет? Если он ошибся? Тогда... тогда он заплатит теми деньгами фирмы, чеки на которые везет... Там триста тысяч... Затем тюрьма, позор... Нет, нет, он не ошибся...»

После lunch'a он представился Изе, попросил ее карнет и, улыбаясь, дрожащей рукой вписал там под рубрикой «молодые» свою фамилию, а против нее... 100.000 франков...

Сенсация в салоне была полная; через минуту она перешла во 2-ой класс, через пять минут об этой ставке знали все до последнего кочегара на «Indo-Chine».

Будимирский хохотал как сумасшедший, когда Иза пришла ему рассказать о крупной ставке.

«Подождите, — не то еще будет» думал он.

ПОБЕДА «МОЛОДЫХ». — В ЕВРОПЕ.

Импровизированная «биржа» на «Indo-Chine» все более и более оживлялась и акции «молодых» крепились... 100.000 франков, записанные коммивояжером из Марселя, сделали свое дело: не принимавшие участия в пари отваживались на ставки более или менее крупные, а уже сделавшие таковые — увеличили их.

Какой-то молодой немчик, внимательно следивший за тем, какие книги из пароходной библиотеки Иза носит своему «мужу», накануне остановки у Сингапура, прочел после обеда целую лекцию «о возрасте и литературных вкусах» и, в заключение, убежденный в том, что «больной джентльмен» — старик, увеличил вдвое свою ставку.

Коммивояжер, видевший Будимирского и уже перетерпевший волнения совести, только улыбался, слушая речь немчика, а молодой коммерсант-янки, инициатор пари, стоявший во главе «молодых», с каждым днем все более и более и привязывался и увлекался Изой и в тихие звездные ночи, которыми отличалось в эти дни Южно-Китайское море, целые часы проводил с нею на палубе, куря в *rocking-chair* и молча любуясь чудным профилем Изы, до тех пор, пока склянки били 11 часов...

— Молодой ваш муж или старей, он должен быть отличный человек, раз вы его жена и, следовательно, он меня поймет и мы будем с вами друзьями, — не правда ли? — спрашивал он Изу.

— Это тем более легко, что вы плантаторствуете на Цейлоне, а мы... едем в Париж, — улыбнулась Иза.

— О! расстояние здесь не играет никакой роли, сегодня я в Коломбо, а через месяц в Париже, все мы, американцы,

немного globe-trotters'ы. Время — это неприятно, а расстояние — пустяки,— уверял плантатор.

В ночь перед остановкою у Сингапура, британской колонии, часа в 2 пополудни Будимирский, все время читавший, поднялся, перешел в свою кабину и оделся. Он нахлобучил на голову шляпу, плотно обвязал лицо до самых глаз темным кашне и осторожно вышел на палубу, никем не замеченный; население стимера спало сладким сном. Будимирский выполз на свет Божий не для того, конечно, чтобы любоваться звездною ночью, он прямо направился к машинному люку с вполне определенной целью... Гигантские стальные рычаги то подымались, то опускались ритмически, производя глухой однообразный шум, — в глубине машины ни кочегаров ни машинистов не было видно, у трапа, у камбуза тоже никого не было и только сквозь переплет вант и решетку площадки видны были четыре ноги рулевых да две ноги шагнувшего вахтенного... Будимирский недолго искал, что ему нужно было... На выступях стальной рамы громадного люка, в двух углах ее стояли лейки с маслом и в железных коробах лежали две кучи белой мягкой пакли, которой, промаслив ее, кочегары чистят машину... Еще раз оглядевшись, Будимирский вытащил из ближайшего короба пук пакли фунта в три весу, сунул ее под камзол свой и так же незаметно возвратился в свою каюту, лукаво ухмыляясь.

Еще юношей, приезжая на праздники в деревню к родным своим, Будимирский с соседней молодежью устраивал домашние спектакли и хорошо помнил еще, как бывший крепостной парикмахер устраивал для «артистов» парики и бороды из пакли для стариков и волос Пашек и Дунк, с удовольствием их продававших, для молодых «сюжетов». В каюте у Будимирского уже были приготовлены и тесемки, которые он попросту оторвал у юбки Изы, и липкий пластырь, и иголки, и нитки, и к утру у него были готовы и большая борода и парик... Он спрятал их в чемодан и заснул.

На другой день вечером авантюрист проделал задуманную им комедию. Когда после остановки на рейде, к «Indo-

Chine» стали подъезжать лодки с новыми пассажирами, Будимирский по костюму узнал в пассажирах одной из них англичан-коммерсантов, которые, наверное, займут кабины в первом классе и обязательно пройдут по коридору мимо его каюты, так как №№ от 1 до 14 все были заняты уже. Надев парик и бороду, он чуть приотворил дверь и дав пройти носильщику с вещами, вдруг открыл дверь перед стариком-англичанином и моментально захлопнул ее. Это все произошло так быстро, что носильщик не мог ничего заметить, а новый пассажир, которого чуть не ударили по носу дверью, наоборот, не мог не заметить в полумраке коридора на светлом фоне отворившейся двери старика с большой бородой и копной седых волос на голове...

План Будимирского удался великолепно. Утром, после breakfast'a, Иза быстро спустилась к нему в каюту, чтобы рассказать, какое волнение царит в кают-компании. Новый пассажир, старик-англичанин, фабрикант знаменитых консервов из ананасов Сингапура, узнав о пари относительно возраста «больного джентльмена» каюты № 9, которого еще *никто не видел*, после некоторого колебания, поставил 20.000 фунтов на «старого»...

Будимирский хохотал как безумный и, взяв карнет у Изы, рассчитал, что если не будет новых перемен, француз коммивояжер возьмет до полумиллиона франков, так как число ставок за «старика» значительно превышало таких же за «молодого» и в 2 1/2 раза превосходило их сумму. В Сингапуре Иза спускалась на берег и по поручению Будимирского купила ему полный тропический костюм из белого шелка, — становилось жарко.

Прошел еще день. Стимер обогнул Ачинский мыс и, миновав Никобарские острова, вступил в Индийский океан, а на третий день вечером был уже в виду Коломбо, где должны были высадиться американцы — инициаторы пари.

Уже в Сингапуре Иза объявила, что мужу ее много лучше, а утром перед Коломбо она обрадовала всех вестью, что завтра он выйдет к breakfast'у в кают-компанию. Стимер должен был простоять сутки в Коломбо, и американцы остались ночевать на «Indo-Chine»... Каждый день, экзамено-

вавший свое лицо в зеркале, Будимирский был теперь доволен им: краска Изы, казалось, навеки въелась в кожу, усы выросли весьма основательные, — не прежние казацкие, конечно, но такие, все-таки, что никто бы не мог сказать, что четыре недели назад они были сбриты. Будимирский их артистически подвивал и встрепывал, и в этом смуглом джентльмене с усами парижанина и бобриком выстриженной головой, никто не мог узнать ни Будимирского, ни мистера Найта, — это был типичный колонист французского происхождения с островов Атлантического океана, жизнерадостный, энергичный субъект, веселый собеседник, превосходный собутыльник, — таким он сразу показался всем пассажирам первого класса «Indo-Chine» в то памятное утро, когда в 8 часов, под руку с Изой, он показался в кают-компании и, улыбаясь, отдал общий поклон обществу, ожидавшему его с таким нетерпением.

Раздалась целая буря восклицаний радостных, скорбных, веселых, злых, отчаянных: «Donner-Wetter! Ça y est! Indeed! Sarpisti! Carrambo! Dammed!» Молодой американец Лантри бросился навстречу и, не ожидая представления, обнимал Будимирского-Дюбуа, точно родного, и приказывал лакеям подать дюжину шампанского, несмотря на ранний час... Сердце Рауля Бониве билось как птица в клетке, и он, смущенный, растерянный, глупо улыбаясь, оглядывался, повторяя: «Ça y est! Ça y est!» и смутно сознавая, что он выиграл до полумиллиона франков, совесть его не мучила уже... Старик Ботльбридж, проигравший солидную сумму, спокойнее всех рассматривал Будимирского и Изу и соображал лишь, на чем может отыгаться, на что и на кого он должен накинуть, чтоб вернуть свои 5000 фунтов... У немчика, читавшего лекцию «О возрасте и литературных вкусах», похолодели конечности, он с грустью думал о своей Амальхен: о том, что все, что он заработал в качестве поверенного фирмы, сделавшей крупную поставку международной армии в Печили, вместе со взяткой, полученной от немца же интенданта, — все он потерял ни за что... Он давал себе клятву никогда не держать пари: первый раз в жизни рискнул — и разорился...

«Dammed!» — проклинал про себя Будимирского севший на Сингапуре фабрикант консервов из ананасов, — в первую минуту, когда Будимирский сделал свой торжественный выход с Изой, он не понял устроенной ему овации, ибо *уверен* был встретить старика с большой бородой и копной волос на голове, но не прошло и двух минут, как он понял, что это и есть «больной джентльмен». А тот старик? Или то было видение? Черт побери, это *видение* ему обошлось в 20.000 фунтов. Он их заплатит и... вернется с первым обратным стимером на Сингапур, ибо ему больше незачем и не с чем ехать в Европу. Он поставил *все*, ибо играл *навверняка*, и вот он наказан. Scoundrel! Да, этот веселый джентльмен — мошенник, очевидно. Он — фабрикант уверен, что в каюте № 9 видел старика, он справился потом и убедился, что другого такого старика и на пароходе не было... Заявить, однако, нельзя, это будет признанием, что он, известный и почтенный коммерсант пытался навверняка обыграть других... Он опозорит себя... Но если доказать, что этот мошенник *сам* участвовал в пари, тогда можно не заплатить... Кто выиграл, *через кого* он выиграл? Минутного дознания достаточно было, чтобы фабрикант убедился в нелепости этой его идеи: главные выигрыши выпали на долю плантатора Лантри, которого он прекрасно и давно знал, и Рауля Бониве, которого знали все коммерсанты Коломбо, Сингапура, Явы и Сайгона, вот несколько лет; остальные выигрыши были ничтожны; словом, заподозрить мистера Дюбуа в соучастии с выигравшими было немислимо, а между тем этот *dammed* креол надул его, — несомненно. Фабрикант консервов бесполезно ломал голову, нужно было платить и возвращаться во свояси, опять эксплуатировать свободных рабов китайцев и малайцев, опять жариться под тропическим солнцем, мечтая о своем старом клубе в Pall Mall, которого он не видел пять лет и не скоро у видит теперь.

Из 2-го класса явилась депутация выигравших тоже с французом во главе, который и поздравил джентльмена с выздоровлением, а на палубе через час Будимирскому устроена была овация счастливыми 3-го класса.

На пароходе царило оживление все утро, пока главные участники пари не вынуждены были съехать на берег для производства расчета, так как Ботльбриджу и фабриканту консервов нужно было разменять чеки.

Молодой Лантри, согласившийся получить от Ботльбриджа всю сумму паями в его предприятии, в котором давно хотел принять участие, был вдвойне счастлив, чувствуя, что впервые влюблен настоящим образом и видя, что Иза, хотя и не отвечала ему, в высшей степени любезна с ним и добра к нему. Он прощался с ней так нежно, так откровенно высказывал свое обожание, что Будимирский вслух посомневался даже, что он американец... «О! То чувство, которое меня одушевляет, свойственно всем людям, здесь я просто человек!» восхищался он и упорно повторял, целуя ручки Изы, «до свидания», на ее сердечное «прощайте»...

В Коломбо состав пассажиров несколько изменился и царившее на «Indo-Chine» возбуждение улеглось и вскоре заменилось угнетенным состоянием, благодаря нестерпимой жаре и двум циклонам, обрушившимся на Индийское море при переходе Коломбо-Аден. В Красном море жара и духота были еще тягостнее, если бы не Будимирский, — пассажиры первого класса, кажется, умерли бы от тоски и уныния. Он сделался поистине душою общества, с англичанами он пил как англичанин и играл в покер, с немцами вел философские беседы, поражая их своими грубыми афоризмами и парадоксами, не всегда умными, но всегда смешными; с французами он горячо восторгался «родным» Парижем и пел шансонетки не хуже Полюса, у которого в свое время в его Chat noire проводил ночи напролет; с итальянцами и испанцами, иногда пользуясь Бониве как переводчиком, он вел нескончаемые беседы «о женщинах», — беседы, в которых, конечно, принимали горячее участие и французы.

Счастливый Бониве не отходил от monsieur Duboy, он был в него влюблен, он был полубогом для француза, которому отныне не зачем было продолжать свою деятельность коммивояжера. О, нет! Благодаря Дюбуа, он откроет сам фабрику, он купит замок, он немедленно женится, он

на первых же выборах будет баллотироваться и, конечно, будет избран депутатом... А там... кто знает,— министром, президентом... Это так хорошо звучит: «*President de la Republique Francais Raoul de Bonnivet...*» Частицу *de*, конечно, можно прибавить, имея состояние в полмиллиона. И всем этим он обязан *monsieur Duboy*... О, если бы он знал, чем он может отслужить ему... Ничем, — он знает. Но он надеется, что *monsieur Duboy* не откажется принять от него хлеб-соль в Марсели...

Напрасно Будимирский отказывался своим решением высадиться в Бриндизи, отсутствием подходящего костюма, которого он решил не делать раньше Лондона, где его ждут дела, Бониве не только вырвал у него согласие, но... снял мерку с него и протелеграфировал ее из Суэца лучшему портному в Марсели, уверяя, что к приходу «*Indo-Chine*», к утру, все будет готово, *monsieur Duboy* с его «очаровательной супругой» проведут день в кругу семьи и друзей Бониве, а вечером с экспрессом отправятся через Париж и Лондон. Бониве телеграммой же сообщил родным и невесте о том, что неожиданно возвращается богатым человеком, сообщил и причину внезапного обогащения и приказал устроить в такой-то день великолепный банкет в «*Café de la Paix*» на Каннебьере, приготовить роскошный букет для *madame Duboy* и т. д.

В Суэце, перед входом в Средиземное море, Будимирскому еще раз пришлось переодеться по сезону: стоял чудный ноябрь, и плавание вплоть до Бриндизи не было нарушено ни бурей, ни даже свежим ветром.

Только когда «*Indo-Chine*» обогнул Сардинию и переменил курс прямо на Марсель, задул испанский муссон, и стимер сильно потрепало.

В Марсели на пристани друзья и родные Бониве устроили ему и Будимирскому царскую встречу с букетами, шампанским и речами и уличные *badauds* недоумевали, какой такой министр или знатный иностранец *touche le sol de France* с такой помпой.

Триумфатор Будимирский был счастлив и доволен собою выше меры, но Иза расставалась с «*Indo-Chine*» грустная,

задумчивая, — здесь больше трех недель она не знала горя, Будимирский не пил до безобразия, ничья кровь не была пролита, она была окружена славными, симпатичными людьми... Что ждет ее впереди? Еще «восемь лун» осталось ей быть спутницей в жизни этого злодея, к которому приковала ее судьба...

В лучшей марсельской гостинице они отдохнули, переоделись (фрак и все прочее действительно были готовы для Будимирского), а в 2 часа он в качестве виновника торжества входил в «Café de la Paix», где речи и вино лились рекой до вечера, — Бониве все сумел сделать *en grand*, а невеста его, скромная девушка, миловидная Жанет Кузен, очень полюбила Изе.

В 9 часов вечера они уже мчались в экспрессе. Ночью мелькнул Лион, Макон, Дижон, утром они пили кофе в Париже, пересели в Nord-express, перед вечером переправились через покойный Ла-Манш и около 10 часов вечера легкой хендсом-кэб вез их по окутанному туманом Лондону на Нортумберланд-Стрит, в роскошный и монументальный «Continental-Hotel»...

XV.

НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕХ ГРЕЗ. — ТРИЛЬБИ.

*Ш*вейцар монументального отеля даже не поднялся открыть дверь при виде одинокого хендсома с двумя седоками, двумя чемоданами и саками.

По телеграфу ни для кого номера не были заняты, — Будимирский упустил из виду эту необходимость, и знатных путешественников нельзя было предполагать в этой

скромно явившейся на хендсоме чете. Два boy'я подхватили легонькие чемоданы и свертки Изы и Будимирского и внесли за ними в вестибюль, где другие воу'и, помощники швейцара, лакеи и клерки из бюро с любопытством осматривали иностранцев, очевидно, ошибшихся адресом, — им нужно было куда-нибудь в Boarding House ехать, туда, в дешевые кварталы, за Оксфорд-Стрит. Будимирский их всех поразил.

— Manager, please! — громко потребовал он управляющего.

— Он в бюро, — ответил один из boy'ов.

— Так что ж вы думаете, что я за ним пойду? Крикните его сюда, да поскорее, — приказал Будимирский, а сам, предложив руку Изе, прошел в Reading Room, громадную залитую электрическим светом читальную залу, где за простынями-газетами дремало два-три янки, запоздавшие в театр, не знавшие, как убить время, и не имевшие своего клуба.

Импонирующий тон Будимирского подействовал, и через минуту перед ним стоял «манаджер», солидный джентльмен, который прекрасно сошел бы за директора департамента. Развалясь на диване, Будимирский, говоря с ним, заставил его стоять перед собой все время... Управляющий покраснел до корней волос, но... приказания, которые он слышал, были такого рода, что он постарался скрыть свою краску усиленными поклонами... Приехавшему из колоний джентльмену нужен был апартамент, floor, в бельэтаже, в четыре-пять комнат, особая прислуга мужская и женская от отеля, независимо от которой джентльмен просить manager'а, как человека опытного, подыскать ему хорошего выездного для него и грума для барыни, которые поедут с ними на континент через несколько дней. Две кареты, приличные вполне, должны быть с утра готовы. Если можно, — поставить в спальную несгораемый денежный шкаф. Ужин, который он закажет, подать наверх. Вместе с этим прислать адреса всех лучших поставщиков...

— Ведите, — закончил Будимирский, подымаясь.

В вестибюле армия прислуги на сей раз встретила глубокими поклонами Будимирского, перед которым вприпрыжку бежал управляющий. Предложенный авантюристу апартамент был настоящим уголком королевского дворца, и Будимирский только головой кивнул, услышав, что посуточно он ходит по 15 фунтов... Наутро обещана была и каска.

Через полчаса Будимирский, хорошо поужинав и выпив, занялся выпиской адресов мужского и дамского портного, каретника, ювелиров, поставщика белья и т. д. и т. д., а Иза, уставшая и с недоумением приглядывавшаяся к незнакомой ей английской отельной обстановке, с наслаждением улеглась в согретую специальной грелкой руками опытной maid кровать, в спальне, освещенной ярким пламенем камина. На новом месте, осаждаемый тучами мыслей, Будимирский не скоро заснул, — ему нужно было многое обдумать, приступая к реализации тех грез, ради которых он не остановился пред целым рядом преступлений...

Поздно заснувший Будимирский, однако, рано проснулся, бодрый и свежий, и горячо поцеловал тоже не спавшую Изу.

— Ну, здравствуй, царица моя! У пристани мы, а?

— Не знаю...

— У пристани, у пристани, моя красавица... не бойся... То, что тебя мучило до сих пор, не повторится, довольно. Теперь у тебя одна забота — придумать и сделать подходящую оправу для моего брильянта. Я тебе в этом сейчас помогу... — Он еще раз поцеловал ее, оделся, позвонил, приказал подавать breakfast и позвать, или manager'a, или клерка «поумнее».

Пришел сам управляющий, и мистер Дюбуа приказал ему немедленно предложить закройщице Редферна явиться сюда за заказом, за образцами и рисунками.

— Кстати и мне портной нужен, — но портные high life'a не публикуются, знаю, им клиентов искать не приходится, а я в Лондоне давно не бывал, — вы знаете кого-нибудь?

— Пуль с Гровенор Сквера, портной принца Уэльского, должен удовлетворить вас, сэр!

— Прикажите явиться немедленно, а вот этому, — Будимирский указал на West End'ский магазин готового платья... — прикажите привезти мне выбрать несколько пар платья, пока тот не сошьет.

Будимирский плотно позавтракал, и Иза, выпившая чашку молока и съевшая кусочек ветчины с гренками, с удивлением смотрела, как он проглотил целую гаддок*, пяток яиц, около фунта ветчины и несметное количество поджаренного с маслом хлеба.

Часов в 9 он успел уже выбрать приличный редингот, утренний сыют, гавелок и макинтош и минут на 10 представил себя в руки известного мистера Доунинга, закройщика от Пуля, тогда как в соседней гостиной велась серьезная беседа между Изой и непомерных размеров французкой с нормандским носом, *madame Louise*, правой рукой Редферна в Лондоне. Вокруг них разбросаны были горы материй, кружев, перьев и повсюду валялись модные картинки, к которым, впрочем, *m-me Louise* относилась с презрением... Она сама *создавала* моды. Двумя-тремя ловкими движениями она драпировала торс Изы волнами материи, перетягивала бюст, там и сям прикалывала кружева, накидывала буфы из газа и воланы, подметывала стеклярус и в какие-нибудь пять минут, действительно, создавала если не костюм, то прелестный эскиз его... Она скомбинировала уже ей очаровательное *matinée*, два выездных костюма, два вечерних, один официальный, два домашних и один бальный, когда Будимирский вошел и приказал добавить еще один вечерний и один выездной костюм и три пардессю. Одобрив сделанный Изой выбор нескольких шляп и потребовав, чтобы один из выездных костюмов ее, именно черный суконный, был готов *coute que coute* завтра рано утром, Будимирский оделся и отправил-

---

* Вяленая рыба, которая в Англии распаренной подается и утреннему завтраку.

ся в город. На Пикадилли он остановил карету и — из магазина в магазин, побывал во многих, покупая цилиндр, шляпы, перчатки, белье, духи и т. п., пока не добрался до придворного ювелира Беннета. Здесь он выбрал чудное ожерелье из жемчуга, другое из брильянтов с рубинами, чудные кабошоны для серег, три баснословно дорогих браслета, полный изумрудный прибор и редкую по красоте диадему из рубинов, с несколькими крупными брильянтами... По мере того как он выбирал, клерк, начавший продавать ему, позвал старшего клерка, этот послал за управляющим, а последний вызвал по телефону самого хозяина, к счастью находившегося в двух шагах, в городском отделении «London and County Bank».

— Сосчитайте, пожалуйста, — попросил Будимирский.

Оказалось свыше 5000 фунтов... Таких денег в билетах с ним не было, — из взятых в Гон-Конге 5000 ф. у него едва оставалось четыре, как он убедился, сосчитав билеты тут же. Но рядом в бумажнике оставалось до десятка чеков, взятых в Гон-Конге на предъявителя, и он, выдав один из них в 10.000, получил сдачи банковыми билетами.

— Не каждый день бывают покупатели, обладающие возможностью платить... такими чеками, — радостно улыбаясь и кланяясь, заметил Беннет.

— Не каждый магазин может дать 4000 фунтов сдачи, — ответил ему любезностью же Будимирский.

Почтение Беннета к авантюристу выросло еще на 100%, когда Будимирский приказал все это прислать к нему по адресу, как покупку в 2-3 фунта...

«Это Крез, — подумал Беннет, — раз он целое состояние доверяет посольному нашему». Это Крез, — решили все в отеле, когда главный клерк Беннета привез покупки Будимирского и рассказал о цене их manager'у, а тот остальным. Это Крез, — решил и мистер Сикспенс, репортер «Evening News», являвшийся в отель ежедневно собирать сведения об останавливающихся здесь деловых людях из Америки, решил и приказал доложить о себе мистеру Дюбуа, который с супругой своей сидел уже за lunch'ом. Будимирский принял репортера, и в вышедшем вечером номере газе-

ты была не только биография, но целый роман из жизни мистера Шарля Дюбуа, француза — уроженца Гваделупы, нажившего миллионное состояние в Китае, Японии и на Филиппинских островах.

Между lunch'ом и обедом monsieur Dubou вместе с Изой побывали в нескольких магазинах ради покупки необходимых для Изы вещей, затем обедали у себя еще в апартаментах (у Изы не было костюма), вечером же Будимирский отправился в Гаррик-театр смотреть боевую его пьесу «Беспечальный лорд Квекс» Пинеро и кончить вечер в Empire, модном кафе-шантане, а Иза... Иза проплакала весь вечер над купленными ей драгоценностями... Жемчуг ей казался выплаканным ею в эти два месяца слезами, а рубины... они отливали кровью жертвы Будимирского и казались еще ярче, еще страшнее от контраста рядом с идеально-чистыми бриллиантами... Ей, страстно любившей живую красоту, никогда не нравились драгоценные камни, но она знала цену их и улыбалась сквозь слезы, оценивая их... Разве тысячами фунтов стерлингов можно вознаградить за пережитые ею страдания? Тоска сжимала ее сердце... Ни одной близкой души около, некому выплакать горе свое, не с кем поделиться страданиями и надеждами на скорый конец их. Старцы? Но если она перенесется туда, она опять найдет запертую дверь, — время не настало еще... еще 8 лун осталось, — целая вечность для ее разбитого сердца... «О, если бы я не была одинокою, — все остальное горе было бы легче перенести» думала она, и вдруг сердце ее сжалось и кровь отлила... она испытывала знакомое чувство и опустилась в кресло, закрыв глаза, готовая к посещению высшей силы... Во мраке выступило красное пятно, побледнело, сжалось и образовало знакомую ей, дорогую сердцу фигуру Дари-Нурра... Не открывая глаз, она почувствовала его теплую руку на голове у себя.

«Эта просьба твоя исполнима... — шептал старец, лаская Изу. — Я дам тебе подругу, так же страдающую, как ты, также избранную, но не посвященную еще и мало испытанную... Ты приведешь ее с собою к нам, когда твой срок придет. Она сейчас здесь будет... Выстрадайте эти дни вместе...

Для всех она будет твоим врагом, для тебя —искренним другом... Всю жизнь ее ты прочтешь в глазах ее... Теперь прости!» Он еще раз ласково провел по ее волосам, и образ его потух...

Почти одновременно раздался стук в двери.

— Come in! — отозвалась Иза.

— Миледи, какая-то мисс просит разрешения войти к вам... Она не говорит своего имени, что очень странно, не знает вашего, миледи, но говорит, что вы ее ждете...

— Да, я жду ее, — пустите! — ответила Иза.

Через минуту на пороге стояла в черном бархатном платье девушка лет двадцати, блондинка чудной красоты, настоящий английский кипсек, оживленный молодой кровью, антично сложенная, грациозная, высокого роста. Головка ее точно гнулась под бременем массы роскошных волос, цвета спелого колоса, а слегка побледневшие щеки оттенялись густыми опущенными ресницами.

Когда она подняла эти ресницы, в ее прелестных глазах светились и недоумение, и страх, и восторг перед красотой Изы... Она молчала долго и наконец чуть слышно вымолвила:

— Я вам нужна... Я не знаю вас, но... вы меня звали, что-то толкало меня сюда... Простите, если я ошиблась, я значит больна... простите...

Иза молча наблюдала ее и в свою очередь любовалась ее красотой. «Да, — думала она, — для всех она будет врагом твоим, — для тебя — искренним другом, сказал старец. Это понятно: мой злой гений влюбится в нее, она будет... любовницей его и... мы вместе будем страдать...»

— Вы молчите, миледи, — я ошиблась. Простите... я ухожу, — пробормотала красавица, поворачиваясь к двери, и вдруг, как подкошенная, опустилась на ближайший стул, воскликнув: — Нет! я не могу уйти!

Иза подошла к ней, взяла ее за руку, подвела к кушетке у камина, усадила ее и ласково стала расспрашивать, кто она...

— Мое имя Эвелина Кингс, — начала она, — я пальмистка, хиромантичка... читаю настоящее и будущее моих клиен-

тов high life'a... Я обладаю даром провидения... «Borderland». Мистрис Безант посвятила мне большую хвалебную статью, покойная Блаватская благословила меня на эту деятельность... первое теософическое общество демонстрировало... меня...

Красавица замялась, а Иза, улыбаясь, смотрела ей в глаза.

— Нет, нет... все это ложь, — вы знаете, — это заученный урок, вы читаете в моих глазах, вы видите в них правду... Я чувствую это и... и ничего не понимаю... зачем я здесь... — покраснев как пион, прерывисто говорила красавица.

— Да, я читаю в ваших глазах ваши страдания и вижу, что вы говорите не то, что вам нужно сказать... Вы, может быть, и пальмистка, но... не по доброй воле. Вы должны были прийти ко мне, я знала, что вы придете... Меня предупредил о вашем визите тот, кто вас ко мне прислал. Ваша судьба входит теперь в мою судьбу, и я должна знать всю правду... Я могу узнать ее, но хочу слышать от вас...

Иза взяла ее за руку, пристально взглянула на красавицу и твердо приказала:

— Говорите!

Красавица начала свою исповедь и долго рассказывала горькую историю своей жизни, то воодушевляясь, то рыдая на плече у Изы...

Теперь ее зовут Эвелиной Кингс, раньше, в детстве, ее просто звали Евой... у нее нет другого имени... Она дочь покойного лорда Гэя Крокса и герцогини Бломсэкс... дитя любви. Лорд-отец не мог ей дать воспитания. Кутила, после внезапной трагической смерти герцогини, которую как уверяла молва, отравил муж за ее неверность, лорд Крокс попал под опеку, которая окончательно его разорила, и он погиб где-то на континенте на дуэли... Жизнь его она узнала потом от бывшего камердинера лорда, старика, который один лишь немного заботился о ней, определил в школу, одевал, сделал модисткой, когда ей минуло 17 лет, и умер вскоре после этого.

Ей не трудно было бы *карьеру* себе составить, — ей то и дело говорили об ее красоте, но... у нее были другие идеа-

лы... Она полюбила и счастлива была взаимной любовью своего Гарри, молодого талантливого художника-иллюстратора, когда... на лестнице одного дома, куда она принесла заказ она встретила Луиджи... Повторилась история Трильби... Что с ней сделал этот итальянец, занимавшийся и раньше темными делами, — она не знает, но она подчинилась ему как раба, стала служить ему слепо, потеряла волю, потеряла совесть... Гарри отвернулся от нее, и она не в силах была остановить его, броситься под его покровительство, расстаться с итальянцем. Луиджи научил ее кое-чему из элементарных правил хиромантии, научил ее обманывать доверчивых людей, выведывать у них их прошлое, предсказывая им их будущее, и это прошлое Ева сообщала Луиджи, а он... шантажировал несчастных, доверившихся красивой, симпатичной, таинственной девушке... Они обманывали и грабили главным образом дам большого света в Вене, Мадриде, Париже, Риме... В прошлом году они попались в Париже и их выслали, и вот они опять в Лондоне, где модистку Еву забыли, но где дамы high life'a хорошо знают пальмистку Эвелину Кингс... Она входит в моду, она зарабатывает громадные деньги, но Луиджи играет, ему все мало и вчера он решил и здесь попробовать шантаж и завтра его первой жертвой будет леди Бьютифуль, чудная, но несчастная женщина... Сегодня вечером она убедилась из слов Луиджи, что бедная женщина или будет выдана с головой мужу, или... должна будет у него же украсть потребованные Луиджи 1000 фунтов...

Совесть проснулась в Еве... Она вдруг решила спасти леди, и, не зная куда, зачем, одевшись, вышла из дому и... пришла сюда...

— От Луиджи я спасу вас и приведу вас к источнику душевного покоя и мира, но... до тех пор вам вместе со мною придется пережить немало горя, хотя другого рода, в другой обстановке... Я так же несчастна, как вы, но моим несчастьям скоро конец, — конец будет и вашим, потому что... мне разрешено, приказано даже, взять вас с собою в приют мира и любви... Пока я больше ничего не могу сказать вам, но я знаю, что вы мне верите...

Иза наклонилась и полными любви глазами взглянула Эвелине в очи... Они горели верой и любовью. Иза взглянула на часы. Время ушло далеко за полночь.

— Теперь уходите, а завтра рано утром будьте здесь... Мне кажется, что спасти вашу леди и освободиться от Луиджи не будет трудно... До завтра.

Они горячо обнялись. Иза с ее чудной, полной огня южной красотой и Эвелина, нежная, томная красавица севера — представляли прелестную картину своей гармонией красоты и контрастом ее характеров. Чтобы оценить эту картину, не нужно было быть художником, и ее оценил Будимирский, незаметно войдя, наблюдавший сцену прощания с порога...

— Иза, кто эта красавица? — не выдержал Будимирский.

Иза вскрикнула, а Эвелина, быстро обернувшись, встретила горящий взгляд Будимирского и замерла.

XVI.

РАЙ МАГОМЕТОВ.

Какая прелесть! Иза, кто это? — воскликнул Будимирский, едва оторвав взгляд от красавицы Эвелины.

Вспомнив, что в данную минуту она все-таки хозяйка дома, Иза, улыбаясь, представила Еве «своего мужа» и назвала ее.

— На каком-нибудь другом языке говорит? — спросил Будимирский по-русски...

— Только по-английски!

— Где ты откопала такой перл? Ты никого не знаешь здесь и вдруг ночью... в гостинице?

— Ты узнаешь все завтра... Не волнуйся бесполезно, — она от тебя не уйдет..

— То есть как это? — вспыхнул авантюрист. — Что за глупости ты говоришь!..

— Нет, милый... не глупости. Ее привело сюда то же, что и меня два месяца назад на «Тагасаго Мару» и... ее ждет та же участь. Я бороться не могу, да и не нужно... Ты знаешь, как я покорна судьбе... Взгляни, какими глазами она смотрит на тебя! Ты уже околдовал ее... Но не приписывай себе этой победы, не будь хуже того, что ты есть... Это судьба, испытание ей... Она твоя...

При последних словах Изу передернуло всю. Несмотря на всю покорность воле таинственного старца, Провидения, женщина все же сказывалась в ней моментами.

— Опять? Твои старцы послали? Да? Что за милые старички, однако! Ха! ха! ха! Да ведь они мне эдак скоро целый гаремчик составят! Ха ха! ха! Очень рад быть «орудием испытания»... Постараюсь оправдать доверие... Ха! ха! ха! Черт побери, — буду и я покорен судьбе... Изочка, слышишь? Я тоже из повиновения не выйду, но ты все-таки не волнуйся. Она красавица, правда, — но кто из вас лучше, это — вопрос... Ха! ха! ха! Я надеюсь путем опыта долго его разрешать и колебаться то в ту, то в другую сторону. Sapristi, вот масленица будет!..

Он уже сидел на низеньком пуфе перед Эвелиной, держал ее руки в своих и хохотал и пожирал ее глазами и трепетал от этого таинственного тепла, что лилось из ее томных бархатных очей, подернутых влагою... Он уже освоился со своим положением и зная, что Иза не солжет, принимал его как должное. Удивление прошло, уступив место желанию, которое росло в нем сильнее и сильнее...

— Иза, я входя слышал, что ты назавтра обещала мисс Еве защитить ее и какую-то леди от злодея какого-то? В чем дело?

— Поздно, милый, уже... завтра утром... — слабо возразила Иза.

— А, нет! Ты знаешь, как я буду занят завтра, нужно, чтобы я теперь же знал, в чем дело, — ведь мне же придется, вероятно, дело устраивать.

Иза взглянула на Эвелину и поняла, что та не в состоянии повторить свою исповедь... Она бледнела, краснела и таяла под горячими взглядами Будимирского... Она чувствовала на губах своих его жаркие поцелуи, чувствовала близость его тела, чувствовала себя в полной власти этого наглого красавца... Да, в душе он ей только наглецом казался, но волна сладострастия с такой силой охватывала тело ее, что думать и бороться она не могла. Между ними сразу установилась та связь, тот ток животного магнетизма, который не может не разрешиться взрывом, — ток, иногда доводящий людей до преступления, часто отвратительный, почти всегда преступный, но чаще сладостный, непреодолимый, оуманивающий, делающий женщину игрушкой в руках более сильного...

Иза в кратких словах, торопясь, рассказала Будимирскому все, что узнала от Эвелины.

— Вот как... Да... ну, что же, — завтра мы успокоим вашу леди и... покончим с Луиджи. В другое время я бы его, подлеца, в 24 часа... но мне теперь не рука возиться с полицией... здесь в особенности... но вы говорите, что он негодяй во всех видах? Да? Тем лучше... я ему денег дам. Но... как же вы теперь? Куда же вы ночью пойдете? Иза в вас такое участие принимает... Гм!.. само собою и я... Вы будете подругой ее, разделите ее жизнь... так вот — что же откладывать, — оставайтесь...

Ему все-таки трудно было все это сказать. Он перевел глаза с Эвелины на Изу. Обе молчали. Красавица-блондинка вряд ли даже слышала, что он говорил, увлеченная волною чувства, охватившего и уносившего ее, а Иза... она окаменела как будто. Будимирский позвонил, и в эту минуту Иза взглянула на него. Он прочел в ее взгляде лишь мольбу соблюсти приличия и, когда в дверях показалась заспанная горничная, он, как любящий муж, горячо поцеловал руку Изы...

— Мисс Эвелина останется у нас ночевать... Приготовьте все в гостиной... — приказал он и, обернувшись, заговорил с Изой по-французски. Эвелина молчала, следя глазами за ним, и минутами томные глаза ее вспыхивали другим огнем и недружелюбно глядели на Изу...

Будимирский зажег спирт под чайным серебряным котлом, а Иза, ласково взяв за руку Эвелину, увлекла ее к себе в спальню...

— Куда это вы? Секреты? — остановил их Будимирский.

— Но, милый мой, у нее нет ведь ничего с собою... ей нужно дать кое-что... из туалета.. — возразила Иза.

Собственно говоря, Будимирского совсем не интересовало, о чем две красавицы шептались в соседней комнате добрую четверть часа, пока он пил чай с ромом, а в соседней гостиной горничная и два лакея ставили кровать и устраивали спальню для Эвелины. Когда они вернулись в столовую, его не удивили и слезы на глазах Изы и горевшее лицо Эвелины, — и Иза сама отдала ему красавицу-блондинку и ни в чем ему не помешает... Все ему казалось естественным даже.

Иза горячо поцеловала Эвелину и грустно улыбнулась Будимирскому: «спокойной ночи»... Она ушла...

Пауза была и непродолжительна и нетягостна... Будимирский быстро обернулся к Эвелине и властно протянул руки, а она... с глубоким вздохом облегчения склонилась к нему на грудь, шепча: «наконец-то».

На рассвете Будимирский вернулся в спальню и занял место рядом со спокойно спавшей Изой, — так ему казалось, по крайней мере... В слабом свете электрической ночной лампочки Иза, быть может, была еще красивее, чем залитая ярким светом, и Будимирский, только что оставивший горячие объятия Эвелины, чувствуя еще теплоту ее тела, залюбовался Изой, ее чудным роскошным телом, тенью пушистых ресниц на смуглых щеках, прелестными очертаниями ярких губ, ароматом ее тела, другим, совсем другим... Он приподнялся на локте и обнимал взглядом спящую красавицу, ласкал ее глазами, и волна нового желания охватывала его...

— Иза... — едва слышно прошептал он и... глаза ее раскрылись, и взгляд ее сказал ему, что она не спала... В этом взгляде таилось и страдание, и мука, и вопрос, и страсть... в нем было и отвращение к нему и к себе... и то же страстное желание, что мучило Будимирского.

— Иза... ты лучше... ты моя...

Иза не дала ему окончить... Она пила в устах его забвение всему тому, что мучило ее в эту ночь... Будимирский поздно проснулся, но встал бодрым, как всегда, и внутренне хотел, умываясь и одеваясь.

«Вот так положение, черт подери! И какие чудные создания эта милая *судьба* мне послала... Две жены сразу, и ревности между ними не будет... Рай земной! Надо только из Лондона поскорей... В Париж они все вместе приедут... Две жены... Нет, надо, чтобы одна из них «сестрой» моей была... Та англичанка... сестрой никто не признает. Пусть Иза сестрой будет, а здесь, пока... Эвелина будет компаньонкой... Ха! ха! ха!»

Он расцеловал ручки дам, сидевших уже за столом, и с любопытством оглядывал их.. Иза была спокойна, но Эвелина вспыхивала каждую минуту и с мольбой взглядывала на Изу, которая одними глазами и улыбкой успокаивала ее...

«Привыкнет, *уходится*» думал по-кавалерийски Будимирский, глядя на вспыхивавшее румянцем стыда прелестное лицо Эвелины и отправляя в рот ломти жирной ветчины.

Сейчас же после breakfast'a он взял с собою Эвелину и отправился прежде всего в Сити, где в банке получил по одному из чеков на предъявителя 20.000 фунтов кредитивами на Париж и 10.000 банкнотами, а затем приказал везти себя по адресу, данному Эвелиной, к леди Бьютифуль.

— Подымитесь к ней и успокойте ее... Скажите, что Луиджи не будет беспокоить ее, а затем едем к нему, — там я буду говорить с ним, — сказал Будимирский, высаживая Эвелину у подъезда барского дома на Park Place у Ридженс Парка. Когда она вернулась в карету, Будимирский не по-

интересовался узнать даже, какая драматическая сцена произошла между двумя женщинами...

— Успокоилась? Да? Ну и прекрасно, надо к вашему мерзавцу торопиться, — у меня много еще дела, — бросил он красавице и приказал ехать в Сен-Джонс-Вуд, в квартал лондонских артистов и кокоток.

На окраине квартала, в темной грязной улице карета остановилась у подозрительного, давно не ремонтированного двухэтажного дома, произведя сенсацию среди уличных гаменов, которые немедленно столпились вокруг, заглядывали в окна и делились впечатлениями о том, в какой карете и с каким важным «форејнером» приехала «Ева-пальмистка»... Ишь, какого нагадала себе...

Будимирский поднялся по грязной лестнице и постучался у двери, на которой красовалась карточка с надписью: «Джузеппе Луиджи, профессор высших наук, гипнотизер и хиромантик». Ему отворил дверь бритый старик с седой гривой волос и черными, как угли, пронизательными глазами, одетый в длинный редингот, выдавший лучшие дни.

«Совсем Свенгали!» подумал авантюрист, глядя на старика.

Старик провел Будимирского в комнату, очевидно, служившую для приема посетителей. Мебель была плохонькой, но позолоченного дерева, на полу красовался истертый ковер, а стены были украшены портретами Блаватской, полковника Ольча, мистрис Анни Безант и других «великих людей» теософии и оккультизма...

— Чем могу служить? Очень жалею, что открыть вам ваше будущее придется мне, слабому старику, а не моей молодой жене, которая в хиромантии сильнее меня... Она отлучилась по делу...

— И не вернется, — перебил его Будимирский.

Старик удивленно взглянул на него, но ничего успокоительного не прочел в насмешливой улыбке авантюриста.

— Да, синьор, в хиромантии и я не силен, но... весьма точно могу предсказать вам *ваше* будущее... Я за этим и приехал... Эвелину вы больше не увидите, — ей у меня веселее будет... Но вы от этого потеряете возможность про-

водить вечера в игорных притонах Soho-Square'a, а я не желаю вам неприятности делать... Вы мне скажете, во что вы цените Эвелину, и если ваше *prix* будет *raisonnable*, я вам заплачу... я вам дам и ту сумму, которую вы ждете от леди Бьютифуль, но вы дадите мне взамен подписку, две подписки даже, — одну в том, что вы никаких претензий не имеете к Эвелине Кингс, а другую — в том, что вы признаете ложно все выдуманное вами о леди Б..... и отдаете себя в руки властей как шантажист, если вернетесь в Лондон. Сумму, в которой мы с вами сторгуемся, вы будете получать в Риме или где-нибудь в другом городе, вне Англии и Франции, частями и периодически, дабы вас подольше не влекли сюда искушения...

В начале этого монолога Будимирского Луиджи с негодованием пытался перебить его, но скоро сообразил, что карты его открыты, и не зная, кто перед ним, решил как можно дороже продать свою «свободу», как он выразился.

Будимирский торопился и потому в недолго продолжавшемся торге был более чем щедр.

— Поезжайте сейчас же в *Credit Lyonnais*, — я там буду через полчаса, — закончил Будимирский, но прежде, чем уйти, потребовал, чтобы старик провел его в комнату Эвелины, где, по *et* просьбе, он взял портрет *et* отца и благодетеля камердинера и небольшую шкатулку с дорогими ей по воспоминаниям безделушками.

Ничего из туалета ее Будимирский решил не брать. Через час на *Lombard Street*, в главном отделении Лионского Кредита Луиджи взамен двух своих подписок получил от Будимирского 500 фунтов и удостоверение от банка, что каждое первое января, в течение пяти лет, отделение банка в Константинополе будет выплачивать ему по столько же. Луиджи выбрал Константинополь, потому что не хотел встречаться ни с венской, ни с римской полицией, Берлина же он сам не любил...

«Деньги в кармане, теперь можно и попытаться вернуть к себе главное сокровище. Оно поможет мне вытянуть из этого господина не два с половиной, а десятки тысяч фунтов» подумал Луиджи и трогательно стал просить Будимир-

ского в передней банка разрешить ему свидание с Эвелиной, проститься с ней.

— Мы с ней несколько лет делили и радости и горе, и я не обижал ее... Будьте милостивы, — молил старик.

Будимирский пожал плечами. «Черт с ним, — пусть поцелует ручку, — не убудет».

— Хорошо! Она здесь, в карете... Подойдите! — ответил он.

Когда карета подъехала к подъезду, Будимирский из вежливости отошел шага на три-четыре в сторону, не спуская, однако, глаз с дверцы кареты, из которой раздался подавленный крик, как только Луиджи подошел к опущенному окну.

— И ты думаешь, Эвелина, что навсегда бросила меня? — спросил девушку старик, впиваясь в нее глазами.

Эвелина вся задрожала и, как кролик под очаровывающим взглядом гремучей змеи, заметалась и застонала...

Луиджи, не спуская глаз, отступил на один и другой шаг от кареты, и Эвелина, открыв дверцы, вышла на тротуар и готова была уже положить свою руку на руку Луиджи, когда Будимирский, поняв, наконец, в чем дело, быстрым движением отбросил в сторону старика и дунул в лицо Эвелине, встряхнув ее за локти.

Эвелина вскрикнула, точно проснувшись и, как птичка, прижалась к локтю Будимирского, узнав перед собою Луиджи.

— Повторите ваш эксперимент теперь, — предложил ему Будимирский... — Ваша попытка не удалась, и я рекомендую вам не повторять ее... Помните, что банк будет выдавать вам деньги каждый раз лишь с моего согласия... Прощайте.

Эвелина уже сидела в карете, Будимирский вскочил в нее, и лошади помчались.

Иза, все утро провозившаяся с поставщиками и модистками (ей нужно было позаботиться и о туалетах Эвелины), ждала их с lunch'ом, после которого, оставив Эвелину в отеле, Будимирский с Изой, в новом черном суконном платье, дорогом, но простом, в прекрасной мантилье с дорогим мехом, поехал в Сити, в отделение Гон-Конгского банка. Здесь

Иза предъявила чек на 500.000 фунтов стерлингов... Будимирский с улыбкой наблюдал за сенсацией, которую вызвало это требование... Клерк, принявший чек, вытаращил глаза на Изу, красота и изящество которой поразили его не меньше суммы чека...

— Простите... Я не знаю... я сейчас!..

Он вернул ей чек и бросился за перегородку матового стекла в кабинет директора, куда вскоре пригласили Изу и Будимирского.

Почтенный джентльмен, стараясь сохранить спокойствие, но, видимо, волнуясь, предложил им сесть.

Почтенная леди и почтенный сэр понимают, конечно, что... такая сумма... требует некоторых предосторожностей... Чек именной и банку необходимо иметь удостоверение личности...

Иза предъявила документ вдовы отставного поручика, Изы Бушуевой, урожденной ди-Торро, визированный во Владивостоке, Иокагаме и Макао британским консулом, на чем в свое время настоял Будимирский.

Все было исправно, и директору ничего не оставалось делать, как приказать уплатить, тем более, что на вопрос, получил ли он из Гон-Конга дубликат чека, директор должен был ответить утвердительно, но... в какой бы форме леди ни пожелала получить капитал, — это затруднительно сделать немедленно...

Будимирский, «брат леди», конечно, согласился с этим и потребовал список бумаг, имеющихся в банке, и тех, приобрести которые не трудно будет банку сегодня и завтра. Сделан был выбор, и на другой день к двум часам дня банк обязался представить леди на 300 тысяч фунтов акций де Бирс и других золотопромышленных компаний и акционерных обществ и приготовить на 200 тысяч 10 чеков на предъявителя с уплатой в Париже.

Будимирский и Иза простились с директором, побывали еще в двух банках, где разменяли два мелких чека, заезжали к ювелиру на Пикадилли и вернулись в «Continental», где нашли Эвелину, потерявшуюся среди волн шелка, бархата, кружев и газа...

Так долго жившая как в чадy и попавшая в мир грез, девушка, не отдававшая еще отчета себе, где она, что с ней и что ее ожидает, никогда не видевшая роскоши, потеряла теперь голову... Все это предлагалось ей, — все это ей предназначалось, от нее зависел выбор. Она окончательно смутилась, когда Будимирский поднес ей великолепный парюр из жемчуга, такой же роскошный и дорогой, как вчера им купленный для Изы...

Время до обеда Будимирский провел с Изой. Надо было «выяснить», как он выразился, новые отношения *famille en trois*... Надо было дать ей некоторые инструкции делового характера, определить их планы (его планы) относительно Парижа и т. д.

Вечер они втроем, «инкогнито», по выражению Будимирского, ибо у Эвелины не было еще туалетов, провели в «*Stit'erium'e*», а ночь... повторилась предшествовавшая ночь.

— Рай Магометов! — ухмылялся Будимирский, переходя из объятий Эвелины в объятия Изы.

XVII.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ И НАЧАЛО КОНЦА.

На другой день все «дела» были покончены. Будимирский из банка перевез в «Continental» целый чемодан бумаг и банкнотов, к удивлению и негодованию дельца-банкира, не понимавшего как можно лично делать какие-нибудь биржевые операции, таскать с собою в чемодане миллионы. На все его намеки Будимирский отмалчивался, думая:

«Милый мой, я без тебя знаю эти неудобства, но держать деньги *здесь*, — слуга покорный...»

Готовы были и все костюмы его самого и его дам, отправлены были и экипажи, и мебель «moderna stile» от Marle and Co, и экипажи, и все то, что миллиардеры покупают в Лондоне, а не в других центрах, и авантюрист с жертвами своими, по-княжески расплатившись в «Continental» выехал в Париж. Здесь в *Hôtel Bristole*, где останавливаются коронованные особы, Будимирский записался уже не Дюбуа, французом с Гваделупы, а... отставным гвардии корнетом Буй-Ловчинским, безукоризненно правильный паспорт которого лежал у него в портфеле и который умер минувшим летом на руках у Будимирского в Красном море, на пути в Китай, куда он ехал братом милосердия.

Из слов самого покойного авантюрист знал, что у него не осталось ни души родных и нет товарищей, так как в полку он пробыл лишь несколько месяцев, 17 лет уже как вышел в отставку и жил одиноко где-то в глуши Литвы, пока не прожил имения и с последними грошами уехал в Китай.

Отмеченный в «Figaro» «князем Казимиром Леонтьевичем Буй-Ловчинским», авантюрист получил в отделении Английского банка в первый же день приезда по последнему крупному чеку и остальным мелким, а на другой день в «Credit Lyonnais» положил в портфель несколько квитанций, свидетельствовавших, что в банке на имя Буй-Ловчинского лежат на хранении разными бумагами 22 миллиона франков, а на текущем счету 1.700.000... Концы были спрятаны, и теперь ни Гон-Конгский банк ни «Colonial Office» в Лондоне никаких и ни к кому претензий заявить не могут.

— Теперь — мы у пристани, — говорил авантюрист Изе, обедая с нею и Эвелиной в «Café Riche» на другой день, довольный тем, что в это утро светская хроника всех бульварных листков говорила о приезде князя Буй-Ловчинского с родственницами, о том, какой красотой они сияли вечером в l'Орега и как закончили вечер chez Maxime... «Веселящийся Париж гордится таким ценным приобретением» говорил «Gaulois».

Через две недели уже Будимирский в его последнем «дополненном и исправленном» издании, отныне Буй-Ловчинский, был членом «Жокей клуба» и «Автомобиль клуба», *habitué* первых спектаклей и *Maxime's*, и то и дело его фамилия попадалась «*parmi les assistants*» и «*au hasard*» в отчетах о различных общественных праздниках и торжествах, — даже на *five o'clock* в «*Figaro*» побывал он рядом с каким-то немецким принцем из маленьких, Вандербильдом, модной дивой и экс-королевой Мадагаскара... Его выезды в Булонском лесу обращали на себя столько же внимания, сколько красота Изы и Эвелины в театрах. Один из «парнасцев» посвятил контрасту их красоты нелепейшую оду, а в кабачках Монмартра, куда Буй-Ловчинский их нередко возил, — они назывались не иначе как «богинями», потому что «поэты» этих заведений побывали уже на вечерах у Буй-Ловчинского в «*Hôtel de Bristole*», где он занимал целый этаж во флигеле и собирал вокруг своих красавиц веселый кружок молодежи, певцов, поэтов, артистов и журналистов. Весело ли было красавицам? Эвелина, с первых же дней подпавшая под влияние Изы, примирилась, как и она, со своим двусмысленным положением, потому что Иза во многое посвятила ее, чуть-чуть отдернула завесу будущего и обещала ей скорое полное освобождение, жизнь, исполненную духовных радостей, далеко-далеко от этой буйной, развратной, животной жизни, которой наполнено было теперь их существование.

Буй-Ловчинский все еще «устроивался» и вел переговоры о покупке и отделке княжеской виллы на Монблоне, у самой Ниццы, где собирался провести зиму, как это подобает миллионеру и настоящему космополиту-*gommeux*...

Дни уходили за днями, как один, однообразно разнообразные. Поздний утренний завтрак, катанье в Булонском лесу, второй завтрак, посещение выставок, благотворительных базаров и магазинов, приемы или визиты, обед, театр и ненужный *Maxime* или «*Café Egyptien*» с ужином и вином...

Ничто извне не нарушало эту беспечальную для авантюриста жизнь, который начинал уже забывать Ситреву и, конечно, не подавал ей признаков даже жизни своей. Свя-

зующие их звенья — японцы Моту и Хако — были уничтожены, от Будимирского, мистера Найта и Шарля Дюбуа не оставалось и следов нигде, и Казимир Леонтьевич Буй-Ловчинский спокойно плавал в волнах мирного житейского моря, наслаждаясь изысканным комфортом, двумя красавицами и всем тем, что могут дать в жизни благоприобретенные миллионы.

Перед Рождеством Буй-Ловчинский с «семьей» переехал в свою виллу, которую он назвал «Изой» и которая стоила ему до миллиона франков, и «Красавица-Ницца» встретила его так же радушно, как и Париж. Если не изысканное, то блестящее общество представителей всех стран, общество «Космополиса» Буржэ, окружало Изу и Эвелину, о действительном положении которых в доме «князя Буй-Ловчинского» никто не задумывался, — Ницца редко видела таких красавиц, а в доме у них лилось море вина, давались лукулловские обеды и ужины, устраивались веселые *garden parties*. В воздухе пахло миллионами, и этого уже довольно было, чтобы на виллу «Иза» слетались как мухи к меду пшюты Парижа, денди Лондона, римские «герцоги» без поместий, гидальго Мадрида и Севильи, *les boyards compatriotes de notre cher prince*, проматывающие последние рубли и крохи своих «вотчин». Впрочем, «бояр» было гораздо меньше, чем дельцов, *parvenus*, вчера ставших чем-то, благодаря открытию екатеринославской Америки и сегодня уже плакавшихся на кризис.

Вся эта толпа жадно глотала лангусты и пулярды на ужинах Буй-Ловчинского, запивала их шампанским всевозможных марок и исчезала, нередко вместе с хозяином, кончать ночь в Казино, где Буй-Ловчинского встречали с царскими почестями.

Зачастую эта толпа, с «русским миллиардером» во главе, отправлялась в Монако или на Корнашу в экипажах или занимая целый вагон и оживляя поезд весельем своим... Появление Буй-Ловчинского в игорном зале вызывало всегда сенсацию, ибо в одном декабре он два раза сорвал банк, в общем же проиграл уже около 500.000 франков. Само собою, что за таким осетром ухаживала и вся администра-

ция, от лакеев и крупье до директоров, и все те, жаждущие крох от стола взысканных фортуною, которые в Монте-Карло составляют чуть ли не половину публики...

Буй-Ловчинский всегда шел прямо к последнему справа столу с рулеткой, «трагическому» столу, за которым особенно охотно, как утверждает статистика, пускают себе пулю в рот несчастные проигравшиеся... Он здоровался со старичком-крупье, вот уже тридцать лет выкрикивавшим сакраментальное «*Faites vos jeux, messieurs — dames!*» и ставил *maxim* на *zero*. Иначе, как *maxima*'ми и *en plein* — он не играл и или проигрывал тысяч 50-60 в каких-нибудь 25 минут, или срывал банк при громе аплодисментов и увлекал всех знакомых и незнакомых, его поздравлявших, в «*Café de Paris*», тут же у дверей Корено и поил их всех вином.

Само собою, за ним охотились «эти дамы» с небывалой даже и в Монако страстностью... Расположением его, хотя бы очень коротеньким, модные кокетки гордились, и знакомство их с «*richissime russe*» служило им блестящей рекомендацией.

Пшюты, не обладающие бешеными деньгами, зачастую о той или другой кокетке говорили:

— Нет, нам тут не обедать, — ты знаешь, — вчера с ней ужинал русский с Монборона!

Да, авантюрист награждал своим вниманием то одну, то другую из жриц любви, а красавица-испанка Тринидад, «говорившая» шансонетки в *Casino* в Ницце, даже целую неделю пользовалась его расположением... Об этом говорил весь *littoral*, ей завидовали подруги-соперницы, но... не Иза и Эвелина, — они примирились и с этим, ожидая своего дня...

Пришел и карнавал. На вилле «Иза» к нему готовились добрый месяц и не потеряли времени, — кавалькада «русского князя» взяла высший приз в 10 тысяч франков, тем более заслуженных, что вся Ницца знала, во сколько «князю» обошлись эти русские костюмы XV века на тридцать человек, — в 120 тысяч франков. Маскированный бал у него на вилле, факельное шествие оттуда и бал на открытом воздухе «для бедных», устроенные Буй-Ловчинским, были

лучшими в этом сезоне, а на первом *bataille des fleurs* его экипаж, в котором сидели Иза и Эвелина, вызвал неслыханный энтузиазм. Буй-Ловчинский стал героем сезона, его красавицы — царицами его, и только небольшой кружок великосветских дам будировал против них, везде занимавших первое место, где право на него давали не титулы и общественное положение, а красота и деньги, не всегда имеющиеся в наличности у *high life*'а.

В конце карнавала слава «русского князя» укрепились еще сильнее после трагикомического случая с ним, которому в течение недели посвящали целые столбцы «*Petit Niçois*» и др. местные газеты.

Буй-Ловчинский получил по почте *billet doux*, приглашающее его под строжайшим секретом посетить «красивую девушку, без ума в него влюбленную, которая имеет сказать ему нечто весьма для него интересное»... Будимирского заинтриговало это приглашение, и он отправился в условленный час, ночью, после последнего *Veglion* в *Casino* в отдаленный квартал, где у «Парка роз» он должен был оставить лошадей, так как надо было пройти через парк, а затем по пешеходным тропинкам в горы, к группе домов, красивым пятном выделяющихся на серо-зеленом фоне оливковой рощи, на склоне так называемой «Артиллерийской горы». Эта часть города не славилась хорошей репутацией, но Будимирский знал, что приглашают его не ради выдачи ему монтионовской премии за добродетель, и не монахи, и смело шел вперед, надеясь, а крайнем случае, на свою физическую силу и на неизменного своего спутника, на шесть зарядов Смит и Вессона...

В письме было сказано, что, поднимаясь в гору, он узнает, в какой дом входить по красному фонарю в одном из окон. Он увидел этот огонь и через 10 минут постучал у двери, которая открылась. Женщина, которую в полумраке он рассмотреть еще не мог, за руку повела его наверх. Там он мог при свете лампы и свечей рассмотреть ее, — это была действительно красивая девушка, но с удивительно наглым лицом, грубыми ухватками и охрипшим голосом... На столе был приготовлен разнообразный и обильный ужин и

стояла целая батарея бутылок... Будимирский сразу понял, что его пригласили в засаду, а по количеству бутылок сообразил, что «их» не менее трех человек. Спасти его могло только нахальство...

Поцеловав девушку и сказав ей два-три комплимента, он сел за стол и сказал:

— Ну, зови остальных, вместе веселее будет!

Красавица сделала удивленный вид и разразилась было целой речью, но Будимирский, вместо того, чтобы слушать ее, взял свечу и толкнул запертую дверь в соседнюю комнату.

— Bonsoir monsieur! — обратился он к субъекту, который при первом его движении хотел было скрыться за портьерой. — А ваши товарищи где? Бесполезно прятаться и ждать, когда я напьюсь, чтобы обобрать меня, — поужинаем вместе и разделим, что у меня есть в карманах. Я не дурак, чтобы с вами бороться или кричать караул... Попался, ну и заплачу. Не убьете же вы меня? Вы ведь тоже не дураки...

Девушка хотела продолжать комедию, но субъект, типичнейший «макро», нашел это *drole* и *rigolo*, хлопнул Будимирского по плечу, назвал его молодцом и вытащил из другой комнаты пару таких же сутенеров... Один из них огрызался и зверски посмотрел было на Будимирского, но тот наговорил ему таких смешных комплиментов по поводу его пудовых кулаков, рассказал такой веселый анекдот о силаче-матросе, что у компании сразу установился товарищеский тон... Компания села ужинать, и Будимирский сразу стал душою общества. Сутенеры пили как губки, «князь» и красавица не отставали. Будимирский, казалось, быстро пьянел, и мазурики совершенно успокоились, когда пьянеющий «князь» передал свой «чемодан» (портфель) красавице, «для раздела между этими *braves gens* после ужина»...

Оргия продолжалась добрых два часа. Первый «макро», *Le Lophe*, как его называли друзья, заснул первым же на столе, затем свалился *Becde-Rat*, вместе с «князем», наконец затихли долго спорившие *Gucule d'Empaigne* с *La Comete*, как звали красавицу. Тогда притворившийся Будимирский поднялся, салфеткой крепко зажал рот *Lophe'u*,

связав его простыней, взятой из соседней комнаты, затем повторил эту операцию со всеми прочими персонажами, едва бормотавшими сквозь сон, бегом добежал до коляски, а через полчаса привез из ближайшего депо трех полицейских агентов... Сутенеры и их *La Comete* так напились, что проснулись утром лишь в депо...

Репортеры интервьюировала «князя», полиция была в восторге, наложив руку на шайку грабителей, не попадавшую ей в руки, а пресса писала дифирамбы «русскому князю» и поминала о выгодах и прелестях франко-русского союза.

Утром, в последний день карнавала, состоялась заключительная «*bataille des fleurs*». На «*Promenade des Anglais*» с раннего утра стационарировали толпы народа, на трибунах некуда было яблоку упасть, по аллее шагом двигались роскошные экипажи, сплошь украшенные цветами... В длинной гондоле из белых роз, гвоздики и камелий ехали Иза и Эвелина, — одна в ярко-красном платье итальянки-поселянки Ломбардии, другая в тирольском костюме, «князь» же в костюме гондольера управлял веслом на корме. Красавиц засыпали цветами, и они энергично отвечали тем же, бросая букетики в трибуны, встречные экипажи и толпу. На повороте у *Jetée de Promenade* Иза, взглянув в угловую трибуну, вдруг побледнела и рука ее с букетиком, который она собиралась бросить туда, замерла... В первом ряду трибуны, вытянувшись во весь рост, пораженный удивлением смотрел на нее Дик Лантри, молодой американец, четыре месяца назад так увлекавшийся ею на «*Indo-Chine*». Медленнодвигающиеся экипажи, задержанные чем-то впереди, в эту минуту остановились... Лантри быстро перескочил через перегородку, и не успела Иза вскрикнуть, как он был у ее гондолы и уже целовал ее руку, громко здоровался с «мистером Дюбуа» и хохотал, захлебываясь от радости, что он нашел их. Два *gardiens de la paix* в мгновение ока вытащили американца из толчеи экипажей, где пешие не допускаются, но Иза успела шепнуть ему: «Молчите, — ни слова о нас, — вот адрес, — она бросила ему свою карточку: — мы сейчас будем дома»...

Будимирскому эта встреча была более чем неприятна, но он понимал, что объяснение необходимо и потому не противоречил, когда Иза потребовала от него немедленно вернуться домой. Гондола шагом доехала до выезда из круга и помчалась на Монборон.

«Ерунда, — думал Будимирский, — скажу, что мы путешествовали на Дальнем Востоке *инкогнито*... ввиду... ну ввиду той политической миссии, что ли, которой я был облечен и которая кончилась, почему я здесь и ношу *свое* имя...»

Он так и объяснил метаморфозу, действительно поразившую Лантри, когда последний через час поспешил на виллу «Иза», и жизнерадостного янки удовлетворило это объяснение, но... через несколько минут, когда к нему вышла Иза, и «князь» оставил их, — Лантри услышал другое. Иза, которая испугалась лишь в первую минуту, когда увидела Лантри, была теперь бесконечно счастлива, — она не сомневалась ни в бесконечной преданности, ни в чистой любви этого «практичного» во всем, но с возвышенной душой американца, который не шутил со словами.

Это был первый человек, которому Иза могла вполне довериться, и что-то подсказало ей, что это пора сделать.

Ее простая, безыскусственная исповедь, ее жизнь, полная невероятных приключений, даже ее отношения к таинственным старцам Гималаев не вызывали сомнений в Лантри, — он не мог не верить этим чудным глазам, с такою верою и мольбой об участии обращавшимся к нему...

— Вы знаете, что я слуга ваш... что для вашего покоя и счастья я не пожалею ни состояния своего, ни жизни... Приказывайте, что я должен сделать?

— Ничего, ничего пока... Еще два месяца почти я должна быть здесь... да, два месяца, — дорога месяц... как раз будет 8 лун... Ранее я не могу изменить назначенной мне задаче... Но я чувствую, что вы мне будете необходимы... В чем — не знаю еще... Я часто переживаю ужасные минуты, — у меня подруга есть, правда, чистая и чудная душа, но... она много слабее меня... В ней я не могу поддержки найти...

Лантри долго беседовал по душе с Изой и остался обедать на вилле, ни одним словом, ни выражением лица не выдав Будимирскому, что он узнал, кто скрывается под титулом князя Буй-Ловчинского, какую «миссию» он имел на Дальнем Востоке.

За обедом было большое общество, и веселие достигло своего апогея, когда пенистое вино заискрилось в бокалах... Какой-то мадьярский магнат из прихлебателей собирався произнести спич, когда лакей подал Изе телеграмму на серебряном подносе.

Иза прочла ее, побледнела и молча передала ее через стол Будимирскому. Он быстро пробежал ее и остолбенел, зашатался, чуть не упал, но, видя удивленные взгляды окружающих, быстро оправился...

— Что случилось? — обратился к нему сосед.

— Мой друг в России скончался, — ответил он.

Телеграмма гласила:

«Неделю назад получила твое письмо Ниццы. Спешу сказать, была здесь важная женщина, индуска с китайскими властями, ищут каких-то убитых японцев, твоего англичанина, тебя. Педро не показывался. Пароходом выехали Европу. Послала Педро с этим же пароходом. Чувствую несчастье. Педро пригодится. Он знает твой адрес...»

Телеграмма была от дуэньи, которой Иза написала письмо, устроившись в Ницце.

Будимирский быстро покончил с обедом и увлек Изу в будуар. Он молчал, но лицо, перекосившееся от ужаса, говорило, что он чувствовал.

— Что ты скажешь? — прохрипел он наконец.

— Что же мне сказать? — Это начало конца, — ответила ему Иза.

— Я убью ее, если она найдет меня! — крикнул он.

— Нет, тебя ждет другой конец, — пророчески подчеркнула Иза.

«В ОСТАТНУЮ!»

Авантюрист, точно новобранец, который вынул несчастный номер и ему остается лишь несколько дней до «забрития», — закутил, закружился так, что если не Иза, то Дик Лантри, теперь не отходивший от нее, в ужас приходил.

«Будь, что будет, — наплевать, — après nous le déluge, — повторял Будимирский в те редкие минуты просветления, которые ему оставляли оргии и когда слабый голос совести взывал к нему. Изредка ему казалось и возможной и необходимой даже новая борьба с Ситревой, борьба хотя бы лицом к лицу с ней, но после краткого размышления он ясно видел, что к такой борьбе, более честной, он не способен, уже потому, что он один, а за *той* — целая могучая и таинственная секта... Бежать? Но куда? Если это было возможно неизвестным и малоизвестным Будимирскому и мистеру Найту и фиктивному Дюбуа, то более, чем трудно Буй-Ловчинскому, миллионы которого связывают его, который окружен громадным космополитическим обществом, которого могут узнать теперь в любой стране, ибо к отшельнической жизни он не способен и везде будет вертеться в том же веселящемся и жуирующем обществе... Что же делать? Ничего, — ждать, что будет, и действовать, смотря по обстоятельствам... «Великие полководцы никогда не составляли планов баталиям своим» говорил себе Будимирский и в ожидании безумствовал так, что те немногие порядочные люди, которых можно было насчитать в его кружке, — отвернулись от него. От этого он, конечно, один не остался.

На вилле «Иза» оргия начиналась с утра.

Три-четыре настоящих «растакуера», из коих один был почти соотечественник, бежавший от добрых дел из России, полячок, допускались присутствовать при вставании амфитриона и его первом завтраке, за которым компания так выпивала, что уже к 12 ч. дня была готова...

Где-то на дороге по Корнишу, между Ниццой и Болье, в маленьком ресторанчике, авантюрист, остановившись, чтобы прохладиться коктейлем, услышал цыганский квинтет. Довольно-таки ободренные богемцы играли превосходно... Авантюрист заслушался их страстных мелодий. Горькие жалобы скрипки, стоны альты и слезы гитары сжимали ему сердце неведомой дотоле тоской, но тоской, казавшейся ему родной, как родным казался и разудалый буйный чардаш, взвинчивавший сразу его ослабевшие нервы...

Он попросил позвать к себе старшего... Старик-богемец в лохмотьях национального костюма на расспросы Будимирского рассказал ему очень грустную эпопею, хотя и старую историю: антрепренер завез их во Францию, разорился на выставке и бросил, а они, без средств, стали опускаться ниже и ниже и не могут уже играть в приличных ресторанах, на эстрадах, за неимением костюмов, — должны, как здесь, из-за перегородки улаживать слух «ничего в нашей музыке не понимающих французов...»

— Я русский, — заметил ему авантюрист.

— Это дело другое, — вам слышится раздолье степей ваших в наших песнях, — у нас тоска одинакового с вашей происхождения...

— Я вас возьму к себе, — сто франков в день... хорошо? — спросил «тоскующий степняк».

Старик рассыпался в благодарностях.

— А это, — Будимирский подал ему тысячефранковый билет и свою карточку, — чтобы вы как можно скорее оделись прилично в свои костюмы и явились ко мне...

Этот цыганский оркестр и играл по утрам в соседней со спальней Будимирского комнате, а Будимирский, слушая его, пил и нередко плакал пьяными слезами, утверждая «растакуерам», что в нем еще сохранилась искра Божья...

— A! Oui! La nostalgie... largueur d'âme, les tristesses des steppes, si bien peintes par Maxim Gorkhi, — изрекал глубокомысленно тоже бывавший на этих утренниках ради изучения «широкой русской природы» молодой, но с претензиями писателя новой французской школы «натуралистов», оскорблявшийся когда их смешивали с натуралистами.

— Дура ты полосатая, — говорил Будимирский «натуристу», ни слова не понимавшему по-русски, — идиот из тебя получится, если ты русскую душу на мне изучать будешь» — и на вопросительный взгляд француза *переводил* ему сказанное — «рафинированному уму цивилизованного француза трудно постичь глубину полудикой души русского...»

Француз раздражался в ответ целой речью, говорил, что он знает уже и эту характерную черту русских — самоунижение, воспевал русскую душу, остававшуюся для него потемками, пил за «благородного представителя удивительной нации будущего» и... делал заметки в хорошенькой записной книге, заметки для будущего романа из русской жизни...

Зачастую, довольный французом, Будимирский увозил его со всей компанией в «London House», шикарный ресторан, chef которого когда-то был поваром князя Демидова-Сан-Донато и за бешеные деньги подавал русским гостям гречневую кашу, кулебяки, солянки и прочие блюда российской кухни.

Француз с компанией пил смирновку, наливки и квас, ел селянку, кулебяку, кашу, записывал «документы», а затем... посылал за доктором, которому и жаловался, как трудно писать роман из русской жизни, добросовестно изучая ее действительность...

Незадолго перед этим на пути из Парижа в Ниццу посеяла остатки своей «русской» труппы кафе-шантанная певица-антрепренерша Илья Огай... Часть остатков этих отправили на родину консульство и русские благотворители, а певца малороссийских песен, по имени Каганец, подобрал Будимирский в свой штат увеселителей, к которому пристроились уже беглый матрос Иван Гусаков, артисти-

чески певший «Не белы снеги» и «Лучинушку», патентованный международный вор Чарльз Бук, променявший карманную профессию на должность лейб-танцора при «дворе» русского князя и действительно мастерски изображавший «джигу» и, наконец, турецкий джентльмен, атлет по профессии и сказочный пьяница, которого Будимирский одел в какой-то фантастический «кавказский» костюм и возил у себя на козлах вместо выездного... Последнее редко удавалось Будимирскому, потому что Рустем был почти всегда пьян, но на ночных оргиях авантюрист требовал его на сцену и силач-турок боролся с отщепенцами, сзываемыми с улицы, в голом виде, и до коликов смешил авантюриста, пьяное воображение которого к ночи становилось особенно развратным...

После завтрака пьяная компания направлялась или в Монако, где в Казино Будимирского со товарищи два раза уже не впустили «en vue de l'état d'ivresse», или в один из тайных притонов игры, куда клиенты допускались во всяком *etat*... Здесь авантюрист играл отчаянно и в отчаяние и радость приводил крупье и банкометов, то срывая банки, то проигрывая сотни тысяч. Шайка растакуеров в особенности любила эти поездки к *petit Jean* и другим содержателям «маленькой рулетки», где они проигрывали за счет своего амфитриона, а выигрывали за свой. Впрочем, они охотно ездили за терявшим разум авантюристом всюду, ибо нигде не платили, удовлетворяя все свои прихоти и зачастую подчиняясь оскорбительным требованиям Будимирского. Однажды в «Café de Paris» в Монако он позволил прихлебателям своим пить все вина и ликеры, какие кто хочет, но не иначе как пополам с водкой русской; другой раз в «London House» он, уверяя, что это чисто русский напиток, который пьется стаканами, приготовил смесь из 90% арака, бенедиктина и огуречного рассола... В пьяную минуту он предложил по телеграфу находившейся тогда в Лионе красавице Отеро приехать на три «гастроли» по 10 тыс. франк. за гастроль и перевел ей телеграфом аванс в 10 тысяч... Красавица, думая, что она имеет дело с антрепренером, прикатила, но не раскаялась, узнав, что не на сцене

какого-нибудь кафе-шантана, а на вилле «русского князя» будет показывать свое роскошное тело и пресловутые брильянты. Будимирский в течение трех ночных оргий подавал ее гостям во всех видах, и имитируя другого самодура, в заключение подал ее в колоссальной лохани, в шампанском, которое и заставил пить гостей своих до тех пор, пока красавица оказалась à sec. Они были так пьяны, что не только не брезгали, но пили в энтузиазме неописуемом, — им противно стало лишь на другой день, когда красавица, уезжая в Париж с 30-ю тысячами франков и рубиновой парюрой в 25 тысяч, рассказала «натуристу», что если в лохань было влито 50 бутылок, то выпито было из лохани во всяком случае 51.... «Le vous jure, corps nu, que je n'exagère pas...» — добавила она.

«Натурист» отметил и этот «характерный» факт, рядом с «дивным исполнением “Лучинушки” Гусакова, истинного “fils de steppe”», напитком из бенедиктина и рассола и многими непечатными анекдотами, репертуар которых у Будимирского был неограничен.

Оргии на вилле «Изы» не приводили в смущение только Изу и Эвелину, которые с Диком Лантри проводили вечера в отдаленной части виллы, куда не доносился визг цыганских скрипок, звон посуды и дикие крики пирующих, — вся же Ривьера только и говорила о них: чопорная часть общества — с отвращением, полусвет — с завистью. «Эти дамы» знали, что ни одна из побывавших на этих оргиях не возвращалась без ценного подарка, который становился баснословно дорогим, когда «она» умела понравиться амфитриону какою-нибудь эксцентричностью или просто бесстыдным упорством, и все «они» добивались попасть на эти конкурсы бесстыдства, как называли в Ницце оргии «князя Буй-Ловчинского»...

В эту ночь оргии не было, — Будимирскому трудно было сидеть... а прихлебатели летали по редакциям газет и просили не печатать о предосудительном инциденте. «В возмещение убытков» редакции получали каждая стоимость 10.000 номеров, но... «Petit Niçois» на другой день рассказывал «инцидент» в виде китайской сказки, в герое которой,

мандарине Буй-Луи, вся Ницца узнала Буй-Ловчинского... Та же газета выдала Будимирского, когда он стал жертвой мистификации и заплатил 10 тысяч за *настоящую* «черную мессу», устроенную ему каким-то мазуриком, попросту в публичном доме второго разбора...

Он утешался мыслью, что не он первый попался на удочку, на которую во Франции так ловко ловятся богатые и «любопытные» иностранцы, продолжающие верить, что «черные мессы» практикуются действительно, но что на них без крупных жертв попасть нельзя...

Обман этот Будимирскому был обиднее порки в конюшнях цирка, и на другой день он, через танцора своего, подкупив два десятка английских матросов, разнес вдребезги «дом», в котором ему устроена была мистификация, а ту, которая играла в этой «мессе» главную роль, отдал на поругание пьяным матросам...

Этот скандал вышел из границ, и Будимирский ожидал вызова к судебному следователю, когда... из Суэца была получена телеграмма от молочного брата Изы о том, что «он и компания» едут благополучно...

У Будимирского голова трещала с похмелья, когда часов в 8 утра, до прибытия прихлебателей, Иза вошла к нему в спальню и дала ему прочесть эту телеграмму... Через четыре дня «красная феска» будет здесь, а через неделю-две — может отыскать его и Ситрева...

Похмелье у него как рукой сняло, и он с нескрываемым страхом смотрел на Изу, которую за минувшие четыре недели видел раза два, не больше, и которая теперь удивлялась перемене в лице своего «палача»...

Страх перешел в бешенство, — разразилось оно настоящим припадком. Будимирский рвал и метал, колокольчиком разбил вдребезги громадное трюмо, изорвал на себе халат, распорол ножом подушку... Пена выступила на губах, когда он обессиленный упал в кресло.

Иза спокойно наблюдала этот кризис и, когда он миновал, позвонила и приказала лакею никого не принимать, — «князь болен». Будимирский ни слова не сказал на это распоряжение, но когда лакей ушел, он спросил Изу:

— Ты так спокойна, что можно думать, будто у тебя план готовь для бегства...

— Бегства? Нет, бегство бесполезно. Довольно этой проклятой жизни... Куда бы ты ни пошел, она найдет тебя и... остатки своих миллионов. Но если я не знаю ее целей и твоей миссии, то я знаю, что для человечества и те и другая вредны... И потому... ни тобой, ни миллионами этими она не должна владеть. Выслушай меня. Я все время спокойна была за будущее, потому что оно мне обещано, — я не знала деталей, — теперь я их знаю... В эту ночь, перед тем, как получить депешу от Хозе, я была там... Я видела старца, и он сказал мне, что я должна сделать, что *ты* должен сделать, если хочешь быть свободным от этой женщины и впоследствии употребить эти деньги... по твоему усмотрению. Готов ли ты теперь, можешь ли спокойно выслушать меня?

Припадок бешенства сменился в нем полным спокойствием, и он не знал, чему улыбалась так лучезарно Иза, видевшая то, видел он, — старца, который положил руку на голову Будимирского, влив в него абсолютный покой...

— Говори, — прошептал Будимирский.

Тихая, нежная речь ее потекла, как ручей весенний в ясный день, перешла в страстный, бурный поток и кончилась опять спокойно.

Будимирский несколько раз перебивал ее страстными восклицаниями:

— Нет! Ни за что! Заживо умереть? Никогда! Безумие!— но реплики его раздавались реже и реже...

Старец не снимал руки своей, и сила его заливала последние вспышки внутреннего огня, укрощала незадолго перед тем бесновавшегося авантюриста.

«Она говорит не умереть, а *уснуть*... умереть для других лишь, для всех, но жить в себе, уснуть, чтобы проснуться по желанию, когда хочу» думал он. «Да, уснуть хорошо бы... надоело все это... сон лучшее забвение... а если... если она забудет, не захочет разбудить меня?»

— Иза! Но ты даешь ли клятву мне, что я проснусь?

— Клянусь всем святым для меня, будущей бесплотной жизнью моей! — воскликнула с жаром Иза.

— Иза, ты должна понять, как трудно мне согласиться на это, поверить, пусть...

Он не договорил... дыхание замерло в груди его... Перед ним вдруг за клубился голубоватый пар, и из него выделилась фигура старца...

— За нее клянусь тебе, что по воле моей ты проснешься в свое время к новой жизни и подвигам, обновленный, чистый...

Старец исчез.

Будимирский лежал в обмороке.

По Ницце распространился слух, что князь Буй-Ловчинский серьезно заболел. На вилле «Иза» никого не принимали.

XIX.

ПОТРЕВОЖЕННАЯ ЛЬВИЦА.

На время нужно вернуться к одной из героинь первого нашего романа.

В присутствии всего тянь-тзинского гарнизона, иностранной колонии и массы народа Ситрева была казнена, расстреляна, а между тем она через полгода появилась в Гон-Конге, и Будимирский ожидал ее в Ницце. Как могло это случиться? В ту ночь, когда Будимирский бежал из Тянь-Тзина, Ситрева, как мы знаем, заперлась в своем доме в Цзы-Чжу-Лине, в двух часах расстояния от Тянь-Тзина. Когда Будимирский волочил нарочно ее покрывало в крови, она поняла и пришла в восторг даже от его плана замести следы, оставив все доказательства того, что он, Будимирский, был убит в своей квартире, а тело его украде-

но. Но в первую же ночь ей пришло в голову, что когда квартиру откроют и найдут ее покрывало, то убийцей признают непременно *женщину*, а затем могут и до нее добраться. Мысль эта отнюдь не испугала ее, — наоборот, она нашла план Будимирского еще великолепно. «Как я верю в него, так он был уверен во мне... Он *знал*, как я выпуталась из этого положения» думала ослепленная страстью жрица.

Она немедленно же приняла меры.

В ответ на ее удар в гонг появился слуга.

— Позовите ко мне «Жаждущую Лилию», — приказала она, — и через минуту, скромно опустив глаза, в комнату вошла индуска, дивно сложенная красавица-девушка.

— Аум! — воскликнула она, приблизилась к жрице, стала на колени и облобызала край ее платья.

Когда она подняла свои глаза на Ситреву, в них можно было прочесть не только святую любовь и безграничную преданность жрице, — в них пылал всепожирающий пламень фанатизма...

— О! Она за меня на костер пойдет! — решила жрица и спросила ее:

— Жаждущая Лилия! Кажется мне, что час твой пробил... Что ты утолишь свою жажду... Готова ли ты послужить мне?

Красавица ответила ей взрывами энтузиазма.

— Что нужно сделать? Куда идти? Жизнь свою положу за тебя, богиня! Приказывай! — точно в горячке воскликнула она, и в полумраке высокой сводчатой комнаты казалось, что из ее глаз сыпались искры.

— Жизнь... Нет! Не думаю! Но... близко будет, должно быть, и к этому... Я жду, что не сегодня-завтра меня начнут преследовать... Европейцы знают, какими богатствами мы обладаем, и подозревая цели наши, приложат все старания отнять их у нас... Очень может быть, что они схватят меня... Чтобы заставить меня выкупиться, они на все пойдут, — обвинят меня в каком-нибудь преступлении, заточат в тюрьму...

— О, богиня! Если бы я могла за вас перенести все эти страдания! — перебила ее Жаждущая Лилия.

— Судить будут... пытаться... на казнь поведут... — продолжала Ситрева.

— Богиня, богиня! Ради Будды всесильного и славы Востока, дай же мне выстрадать все это! — еще с большим жаром воскликнула индуска.

— Да! Я с такой же готовностью за наше святое дело пошла бы на все эти пытки, как и ты, но... именно дело наше требует, чтобы я оставалась на свободе, и вот... я подумала о тебе!

— Как?! Значит мечты мои осуществляются? О! Трижды благословен будет Будда! Богиня, — учите меня, приготовляйте! Я на все пойду...

— Я знаю и вижу твою веру и преданность, но нужно *суметь* мою роль сыграть. Слушай меня...

Долго и толково учила Ситрева горящую фанатизмом красавицу, предусматривая самые мелкие детали, каждую вероятность и случайность, а когда позднее на ночное служение собрались все жрецы и верующие, весь ее штат приближенных и главарей секты, перебравшихся за нею из Пекина, после его взятия, она, после молитвы и поклонения ей, объяснила и им свой план. Перед волей ее преклонились.

Отныне Жажущая Лилия стала Ситревой, а Ситрева — ее служанкой, Жажущей Лилией. Обе переменились костюмами и принадлежностями их рангов, — Ситрева оставила себе лишь дубликат того талисмана, который был увезен Будимирским.

Прошло четыре дня, — Ситреве надоело уже у себя же в доме играть комедию, когда рано утром она проснулась от грохота в ворота. Она взглянула в окно. У павильона, что близ ворот, виднелась группа военных всадников, китайцев и европейцев, и вдоль всей ограды рассыпалась цепь казаков. Ситрева молнией бросилась в пристройку, соединенную коридором с главным зданием, в комнату служанок и разбудила Жажущую Лилию...

Через две минуты эта улеглась в еще горячую постель Ситревы, а Ситрева с двумя другими служанками, низко кланяясь, открывала двери уже вошедшим во двор дзян-

дзюню с главным амбанем, которых сопровождали толстый немецкий майор, переводчик, казачий сотник, несколько гаврилычей и связанный по рукам и ногам Мо...

— Wo is die Herrin? — строго крикнул майор.

— Где ваша госпожа? — поспешил перевести переводчик.

— Нам нужно вашу госпожу, Ситреву, — прибавил амбань.

— Она спит еще! Ее нельзя будить! — отвечала по-китайски Ситрева, уже перемигнувшаяся с Мо, который вытаращил сперва глаза, узнав Ситреву в служанке, но быстро понял эту метаморфозу.

— Ведите нас к ней! — приказал майор. Служанки умоляли не будить госпожу, которая долго молилась в эту ночь, но... сдались, и через пять минут Лилию, найденную спящей, увозили в Тянь-Тзин связанной...

Мы знаем уже, как спокойно-дерзко она молчала на все вопросы, как ее судили, как ее расстреляли...

Дом в Цзы-Чжу-Лине был тогда же весь разграблен, а слуги и сектанты разбежались, но Ситрева все, ее компрометировавшее, в первую же ночь, когда обрекла Лилию на смерть за себя, перевезла в более безопасное место, которое вперед назначила сборным пунктом на случай разгрома и где после его нашла всех своих слуг и сподвижников...

Безопасным местом этим Ситрева избрала дом одного из своих жрецов в самом Тянь-Тзине и оказалась права, ибо грабежи здесь уже прекратились, а Вальдерзее рассылал свои карательные экспедиции вглубь Печили и других провинций, в самом же городе было тем более тихо, что комендантом Тянь-Тзина был назначен уважаемый русский генерал, человек энергичный, сразу положивший конец грабежам и беспорядкам.

Оставаясь в Тянь-Тзине, Ситрева через многочисленных агентов своих все время поддерживала сношения с бежавшим в глубь страны двором императрицы, деятельно агитировала, уже подготавливая новое восстание в дальних провинциях, и с нетерпением ожидала вестей от Хако и Моту, после того, как после долгих ожиданий узнала из подложной депеши Будимирского, что он и агенты ее выехали

благополучно в Европу, *устранив препятствия*. Она возблагодарила тогда Будду, но когда после этого прошел месяц и другой, а она не получала известий, Ситрева беспокоилась. Прошел и третий месяц, прошел и четвертый... Беспокойство жрицы перешло в тревогу, которая все усиливалась и разрешилась наконец рядом депеш к ее агентам в Лондоне и Париже, японскому консулу в Гон-Конге и директору банка.

Из полученных ответов Ситреве стало ясно, что Будимирский чеки получил и уехал в Европу *один*, т. е. без японцев, куда-то исчезнувших, но... с женщиной. Полетели новые телеграммы, и вскоре Ситрева узнала, что в Лондоне и Париже Дюбуа получил деньги беспрепятственно и, где он теперь находится — банкам неизвестно...

Ситрева верила еще, верила глубоко Будимирскому, властные, пламенные глаза которого и теперь смотрели прямо ей в сердце, но... она могла думать, что Будимирского-Дюбуа постигло какое-нибудь несчастье... Ее беспокоила не участь денег, не потеря миллионов, а участь *дела*, судьбу которого она вручила первому мужчине, власть которого почувствовала она, всегда властвовавшая.

Собаться ей было недолго, но взять с собою свиту из китайцев, которые никогда не отрешатся от своего национального костюма, нельзя было, и ей пришлось ждать две недели, пока глава секты из Йокагамы не прислал ей трех японцев, членов секты, бывавших уже в Европе. С ними она и приехала в Гон-Конг, где без большого труда она напала, при помощи консула и его полиции, на следы Будимирского, Хако и Моту в Макао.

Здесь, однако, власти были португальские, и все старания и попытки японцев раскрыть преступление, которое они чувствовали, если не видели, — ни к чему не привели.

Хозяин японской гостиницы уверял, что вещи Хако, прожившего у него лишь сутки, перевезены были по его требованию в «Boa-Vista», а Дон-Хозе и прислуга его показывали, что японец в тот же день выехал в Гон-Конг, поужинав в незнакомой им компании. При помощи консульской ищейки Ситрева с японцами добралась и до гащиенды на

берегу перешейка, но, напугав старуху-дуэнью, не добилась и здесь ничего, убедившись лишь в том, что «миссионер» жил здесь, оставил здесь даже свою высокую жилетку и чемодан и уехал отсюда с Изою ди-Торро, вдовою русского офицера Бушуева.

Из Гон-Конга еще раз спрошены были агенты Лондона и Парижа, но, получив от них тотчас же ответ, Ситрева решила ехать в Европу и отправилась с японцами на первом же пароходе. Метис, который в Макао прослышал о том, что «ищут пропавших японцев», благоразумно не показывался в га-ciенде, покуда там не побывала «экзотическая следственная комиссия», как в насмешку называл Ситреву «генерал-секретарь» Макао, но как только Ситрева вернулась в Гон-Конг, он бросился к старухе-дуэнье, с которой посовещавшись, решил ехать в Ниццу с целью помочь в случае нужды Изе.

Морское путешествие совершилось безо всяких приключений, но на Ситреву оказало немалое влияние. Сперва чуждавшаяся «варваров», она пробыла первые три дня в каюте почти безвыходно, но мало-помалу стала привыкать к тому, что она одна среди европейцев-врагов, стала появляться за табльдотом, интересоваться даже этими врагами. Прежде чем быть жрицей и «богиней» секты своей, Ситрева была *женщина*, которую *разбудил* Будимирский и для которой Криницкий был только сном, и эта женщина не могла оставаться равнодушной к тому восторгу, который вызывала среди пассажиров ее восточная опьяняющая красота. Чаше и чаще она проводила вечера на палубе, около Сингапура она уже ответила на какую-то любезность блестящего французского офицера, раненого в отряде генерала Вуарона и возвращающегося во Францию, а когда стимер вступал в Красное море, она уже по часам беседовала с ним.

В Средиземном море уже Ситрева была другой женщиной, — европейская цивилизация, с которой она до сих пор была так поверхностно знакома, страшно повлияла на ее тонкий ум и чуткое сердце, и, быть может, первым результатом влияния этого было то, что властный образ Будимирского постепенно исчезал из ее воображения... Его

место занимал не капитан д'Анжу, хотя, как мужчина, он не мог не нравиться ей, но десятки, сотни изящных, образованных, вежливых европейцев, которые «варварами» уже не казались ей.

Эту метаморфозу с красавицей-индуской не мог не заметить издали следивший за каждым ее шагом метис, молочный брат Изы, ехавший в третьем классе, а потому не вызывавший внимания Ситревы, но, несмотря на то, что метис в этой красавице видел прежде всего врага Изы, ее красота все более и более увлекала пылкого южанина и положительно сбивала его с толку. В Суэце он не выдержал, вышел на берег, оделся прилично по-европейски и доплатив, что следовало, занял каюту во втором классе только для того, чтобы иметь право быть с нею на общей палубе 1 и 2 класса, «чтобы лучше следить за нею», как он сам себя обманывал.

Провидение покровительствует влюбленным. В первый же день в Средиземном море метису удалось поймать и вернуть Ситреве ее покрывало, сорванное ветром; на другой день, следя за ее глазами, он понял, что она ищет свой веер, и быстро подал его; в тот же день он помог ей подняться по крутой лесенке на площадку над рубкой. Ему отвечали улыбкой, на другой день ответили на поклон, а вечером, когда д'Анжу оставил на пять минут Ситреву одну на палубе, она сама заговорила с метисом, попросив позвать из первого класса мистера Кимо, японца, которого отпустив сейчас же, успела перекинуться несколькими фразами с метисом до возвращения д'Анжу.

Метис с его пламенными, страстными взорами понравился ей больше еще, чем французский офицер, — тот смотрел на нее как на высшее существо, — этот — как на женщину просто, на которую приятно смотреть, но сблизившись с которой можно скомпрометировать себя. Ситрева это чувствовала и внутренне смеялась над д'Анжу. Она уже оценила прелести европейских женских костюмов, декольте и манш-курт, в которых спускались к обеду англичанки, вырезы-карэ, модные прически, изящную обувь и т. д. и думала о том, какое бы впечатление она произвела на д'Ан-

жу, одетая европейской дамой. Метис же боготворил ее и в восточном костюме, скрадывавшем формы, скрывавшем их прелесть.

Перед Бриндизи она знала уже социальное и материальное положение метиса, «ехавшего в Европу, чтобы найти себе хорошее место, но соглашавшегося и в Азию вернуться» и, недолго думая, предложила ему место у себя: «Мне необходима будет европейская прислуга, — командуйте ею» сказала она, назвав бы это место «мажордомом», если бы она знала это слово.

Благодаря этому, он мог из Бриндизи телеграфировать Изе: «Высадились, отправляемся в Лондон».

В Лондоне Ситреву ждала та же неудача. Monsieur'a Дюбуа помнили и в банках и в «Cosmopolitain», но, кроме того сведения, что выехал он в Париж, — других она добиться не могла; в Париже же ей в банках сообщить могли лишь то, что Дюбуа получил деньги... Очевидно, что он поместил их в другие банки и под другим именем, но под каким — ей никто сказать не мог.

Ситрева была бы в отчаянии, если бы ее не сопровождали д'Анжу и Педро, но дальше Парижа первый ехать не мог, — он был у себя дома, и увлечение его восточной красавицей не распространялось настолько, чтобы практиковать его под всеми широтами.

В Париже д'Анжу добился свидания с Ситревой, но так как он еще не устроился по-столичному, то для свидания этого он воспользовался *garçonnière* своего отсутствующего приятеля, который недавно вернулся из Ниццы после карнавала и уехал, вызванный телеграммой к больному отцу.

Свидание это кончилось совсем неожиданным образом для д'Анжу.

Ситрева не могла еще видеть таких «уголков любви» чисто парижского типа, и, едва раздевшись, стала рассматривать маленькую изящную квартирку, переполненную всевозможными *bibelots*...

То с удовольствием, то с миной презрения она рассматривала европейские «ненужности», так украшающие наши

обиталища, как вдруг дико вскрикнула... На столе в гостиной лежала кipa номеров светского ниццского журнала «Le Monde Niçois» и на первой странице верхнего из них красовался портрет... Будимирского.

— Прочтите мне, кто это,— попросила Ситрева, в глазах которой пошли круги.

— «Prince Boui-Lovtchinski»,—прочел д'Анжу.

— Где он живет?

— В Ницце, конечно, если не уехал, — оттуда уже разъезжаются, весна...

— Прощайте, — перебила его Ситрева и стала одеваться.

Напрасно и умолял и требовал д'Анжу, чтобы она осталась, — Ситрева, не объясняя своего внезапного бегства, молнией бросилась к себе в гостиницу и вечером со свитой выехала в Ниццу.

Педро успел едва-едва дать депешу Изе: «Завтра будем в Ницце».

XX.

ЖИВОЙ ПОКОЙНИК.

Будимирского нельзя было узнать. Была ли то сила старца, одним наложением руки своей преобразовавшего буйного человека, или он покорился неизбежности, понимая, что не прошибет лбом стены, и веря безусловно Изе, но авантюрист безропотно отдал себя в руки ее, не интересуясь даже тем, что она с ним делала. Совершала же она над ним великое деяние радж-иогов Индии, почти таинство, входящее в круг испытания всех адептов великой секты ведантистов, желающих получить степень махатмы. Радж-иогом, или махатмой, Иза не собиралась делать Будимирского, это было невозможно, для этого

ему нужно было переродиться совершенно, стать нравственным человеком, незапятнанным, чистым душевно, но у старцев далеких Гималаев был свой план, ничтожную частицу которого только они открыли Изе, и Иза, слепо повинаясь им, привела его в исполнение, не мудрствуя лукаво, не рассуждая, зачем святым отцам, ушедшим от всего мирского, «живой труп» Будимирского и миллионы...

Радж-йоги к продолжительному усыплению приготавливаются долгим постом, сосредоточением, молитвой... Таким путем приготовить Будимирского нельзя было и за недостатком времени и за неспособностью его к сосредоточению, за неверием его ни во что святое, чистое. Нужны были другие средства и средства героические.

С Эвелиной она съездила на Avenue de la Gare к дрогисту и накупила у него массу медикаментов, а, вернувшись домой, при помощи Эвелины и Дика Лантри устроила нечто вроде лаборатории у себя в павильоне.

Сильным средством очистив желудок Будимирского, она стала давать ему каждый час какое-то успокоительное, *не усыпляющее* его, но действовавшее так, как не могут подействовать сильнейшие дозы брома и камфары.

После десяти приемов уже Будимирский, совершенно обладая памятью и всеми мыслительными способностями, напоминал видом своим не то манекена, не то кретина; он ничем не интересовался, ничто не волновало его, он не оборачивался на шум открывающейся двери и только медленно поднимал глаза, когда к нему подходила Иза, и слабым голосом отвечал на ее вопросы.

В первый день Иза дала съесть ему в общем три яйца с хлебом и три стакана молока, на второй — два яйца и два стакана молока, затем — одно яйцо и два стакана молока, количество которого стала уменьшать с пятого дня... Будимирский не требовал больше, аппетита не было. Он не страдал, но таял буквально по часам...

На другой же день, когда двери виллы были закрыты для всех растакуеров, по совету с Изой, Дик Лантри пригласил известного ниццкого врача Рабастена к *больному*... Врач не мог ничего определенного сказать, он констатировал лишь

странную *апатию* и некоторый упадок деятельности сердца при отсутствии каких-либо других болезненных симптомов и при наличии совершенно сбивавшего его горячего огненного взгляда больного, когда температура его показывала 36,4 всего... Рабастен пожал плечами, но прописал какие-то порошки и микстуру, «куриный суп» и еще что-то, за что и получил стофранковый билет и приглашение посещать больного ежедневно.

Ни второй, ни третий визит ничего, конечно, не выяснили доктору (вряд ли нужно прибавлять, что лекарства его выливались и уничтожались Изой, систему же диеты преследовали собственную), он мог констатировать лишь, что больной поистине тает без всяких видимых причин, отнюдь не беспокоясь о своей болезни... Он предписывал и вино, и развлечения, и прогулки на воздухе, и порошки, и микстуры, но ничто не помогало... На пятый день, когда Будимирский похудел уже очень сильно, Рабастен пригласил двух известных врачей на консилиум, но и последний не мог помочь.

«Надо выписать из Парижа X...» решил консилиум... Иза ничего не имела против, и через два дня, обеспеченный 10-ю тысячами франков, в Ниццу явился известный профессор только для того, чтобы пожал плечами и получить деньги... Правда, наедине с Рабастеном, приятелем, который в течение сезона, не раз вызывая его, давал зарабатывать знаменитости крупные куши, он высказал мысль, не находятся ли они перед отравлением каким-нибудь неизвестным растительным ядом, но Рабастен успокоил его, да и он сам отказался от этой мысли при виде честных невинных глаз Изы, которая одна ходила за больным, кормила его и давала лекарства. Тем не менее профессор осторожно высказал свое подозрение и больному.

Будимирский слабо улыбнулся, но ответил спокойно и здраво: Иза — святая женщина и вокруг него — только друзья. Его не удивляет такая болезнь, такой конец — конец, ибо он сознает, что умирает. Он вел эксцентричную жизнь и ее конец должен быть эксцентричным. Так, кажется, умирают долговечные старики, жившие свято, для них это

естественный конец, для него же эксцентричный, неожиданный... Ему следовало бы умереть от прогрессивного паралича, например, а он, как святой, тихо без страданий отойдет в вечность... Нет, — беспокоиться гг. докторам не следует, он умрет на законном основании, в смерти его никто не повинен.

О болезни и несомненно предстоящей кончине «миллионера» и «русского князя» в Ницце только и говорили в салонах, еще не закрывшихся, на гуляньях и скачках, на бульварах и в кафе, и интерес к больному достиг своего апогея, когда стало известным, что князь Буй-Ловчинский перед смертью хочет сочетаться законным браком с красавицей Изой, которую до сих пор он выдавал за свою сестру и которая, к удивлению всех болтунов, оказалась «вдовой русской службы поручика Бушуева», Изой ди-Торро, дочерью португальца.

Да, вопрос о браке решен был уже на второй день после того, как из Суэца получена была депеша от Педро и приступлено было к усыплению. Брак предложила *Иза*, и Будимирский не высказал никакого удивления по этому поводу, так нужно было, а почему — он не интересовался, ему теперь было все равно, он верил *Изе*...

В тот же день из муниципалитета приглашен был чиновник, утвердивший полную доверенность князя Буй-Ловчинского американскому подданному Дикю Лантри на ведение дел, и Дик Лантри уехал в Париж, где вынул из банков все деньги и бумаги Будимирского. Когда он вернулся, состоялся двойной обряд гражданского и церковного брака, совершенный над Изой и умиравшим Буй-Ловчинским. Зачем был этот брак? Куда положил Дик Лантри миллионы, взятые им из парижских банков? Мы об этом не скоро узнаем... тот же, кто последнее время считал себя властелином *Изы* и хозяином миллионов, не интересовался ничем, приближаясь к Нирване.

Последние дни Рабастен не отходил от больного уже не ради гонорара, а во имя науки, следя за каждым движением таявшего «князя», наблюдая каждый удар его пульса и ломая голову над непонятным ему явлением.

Иза получила в свое время депешу из Бриндизи от Педро, а затем и из Лондона о приезде Ситревы со свитой и спокойно продолжала свои манипуляции, но когда ей доставлена была телеграмма о выезде Ситревы в Париж, она прекратила давать Будимирскому и те несколько глотков молока, которыми питалось еще его тело. Всю ночь после получения этой депеши от Педро Иза из различных медикаментов и наваара трав готовила какую-то жидкую слабо-пахучую мазь, которой утром натирала все тело Будимирского, уже исхудавшего как скелет. В этот день, на другой и на третий она по три раза в день производила эту операцию... Будимирский, очевидно для каждого, умирал... Утром на третий день он уже не мог двинуть ни одним членом, жизнь светилась только в лихорадочно блестящих глазах, устремленных целыми часами в одну точку и полных такого осмысленного выражения, которым они никогда не светились... Способность говорить он уже потерял два дня, а на третий день к вечеру сердце его перестало биться... Иза, не медля, совершила заключительную операцию: раскрыла ножом рот мнимоумершего и, свернув его язык, герметически закрыла им горловое отверстие.

Ночью приглашенный Рабастен констатировал смерть. Иза была совершенно спокойна, она волновалась лишь в течение 2-х часов между моментом получения последней депеши Педро из Парижа и моментом, когда Будимирский для всех, кроме нее, стал трупом.

Само собою, Иза не могла горевать от мнимой смерти, ею устроенной, но 11 дней почти без сна, 11 дней напряженных нервов и работы сказывались на ее прелестном лице, и она имела вид исстрадавшейся, неутешной вдовы, слезы которой иссякли уже, которой овладела апатия.

На дворе уже был апрель. В окна громадной парадной залы виллы с лепным потолком и великолепно расписанными панно врывался живительный весенний воздух и яркий свет, боровшийся с желтым светом четырех погребальных свечей, стоявших вокруг катафалка, на котором в гробу покоилось тело «живого покойника»...

Иза знала, когда приходит экспресс из Парижа, и, рассчитав, сколько нужно времени экипажу доехать с вокзала до виллы (она уверена была, что Ситрева, не заезжая никуда, явится прямо на виллу) заняла место у изголовья катафалка, как раз вовремя...

Катафалк, гроб с телом покойника, коленопреклоненная фигура красавицы Изы в глубоком трауре, в трауре же Дик Лантри и Эвелина позади нее, а за ними группа слуг в почтительном молчании, — все это молчаливое торжество всепримирающей смерти произвело ошеломляющее впечатление на мятежную душу жрицы, ураганом ворвавшуюся в зал, несмотря на протесты швейцара и слуг.

Вытянув голову вперед, она точно окаменела на пороге, устремив пылающие глаза на гроб и медленно, как тигр, готовящийся к прыжку, стала приближаться к катафалку.

Прошла мучительная минута сомнения... Ситрева убедилась, что в гробу лежит ее враг и боготворимый идол, и с диким криком упала на руки подоспевшего Лантри...

Когда она пришла в себя в павильоне Эвелины, Дик, по ее требованию, провел ее в зал, и Ситрева, попросив всех удалить из залы, провела целый день почти одна у гроба, молча, без слезинки, смотря на желтое лицо покойника, в котором она скорее чутьем, чем сознанием, признавала своего красавца-повелителя.

И Иза, и Лантри, и Педро ожидали от этой индуски-жрицы дикой, бурной сцены мести, бешеной злобы, но эта смерть ошеломила, а долгое размышление у гроба человека, которого она впервые полюбила и который обманул ее, убедили Ситреву, что мстить некому, что «препятствия», которых устранения она жаждала, были не препятствиями, а *жертвами* покойного, ныне представшего уже на суд великого Будды. Не месть, а жалость чувствовала она теперь и глубокую симпатию к красавице-вдове, в которой она видела соперницу... Но деньги?.. Деньги нужно было выручить, и вечером, когда Лантри убедил ее подкрепить силы и есть что-нибудь, она, выпив стакан молока и съев немного вареного рису и хлеба, спросила американца, не может ли она поговорить с Изой.

Иза ее приняла. О чем говорили между собой красавицы до глубокой ночи — это осталось тайной между ними... Педро, более других боявшийся мести Ситревы, боявшийся за Изу, стал наготове у дверей павильона сестры своей и несколько раз пытался прислушиваться к беседе, которую спокойно вели женщины... Изредка лишь Иза повышала голос, и странным казалось ему, что из павильона, где несомненно находились только Иза и Ситрева, иногда доносился глухой, несомненно мужской, старческий голос... Он слышал даже некоторые фразы. Он ясно разобрал после громких слов Изы: «Вы должны согласиться на это», глухой бас старика, сказавшего: «Прежде чем дочь Востока, ты — дочь Индии... Спаси ее, Восток сам возродится...» Потом раздался дикий, радостный клик Ситревы, и опять старик ответил ей: «Тебе другая задача предназначена... будешь в мире жить... Откажись от него, он нужен нам...»

Из павильона Изы Ситрева вышла с лицом, на котором разлито было чувство радости.

Она прошла через зал, не взглянув даже на покойника, и, переночевав в отведенной ей комнате, утром выехала в Париж с Педро, отпустив с миром японцев.

— Ты мне нужен, — сказала она Педро, — я надолго остаюсь на Западе.

Через два дня князь Буй-Ловчинский по католическому обряду похоронен был на ниццком кладбище, близ Шато. На похоронах была вся Ницца, любовавшаяся красавицей-вдовой.

К НОВОЙ ЖИЗНИ.

В последних числах мая, на рассвете ясного дня, пароход Peninsunolar Oriental Co — «*Queen Victoria*» — вошел в Бомбейский рейд, и в числе первых пассажиров на обетованную землю Индии, страны легенд и тайн, спустились Иза Буй-Ловчинская, Эвелина Кингс, Дик Лантри и следовавший за ними, прибывший в Ниццу перед самым их отъездом колоссального роста чернобровый индус, с высшей степени осмысленным выражением красивого лица.

Только день провели они в гостинице, куда позднее с парохода индус доставил их багаж, состоявший из трех небольших чемоданов и громадного, необычной формы сундука, об осторожной переноске которого индус в особенности заботился... В этом сундуке лежало тело Будимирского.

Изе при помощи Тасура Шамрао-Синга, ради этого и прибывшего в Ниццу и обладавшего в полной мере могуществом игогов, — могуществом почти сказочным, нетрудно было похитить тело Будимирского. Когда в успехе этого предприятия Дик Лантри посомневался, Иза, улыбаясь, попросила его развернуть брошюру Поля и указала ему на феноменальные дары, приписываемые д-ром Н. Полем радж-иогам: 1) дар пророчества и предвидения грядущих событий; 2) понимание всех незнакомых им языков; 3) исцеление недугов; 4) искусство читать чужие мысли; 5) слышать разговоры и все происходящее за тысячи верст; 6) понимание языка птиц и зверей; 7) *прокамия*, или способность сохранять юношескую наружность в продолжение сотен лет; 8) способность покидать собственное тело и переходить в другое; 9) *вазитва*, или дар укрощать и даже убивать зверей и людей *одним взглядом* и, наконец 10) мес-

мерическая сила подчинять себе людей и одной лишь волей заставлять их бессознательно подчиняться невыраженным приказаниям игогов.

— Есть ли что-нибудь невозможное для существ, одаренных таким могуществом?—спросила Иза.

Лантри помнил дары эти, но вера не укрепилась еще в нем, и он невольно содрогнулся при мысли, что, быть может, *он будет обладать* всеми этими дарами. Теперь он был близок от этого. Благодаря связям своим с теософами Лондона, он еще в Ницце заручился их рекомендациями к влиятельным людям Бомбея и Лукнова, последнего этапа железной дороги, откуда уже на слонах, лошадях и быках им предстояло достигнуть таинственных пещер в Гималаях.

В Лукнове, перед отправлением в горы, Дик Лантри получил шифрованную депешу из Парижа. Дешифровав ее, он передал депешу Изе, которая прочла: «Здесь в разгаре кипучей деятельности Запада я клянусь отдать жизнь в пользу того святого дела, ради подготовки которого вы удаляетесь от этого мира. Привет вам на пороге святой обители. Ситрева».

Кочился и двухнедельный путь в горах, кончился и последний переход пешком по тропинкам над пропастями, где не могло поставить ногу ни одно животное, кончились все долгие страдания Изы. Как тогда в трансе, восемь месяцев назад, она теперь в действительности стояла перед входом в обитель... Перед ней высилась крутая каменная стена, колоссальная скала, поднимающаяся в далекую высь, блестящая, залитая солнцем... Она стояла перед входом в пещеру, принимая благословение того старца, который до сих пор запрещал ей вход сюда.

— Войдите — и ты и все, судьбою посланные с тобою... Примите благословение мое. Войдите отдохнуть от мук, перенесенных вами в мире, и потрудиться во спасение великого народа! Мир вам!

Они вошли, сознавая, что переступают порог великой тайны, сознавая, что настанет час, когда они вернутся в мир, окрыленные знанием, могучие, готовые к великой борьбе...

Комментарии

А. Львов, подобно многим другим авторам дореволюционных фантастических и приключенческих романов, канул в небытие, не оставив по себе никакого биографического следа. Известно лишь, что в 1906 г. у И. Д. Сытина в Москве вышел его роман «Китайские миллионы», издававшийся в том же году и под названием «Похождения авантюриста». На титульном листе Львов означен как автор «Желтого кошмара»; книги этой, увы, нет даже в крупнейших библиотеках России. Сюжет «Желтого кошмара», однако, нетрудно восстановить: авантюрист Будимирский обольщает в Тяньцзине прекрасную Ситреву, жрицу могущественной секты, борющейся за свободу Китая и освобождение всего Востока от влияния европейцев. Не останавливаясь перед убийством, он выманивает у Ситревы миллионные суммы на подкуп европейских правителей (фоном романа служит вторжение сил коалиции «восьми наций» в Китай и подавление боксерского восстания 1899-1900 гг.). В самом начале романа «Китайские миллионы» мы встречаем Будимирского на японском пароходе: под видом британского миссионера, мечтая о будущей роскошной жизни в Европе, он спешит в Гонконг, к миллионам Ситревы, которые надеется благополучно прикарманить.

«Китайские миллионы», если воспользоваться частым приемом автора, любящего курсивные выделения – роман чрезвычайно *симптоматичный* и отражающий многие клише массового сознания. Здесь и бульварная экзотика Гонконга и Макао с подозрительными притонами, соблазнительными гейшами и опиумными курильнями; и русские кутежи на Лазурном берегу, разительно напоминающие «подвиги» нуворишей современного «новорусского» пошиба; и прекрасные девушки, так и падающие к ногам авантюриста с горящими глазами и «прекрасным античным профилем». В этом плане обращает на себя внимание смелость эротических моментов – в «Китайских миллионах» есть и инцестуальное влечение отца к дочери, и голые куртизанки в шампанском, и лесбийские ласки, и любовь втроем...

Любопытней, впрочем, мотив так называемой «желтой опасности», вдохновленный китайскими подпольными религиозно-мистическими обществами «боксеров» и представленный китайской сектой, чьи щупальца охватили Европу и дотянулись даже до Петербурга. Саму идею «желтой опасности» как столкновения Евро-

пы с восточными ордами автор возводит к одержимому мыслью об азиатском нашествии кайзеру Германии Вильгельму II и именует «басней»; тем не менее, он всецело поддерживает, похоже, идею Вильгельма о «великой восточной миссии» России. «Восток может принадлежать только русским, твердо и систематически забирающим его в свои руки и умеющим оставаться друзьями с подчиненными народами» – утверждает Львов устами Будимирского и капитана-далматинца, знатока Востока. Именно поэтому автор с непонятным на первых порах энтузиазмом говорит об освобождении Востока от «европейцев»: эмансипированный Восток должен подпасть под влияние России. Далее Львов нацеливается на Индию: «великая борьба» таинственных гималайских старцев, как явствует из последних страниц романа, состоит именно в «спасении великого народа» Индии от британского владычества. Вот она, роковая ошибка Ситревы: не Китай, но Индия увлечет за собою весь Восток. «Прежде чем дочь Востока, ты —дочь Индии... Спаси ее, Восток сам возродится...» – поучает недалекую жрицу гималайский старец, глава сокрытой обители. Прямо индо-тибетская утопия Н. Рериха с поправкой на красную Москву!

Столь же незатейливы и мистические мотивы романа, замешанные на отголосках теософского учения Е. Блаватской и ее последователей; отсюда родом сами гималайские «махатмы» и наделенные чудесными возможностями раджа-йоги (далеко ли ушел от этого И. Ефремов в «Лезвии бритвы», породившем в свое время целую волну псевдо-«восточного» оккультизма в б. Советском Союзе?) В «Китайских миллионах», кстати, наличествуют и фантастические мотивы – таковы паранормальные способности красавицы Изы ди-Торро и ее тибетских наставников, а также сложные духовно-фармацевтические практики, превращающие авантюриста Будимирского в «живого покойника». Похождения Будимирского заставляют вспомнить не только «Лезвие бритвы», но и Остапа Бендера с афишкой «Приехал жрец (знаменитый индийский брамин-йог)», и «графа» Семена Ивановича Невзорова из блистательного «Ибикуса» Ал. Толстого – а впрочем, эти вещи тоже вышли не из гоголевской «Шинели».

Книга публикуется по изданию 1906 г. без сокращений, в новой орфографии, с исправлением наиболее очевидных опечаток. Пунктуация, за редкими исключениями – авторская.

С. 7. ...*tour de force* – Успех умения, ловкости, силы, сложное дело (франц.). ...*Тян-Тзин* – Тяньцзинь, город в северном Китае, известный европейскими концессиями. *Рокамболь* – бесстрашный авантюрист, герой цикла романов франц. писателя Понсона дю Террайля (1829-1871).

С. 8. ...*Гессе Вартега «China und Japan»* – Э. Гессе-Вартег (1851-1918) – австрийский путешественник и писатель; его соч. «Китай и Япония» вышло в свет в Лейпциге в 1918 г.

С. 9. ...*Indeed!* – В самом деле! (англ.).

С. 10. ...*lunch* – Ленч, второй завтрак (англ.). «*Les femmes galantes*» – «Галантные дамы» (франц.). ...*операциях Вальдерзее у Пекина* – Альфред фон Вальдерзее (1832-1904) – германский военачальник, фельдмаршал, в 1900-1901 гг. командир союзных войск в Китае.

С. 12. ...*шерри-коблер* – Коктейль из хереса с сахаром, лимоном и льдом.

С. 14. ...«*желтое нашествие*»... *басней германского императора* – Германский император Вильгельм II (1859-1918) активно поддерживал и насаждал миф о «желтой опасности»; в частности, по его инициативе ок. 1895 г. худ. Г. Кнакфуссом была создана картина «Желтая опасность», представлявшая народы Европы в виде аллегорических фигур, предводимых архангелом Михаилом с пылающим мечом; из-за мрачных багрово-красных туч им грозил восседающий на драконах Будда. Репродукции картины, широко тиражировавшейся на открытках, кайзер рассылал государственным деятелям Европы. В письмах к своему двоюродному брату, Николаю II, Вильгельм указывал на «великую задачу» России – «поддержать процесс цивилизации на азиатском континенте и защитить Европу от наступления желтой расы» и ее же «великую роль» в «защите Креста <...> от нашествия монголов и буддизма».

С. 15. *Caro mio!* – Мой дорогой! (итал.).

С. 16. ...«*My darling*»... «*mon chéri*»... «*mio caro*» – «Дорогой мой» (англ.), «мой дорогой» (франц.), «милый мой» (итал.).

С. 17. *Au nom du ciel!* – Во имя небес, ради Бога (франц.).

С. 19. ...*Вей-Хай-Вей* – Вей-Хай-Вей, также Вэйхай – в описываемое время английский военно-морской порт, ныне Вэйхай в китайской провинции Шаньдун. ...*expansion* – Экспансия (англ.).

С. 29. ...*Дуэ* – Поселок на Сахалине.

С. 31. *И будешь ты царицей мира...* – Искаж. цит. из «Демона» М. Ю. Лермонтова.

С. 34. ...«*Public House*», «*English Book-Store*», «*English Pharmacy*», «*Drinking Bar*», «*Gin*», «*Brandy*» – «Трактир», «Английский книжный магазин», «Английская аптека», «Бар», «Джин», «Бренди» ...«*England for ever!*» – «Англия навсегда!» ...*hall* – Холл (англ.).

С. 36. ...«*Война жертв очистительных просит*» – Парафраз цит. из стих. Н. Некрасова «В больнице» (1855): «Судьба жертв искупительных просит».

С. 39. ...*за breakfast'ом* – За завтраком (англ.). ...*Come in!* – Входите! (англ.).

С. 43. *Carriage, please!* – Экипаж, прошу вас! (англ.).

С. 44. *Какая смесь одежд и лиц...* – Цит. из «Братьев-разбойников» А. С. Пушкина. ...*саранчах* – Т. е. саронгах. ...*Hurlingham Club* – Известный спортивный и социальный клуб в Лондоне, основан в 1869 г. *St. John's Wood* – один из богатейших районов Лондона.

С. 46. «*Nemo ante mortem beatus...*» – «Никто не может до смерти назваться счастливым» (лат.) В тексте неправильно: эта поговорка, по Геродоту, основана на словах Солона Крезу.

С. 49. ...*shake hands* – Здесь: рукопожатие (англ.).

С. 52. ...*solo* – Соло, здесь: в одиночку (англ.).

С. 55. *Alls man talk се...* – Известный в описываемые времена в Гонконге комический текст, излагающий стих. «Эксцельсиор» Г. Лонгфелло (1807-1882) на пиджин-инглиш; продавался в виде

брошюрок в английских книжных магазинах и т.д.. В книге этот текст – очевидно, по вине невнимательных наборщиков – цитируется с чудовищным количеством опечаток и откровенной белиберды; приводим одну из более корректных версий цитируемых строф:

Ole man talkee «No can walk,
By one by lain come — velly dark,
Hab got water, velly wide»,
Maskee, my must go top-side.
Top-side galow!

«Man — man» one girley talkee he,
«What for you go top-side look-see?»
And one time more he plenty cly
But allo-time walkee plenty high,
Top-side galow!

You too muchee laugh! What for sing,
I tink so you no savey that ting,
Supposey you no belong clever inside.
More better you go walk top-side.
Top-side galow!

С. 57. ...*Франсуа Ксаверу* – Имеется в виду св. Франциск Ксаверий (Франсиско Хавьер, 1506-1552), сооснователь ордена иезуитов, прославившийся миссионерской деятельностью в Азии. ...*Камозэнс* – португальский поэт Луис де Камозэнс (ок. 1524-1580), автор поэмы «Лузиады».

С. 63. ...*к дрогисту* – Дрогист – торговец аптекарскими и химическими товарами (от франц. droguiste).

С. 64. ...*Grand Vin* – лучшее бордо определенного производителя (франц.).

С. 65. ...«*катцен-яммером*» – Похмельем, от нем. Katzenjammer.

С. 66. ...«*God save the queen...*» – «Боже, храни королеву» (англ.).

- С. 72. ...*Secretario General do Governo e Secretario de Legacao* – Генеральный секретарь правительства и секретарь миссии (португ.).
- С. 75 ...«*rien ne va plus*» – Ставки сделаны (франц.).
- С. 80. *Carrambo!* – Правильно «сагамба», «Как здорово!» (португ.).
- С. 81. ...*saki* – Т.е. саке, японский алкогольный напиток из риса.
- С. 82. ...*кло-де-вуржо* – Бургундское вино из одноименного винограда.
- С. 90. ...*far niente* – Безделье (итал.).
- С. 92. ...*Иеддо* – Т. е. Эдо. ...*в Париже на выставке* – Имеется в виду Парижская всемирная выставка 1900 г. ...*businessmen'ы* – Бизнесмены (англ.).
- С. 93. ...*киримонах* – Киримон – устар. синоним кимоно.
- С. 99. ...*faits et jests* – Здесь: подвигах и выходках (франц.). ...*Scuttle* – ведро для угля (англ.).
- С. 100. «*Поцелуем дай забвенью*»... – Цит. из романа А. Маттизена и Н. Зубова «Под чарующей лаской твоею».
- С. 103. ...*в Периме* – Перим – вулканический остров в Баб-эль-Мандебском проливе.
- С. 118. ...«*rigolo*» ...«*de se pauvre malade*» – «Забавным»; «у этого бедного больного» (франц.).
- С. 120. ...*карнет* – Записная книжка, блокнотик (от франц. carnet).
- С. 121 ...*в rocking-chair'e* – В кресле-качалке (англ.).
- С. 122. ...*globe-trotters'ы* – Здесь: заядлые путешественники (англ.).
- С. 124. «*Donner-Wetter! Ça y est! Indeed! Sarpisti! Carrambo! Dam-med!*» – «Черт побери! Ну и ну! В самом деле! Клянусь Богом! Ну и дела! Проклятье!» (нем., франц., англ., франц., искаж. португ. и англ.).

С. 125. *Scoundrel!* – Мошенник! Проходимец! (англ.).

С. 126. ...*Полюса... Chat noir* – Полюс (Жан-Поль Габен, 1845-1908) – франц. певец-шансонсье. «*Chat noir*» («Черный кот») – одно из первых современных кабаре, знаменитое заведение Р. Салиса, действовавшее в Париже с 1881 до 1897 г.

С. 127. ...«*President de la Republique Francais Raoul de Bonnivet...*» – «Президент Французской республики Рауль де Бониве»... *ba-dauds* – зеваки (франц.). ...*touche le sol de France* – Ступил на землю Франции (франц.).

С. 128. ...*en grand* – Здесь: На широкую ногу, помпезно (франц.).

С. 129. ...*Boarding House* – Пансион (англ.).

С. 130. ...*обещана была и касса* – Речь идет о несгораемой кассе. ...*maid* – Горничная (англ.). ...*Редферна* – «Редферн и сыновья» (позднее «Редферн Лтд.») – британский дом высокой моды, существовавший с середины XIX в. до 1940 г., в описываемое время имел отделения в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и Эдинбурге. ...*high life* – Высший свет, аристократическое общество (англ.).

С. 131. ...*утренний сьют* – Утренний костюм, от англ. *suit*. ...*гавелок* – Длинный мужской плащ с пелериной. ...*matinée* – Матине, утренняя домашняя женская одежда (франц.). ...*пардессю* – Женская накидка. ...*coute que coute* – Во что бы то ни стало (франц.).

С. 132. ...*Сикспенс* – Букв. «Шестипенсовик» (англ.).

С. 133. ...*Гаррик-театр... Пинеро* – Гаррик-театр – известный театр на Черинг-Кросс в Лондоне. Пинеро – Артур Уинг Пинеро (1855-1944), видный британский актер, драматург и режиссер.

С. 134. ...*настоящий английский кипсек* – Кипсек – подарочная, изящно изданная книга; здесь в переносном смысле как «истинный образчик английской красоты». ...*пальмистка* – Гадалка, читающая прошлое и будущее по линиям ладони.

С. 135. ...«*Borderland*»... *Безант... Блаватская* – Перечислены имена основательницы теософского движения Е. П. Блаватской

(1831-1891) и ее соратницы, оккультистки и политической деятельницы А. Безант (1847-1933). «*Borderland*» – журнал теософско-спиритуалистической направленности, кот. издавал в 1894-1897 гг. известный британский журналист Уильям Т. Стед (1849-1912), погибший впоследствии на «Титанике».

С. 136. ...*Трильби* – Героиня одноименного романа английского писателя Джорджа Дюморье (1834-1896), жертва гипнотизера Свенгали, обязанная ему своим вокальным даром. ...*Бьютифуль* – Букв. «прекрасная» (англ.).

С. 142. ...«*форејнером*» – Иностранцем, от англ. foreigner. ...*полковника Олча* – так в тексте. Имеется в виду полковник-американец Генри Олкотт (1832-1907), ближайший сподвижник Е. Блаватской и первый президент Теософского общества.

С. 143. ...*если ваше prix будет raisonnable* – Если цена ваша будет резонной (рус., франц.).

С. 146. ...*парюр* – Здесь, очевидно, небольшая диадема из жемчуга. ...*famille en trois* – Тройственная семья (франц.).

С. 147. ...«*moderna stile*» – Современного стиля, стиля «модерн» (итал.). ...*chez Maxime* – У «Максима» (франц.).

С. 148. ...*habitué* – Завсегдатай, частый посетитель (франц.). ...«*Parmi les assistants*» – Здесь: в числе помощников-распорядителей (франц.) ...*au hasard* – Случайным образом (франц.). ...*five o'clock* – Файв-о-клок, чаепитие. ...*один из «парнасцев»* – Имеется в виду группа выдающихся франц. поэтов второй половины XIX в., объединившихся вокруг Т. Готье. ...*gontеux* – Франт, хлыщ (франц.).

С. 149. ...«*Космополиса*» *Буржэ* – Речь идет о романе (1892) французского писателя Поля Бурже (1852-1935). ...*garden parties* – Приемы на открытом воздухе (англ.). ...*les boyards compatriotes de notre cher prince* – Бояре-соотечественники нашего дорогого князя (франц.).

С. 150. ...«*Faites vos jeux, messieurs-dames!*» – «Делайте ваши ставки, господа!» (франц.). ...*maxim na zero* – Максимальная дозволенная ставка на zero. ...*en plein* – Ставка на определенный номер

(франц.). Таким образом, способ игры Будимирского – наиболее рискованный, но и приносящий в случае удачи наибольший выигрыш. ...«*richissime russe*» – «Русский богатей» (франц.). ... *vese littoral* – Побережье, «вся Ривьера» (франц.).

С. 151. ...*bataille des fleurs* – «Битва цветов», некогда элемент традиционного карнавала в Ницце, ныне заменяемая парадом цветочных костюмов. ...*billet doux* – Любовная записка (франц.). *Veglion* – Здесь: бал-маскарад. ...*монтионовской премии за добродетель* – «Монтионовскими» называются премии за добродетель и сочинения, служащие к пользе нравственности; учреждены бароном-филантропом А. Монтионом (1733-1820) и присуждаются Французской академией и парижской академией наук.

С. 152. *Bonsoir monsieur!* – Добрый вечер, господин (франц.). ...*drole u rigolo* – Смешным и забавным (франц.). ...*braves gens* – Бравые, храбрые ребята (франц.).

С. 153. ...*gardiens de la paix* – Полицейские (франц.).

С. 156. ...*après nous le déluge* – После нас хоть потоп (франц.).

С. 157. ...«*растакуера*» – Растакуер – гуляка, прожигатель жизни, кутила.

С. 158. *A! Oui! La nostalgie... largueur d'âme, les tristesses des steppes, si bien peintes par Maxim Gorkhi* – Ах! Да! Ностальгия... ширь души, печаль степей, как описывал Максим Горький (франц.).

С. 159. ...«*en vue de l'état d'ivresse*» – «По причине пьяного состояния» (франц.). ...*petit Jean'y* – Маленькому Жану (франц.). ...*красавице Отеро* – Имеется в виду испанская танцовщица и актриса Каролина Отеро (1868-1965), одна из известнейших куртизанок «Прекрасной эпохи», прозванная «красавицей Отеро» (*La Belle Otero*).

С. 160. ... *оказалась à sec* – Совершенно сухой (франц.). ...«*Le vous jure, corps nu, que je n'exagère pas...*» – Клянусь вам, это голая правда, я не преувеличиваю (франц.). ...«*fils de steppe*» – Сын степей (франц.).

С. 165. ...*дзян-дзюню* с *главным амбанем* – Дзян-дзюн – губернатор провинции в тогдашнем Китае (здесь в переносном смысле – губернаторские солдаты). *Амбань* – титул высшего китайского чиновника.

С. 169. ...*мани-курт* – Также маншкурт, женская верхняя одежда без рукавов либо с короткими рукавами, от франц. *manche courte*.

С. 170. ...*garçonnière* – Холостяцкая квартирка, гарсоньерка (франц.). ...*bibelots* – Безделушки (франц.).

С. 178. ...*брошюру Поля* – Далее цитируется небольшой, но весьма influential в свое время «Трактат о философии йоги» индийского врача XIX в. Н. Поля (Нобина Пала), впервые изданный в Бенаресе в 1851 г. Вероятно, именно отсюда или из какого-либо пересказа сочинения Поля автор заимствовал идею «живого покойника», так как в «Трактате» среди прочего описываются состояния длительной гибернации. По воспоминаниям Е. Блаватской, книга Поля стала «сенсацией» в медицинских кругах Индии и вызвала «живую полемику» в прессе.

Оглавление

I. На пути. – Красавица в мантилье.	7
II. Иза ди-Торро.	16
III. Quasi-исповедь Будимирского. – У денег.	35
IV. Город «благоухающих вод» (Гон-Конг).	41
V. Сила талисмана.	46
VI. Макао.	51
VII. Моту и Хако. – Похищение пакета № 1047.	60
VIII. Макао. – Предчувствие Изы.	68
IX. Драма в ресторане.	78
X. Кошмары. – Забвение. – Шифр.	88
XI. Во власти кошмаров.	98
XII. Инструкция Ситревы. – Еще жертва.	104
XIII. В Европу! – Грандиозное пари.	112
XIV. Победа «молодых». – В Европе.	121
XV. Начало реализации всех грез. – Трильби.	128
XVI. Рай Магометов.	137

XVII. Окончательное преображение и начало конца.	146
XVIII. «В остатную!»	156
XIX. Потревоженная львица.	163
XX. Живой покойник.	171
XXI. К новой жизни.	178
К о м м е н т а р и и	181

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.